

ФОНД ФРИДРИХА ЭБЕРТА

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ
ГОСУДАРСТВАХ**

A 03 - 03221

CHIȘINĂU – 2002

RELAȚII INTERETNICE: ASPECTE ACTUALE.
/ FES. – Chișinău, 2002. – 60 pag.

În această culegere sînt prezentate unele materiale ale simpozionului științifico-practic internațional "Minoritățile naționale și relații interetnice: tradiția europeană și experiența noilor democrații pentru Moldova", care a avut loc la Chișinău, Republica Moldova la 28-29 iunie 2002. Recomandăm să consultați și broșura "Relațiile interetnice în țările postcomuniste", în care sunt publicate unele materiale ale simpozionului în limba română.

Materialele sunt dedicate studenților, profesorilor, celor ce se interesează de știința politică contemporană.

Coordonator
Valeriu MOȘNEAGA,
doctor habilitat, profesor

Articolele apar în redacția autorilor

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Губогло М.</i>	<i>Между Сциллой унитаризма и Харибдой конфедерализма. Страницы этнополитического развития Гагаузии</i>	4
<i>Юнусов А.</i>	<i>Этноязыковая ситуация и проблемы национальных меньшинств в постсоветском Азербайджане</i>	43
<i>Мошняга В.</i>	<i>Урегулирование приднестровского конфликта в Республике Молдова: состояние и осмысление.</i>	62
<i>Молодыхова И.</i>	<i>Венгрия: права национальных меньшинств и их реализация</i>	77
<i>Соотла Г.</i>	<i>Факторы формирования политики интеграции русскоязычного населения в Эстонии.</i>	87
<i>Царану А.</i>	<i>К вопросу о генезисе приднестровского конфликта в Республике Молдова.</i>	102

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții
Relațiile interetnice: aspecte actuale /
Fundatia Friedrich Ebert; coord. Valeriu Moșneaga - Ch.: S.n., 2002 (Tipogr. «Elan Poligraf»
• - 60 p.

ISBN 9975-9719-4-6
100 ex.
323.15: 327.58 (063) (082)

ISBN 9975-9719-4-6

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ УНИТАРИЗМА И ХАРИБДОЙ КОНФЕДЕРАЛИЗМА. СТРАНИЦЫ ЭТНОПОЛИТИ- ЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГАГАУЗИИ

Михаил ГУБОГЛО

Россия, Москва

Институт этнологии и этнографии

Российской Академии Наук

Доктор-хабилитат, профессор

Парадигма переходного периода

Одним из итогов первого постсоветского десятилетия явилось формирование нового научного направления, не без оснований номинированного в качестве "парадигмы переходного периода". Её функции, как показала Сильвия фон Штайнсдорф, состоят в том, чтобы "сократить издержки, сопряжённые с комплексностью процесса перехода от одной системы к другой, и высветить шансы демократизации ... канализовать блуждания и противоречия процессов в направляющее русло, вычленив параметры демократизации и привлечь внимание к насущно необходимым, но отсутствующим предпосылкам"¹.

В Республике Молдова, как и в ряде других государств, возникших на обломках бывшего Советского Союза, переходный период начинался с демонтажа старых (авторитарных или тоталитарно-коммунистических) политических систем и может завершиться тогда, когда новорождённое государство наполнится реальным суверенитетом без отката к исходному состоянию. Признаком продолжающегося переходного состояния является ползучая эрозия ещё не укрепившихся политических институтов, в том числе продолжающееся перетягивание каната между центральными и местными институциональными образованиями. В отличие от многих стран Запада, в которых сущностное содержание переходного периода определялось соотношением "либерализации" политических институтов и мобилизации значительной массы населения, в постсоветском пространстве, за исключением России, этот период характеризуется "этнократизацией" режимов и "недомобилизацией масс".

Вылотекущие переговоры между Кишинёвым и Тирасполем, с одной стороны, и Кишинёвом и Комратом, с другой, составляют со-

держание конкурентной борьбы между политическими элитами, воссоединяя на каждой из трёх вершин треугольника некогда единой союзной республики Молдавию.

С приходом молдавских коммунистов к власти в феврале 2001 г. рассеялись иллюзии о завершённости переходного периода в Республике Молдова, по крайней мере, на уровне урегулирования отношений между Центром и Гагаузией. Возникновению этой иллюзии, как известно, способствовал ряд обстоятельств, в том числе принятие в декабре 1994 г. Парламентом Молдовы закона "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)" и признание рядом европейских правозащитных организаций созданного Автономно-территориального образования продуктивной моделью мирного урегулирования этнического конфликта, достойным примером для подражания².

Необратимая консолидация молдавского государства может состояться в том случае, если будут сформированы демократические институты. Это – аксиома теории переходного периода. Однако вряд ли можно считать завершённым процесс конструирования политических институтов, под которым понимается совокупность регулятивных ведомств и учреждений, деятельность которых направлена на претворение в жизнь тех или иных программ и технологий.

Незавершённость преобразований в Республике Молдова ощущается в неустойчивости каждого из четырёх основополагающих типов политических институтов и автономных или ассоциированных с ними СМИ: законодательных, смысл которых определяется необходимостью принятия законов относительно урегулирования общих интересов всего населения и отдельных социальных и этнических групп, исполнительных, призванных претворять эти законы в жизнь, судебных, создаваемых для урегулирования возникающих спорных проблем и интерпретации имеющихся законов применительно к конкретным ситуациям, наконец, принудительных, задача которых заключается в наказании лиц, нарушающих законы. Независимо от принятой модели политической власти – демократической, учитывающей интересы общества и интересы народов, или авторитарной, когда государство управляется одним высшим правителем или некоей клановой силой, конечная цель вышеупомянутых основополагающих институтов является сходной: она состоит в разработке правил жизни, применения правил исполнения этих правил и наказания тех, кто нарушает правила и правила правил.

¹ Парламентская демократия и федерализм в России и Германии. Опыт совместного исследования российских и германских учёных. Под общ. ред. А.Мацнева и М.Моммзен. - Москва-Мюнхен-Вюрцбург, 1999, с. 7

² <http://www.grocities.com/Athens/Atlantis/3175/phenomenon.htm> John Baggaley. Gagauzia a new phenomenon in Europe.

И те, и другие, на практике многих государств, принимают специфические формы. Эстонская этнократия³ постсоветского времени отличается от узбекской, а молдавская от грузинской⁴. Хотя и Приднестровье, и Абхазия находятся в одном типологическом ряду, отставшая свою политическую, этническую и региональную автономии (в широком смысле) в противостоянии грузинизации в одном и румынизации в другом случае⁵.

Так, например, анализ институциональных различий между демократическими режимами развитых капиталистических стран только по десяти наиболее важным составляющим той или иной политической системы даёт 2¹⁰ – 1024 теоретически возможных способов сочетания политических институтов современного западного демократического режима⁶. Наличие в государстве нескольких различных народов добавляет новые специфические черты протеканию трансформационных процессов, в том числе технологии внедрения демократии и преобразования политических институтов (табл. 1).

Таблица 1. Институциональные различия между демократическими режимами в многоэтнических странах.

<i>Институты</i>	<i>Формы институциональных альтернатив</i>
Связь государства и экономики	Либеральная или корпоративная

³ См. например: Халик К., Сьер Э., Хелемяк Е., *Неэстонцы на рынке труда в новой Эстонии*. - Москва, 2001; *Узбекистан: этнополитическая панорама. Очерки. Материалы. Документы. Т.1-11.* - Москва, 1994-1995.

⁴ Лежава Г.П. *Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта*. - Москва, 1997; его же: *Этнополитическая ситуация в Грузии и абхазский вопрос*. - Москва, 1998.

⁵ См. например: *Технологии этнической мобилизации. Из истории становления российской государственности (1987-1993 г.г.)*. Автор-составитель Г.П. Лежава. - Москва, 2000; *Непризнанная республика. Т. I-V.* - Москва, 1997-1999; Губого М.Н. *Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья. // Исторический альманах Приднестровья*. - Тирасполь, 2000, №4, с.13-35; *История Приднестровской Молдавской Республики. Т.2, часть 2.* - Тирасполь, 2001.

⁶ Lijphart A. *Democracy in plural societies. A comparative exploration, 1977; Перевод на русский язык: А. Лейпхарт. Демократия в многоэтнических обществах. Сравнительное исследование*. - Москва, 1977; его же: *Democracies: Patterns of majoritarian and consensus government in twenty-one countries*. - New Haven, 1984.

⁷ Ср.: *Политическая наука: новые направления*. - Москва, 1999, с.151.

Связь государства с национальностями	Патерналистская или паритетная
Связь государства с религией	Теократическая или гражданская
Партийная система	Двухпартийная или многопартийная
Избирательная система	Пропорциональная
Законодательное собрание	Однопалатное или двухпалатное
Структура исполнительной власти	Унитарная или федералистская
Центральная власть	Парламентская или федералистская
Местная власть	Слабая или сильная автономия
Судебная система	Судебный контроль или судебная профилактика
Государственная служба	Назначение по принципу выгоды или по деловым качествам
Вооружённые силы	Профессиональная или обязательная воинская повинность

В менталитете западных теоретиков демократии и политологов, специализирующихся на описании политических институтов постсоветского пространства, существует неадекватное представление о том, что в процессе демократизации центральная роль принадлежит законотворчеству и соответственно Парламенту. Между тем, история императорской, советской и опыт постсоветской России свидетельствуют о том, что исполнение законов – процесс более затруднительный, чем их сочинение.

Перегруженная этим опытом постсоветская Молдова, подобно России, более всего страдает не столько от нехватки “хороших” законов, сколько от нехватки их хорошего исполнения. И дело не в том, что в Молдове, более чем где-нибудь в других странах, высок удельный вес незаконопослушных граждан, а в том, что политические элиты, представляющие групповые интересы различных категорий населения, не могут найти компромиссные решения, в том числе в сфере этногосударственных отношений. Едва ли не самый яркий пример – торпедирование некоторыми кишинёвскими чиновниками, депутатами и политиками исполнения закона “Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)”.

“Формула взаимопонимания”

Накануне выборов в Парламент Республики Молдова (25.02.2001 г.), появилось “Соглашение между депутатами Народного Собрания Гагаузии (Гагауз Ери) и кандидатами в депутаты Парламента Респуб-лики Молдова от партии коммунистов Республики Молдова”. Этот важный политический документ, несколько преждевременно эйфористично названный “формулой взаимопонимания”⁸, подписали 25 из 34 депутатов Народного Собрания (Парламента) Гагаузии, будущий президент Молдовы, а тогда лидер крупнейшей оппозиционной партии коммунистов, Владимир Воронин от имени и по поручению 103 кандидатов в депутаты по списку Партии коммунистов Республики Молдова.

Согласно этому документу, кандидаты в депутаты Парламента Республики Молдова от Партии коммунистов, будучи избранными в Парламент Молдовы, брали на себя ряд обязательств, в том числе обещали внести предложения и поддержать наполнение суверенитета Гагаузии по следующим пунктам:

- а) внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова в части укрепления особого правового статуса Гагаузии;
- б) приведение действующего законодательства Республики Молдова в соответствие с Законом Республики Молдова “Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери) и обеспечении его исполнения всеми ветвями государственной власти Республики Молдова”;
- в) разграничение полномочий между Республикой Молдова и Гагаузией с целью исполнения положений Закона Республики Молдова “Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)”;
- г) обеспечение представительства Гагаузии во всех органах власти Республики Молдова;
- д) вопрос о вхождении Молдовы в таможенный Союз стран СНГ;
- е) вопрос о присоединении Молдовы к Союзу России и Беларуси;
- ж) обеспечение на законодательном уровне охраны и развития гагаузского языка;
- з) обеспечение необходимых условий для изучения молдавского языка на территории Гагаузии (Гагауз Ери);
- и) придание русскому языку статуса второго государственного языка Республики на конституционном уровне;
- к) меры по мирному и окончательному решению приднестровского конфликта”.

⁸ «Коммунист Буджака», 2000, 1 февраля.

⁹ Там же.

На основе воспроизведённой здесь формулы взаимопонимания в Гагаузии были разработаны конкретные предложения, воспринятые Кишинёвом как очерченная виток гагаузской революции и вызвавшие категорический отказ вести переговоры по вопросу о наполнении Автономно-территориального образования Гагаузии реальным содержанием. Построение демократического правового государства, высшими ценностями которого согласно преамбуле и пункта 3 статьи 1 Конституции Республики Молдова являются “гражданский мир, демократия, достоинства человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм”, предполагает, что именно справедливые политические институты могут способствовать построению справедливого общества, а не наоборот, справедливое общество создаёт справедливые политические институты. Справедливость, по меткому выражению автора одной из общепризнанных книг по теории справедливости Джона Ролза - “это первая добродетель общественных институтов”. Во вступительной главе к своей книге, пользующейся на Западе огромной популярностью¹⁰, Д.Ролз писал: “Теория, как бы она ни была элегантна и экономна, должна быть отвергнута или подвергнута ревизии, если она не истинна. Подобным же образом, - продолжает автор знаменитой “Теории справедливости”, - законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы”¹¹.

Политические институты, как неоднократно отмечалось в зарубежной политологической литературе, создаются не только ради того, чтобы вырабатывать и соблюдать “правила игры”. Хотя и побочную, но далеко не второстепенную роль они призваны играть в формировании и функционировании необходимых данному обществу или сообществу ценностей, и в первую очередь таких, как справедливость¹², коллективная идентичность, принадлежность к сообществу¹³.

Обосновывая, объясняя и оправдывая позицию депутатов Гагаузского парламента и призывая избирателей Гагаузии отдать свои голоса за кандидатов коммунистов, председатель постоянной комиссии Мол-

¹⁰ *О книге такого масштаба на Западе говорят: “либо читали её все, либо не творятся, что читали”.*

¹¹ Rawls J. *A Theory of justice*. Harvard University. Press Cambridge, Massachusetts. 1971. Рус. перевод: Поляк Д. *Теория справедливости*. - Новосибирск, 1995, с.19.

¹² March J.G., Olsen J.P. *Rediscovering institutions: The organizational basis of politics*. - New York, Free Press, 1989, p.126.

¹³ Dworkin R. *Taking right seriously*. - London, 1977, p.160.

давского парламента по сельскому хозяйству и перерабатывающей промышленности, кандидат в депутаты парламента от ПКРМ Д.Тодорогло привёл ряд примеров из позитивной деятельности фракции коммунистов Молдавского парламента в поддержку экономических и социально-культурных интересов и потребностей гагаузского народа и населения Гагаузии.

Действительно, пока коммунисты находились в оппозиции, фракция КПРМ поддержала на всех уровнях обсуждение и принятие закона о зоне свободного предпринимательства "Производственный парк "Волканеш", выступила с законодательной инициативой и добились принятия закона об освобождении от уплаты НДС и акциза на дизельное топливо, поступившее в Гагаузию в виде гуманитарной помощи из Турции, ходатайствовала перед правительством о целенаправленном бюджетном финансировании подготовки кадров юристов в Комратском университете, инициировала выделение бюджетных средств на газификацию нескольких гагаузских сёл, поддержала предложение о государственных гарантиях на получение иностранных кредитов для реконструкции винзавода в с.Кирсово и реализации проекта водоснабжения населённых республики.

Однако, будучи хорошо осведомлённым о перипетиях подковёрной борьбы в Парламенте Молдовы, Д.Тодорогло интуитивно заподозрил в этой предвыборной акции что-то неладное. Его насторожило, в частности, различие в некоторых предвыборных документах ПКРМ, широко растирожированных в ходе избирательной компании. Так, например, его удивление вызвал тот факт, что в предвыборной программе ПКРМ, размноженной крупным тиражом в виде яркой листовки, чёрным по белому было написано: "Обеспечить выполнение Закона Республики Молдова "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)". В газетном варианте этой же самой программы, опубликованной в "Коммунисте", строки с этим обещанием не оказалось. И хотя это различие не без тревоги было замечено в самой Гагаузии, тем не менее, Комрат сдержал своё слово и мобилизовал избирателей Гагаузии, обеспечив кандидатам от партии коммунистов более 80% голосов от Гагаузии¹⁴.

Открылённые успехом ПКРМ на выборах, в победе которых избиратели Гагаузии приняли активное участие, и, надеясь на ответную поддержку коммунистов в соответствии с их предвыборным авансом, лидеры Гагаузии попытались расширить спектр суверенитета Гагаузии за

счёт наращивания прав и полномочий своего автономно-территориального образования.

Две комиссии по перетягиванию каната

Не откладывая дела в долгий ящик, Народное Собрание Гагаузии своим Постановлением от 8 мая 2001 г. образовало "Комиссию по выработке предложений по изменению и дополнению Конституции Республики Молдова, Закона "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)" и приведению законодательства Республики Молдова в соответствие с законом о статусе Гагаузии". В Кишинёве со всей серьёзностью отнеслись к этой инициативе Гагаузского Парламента и в ответ постановлением Парламента Республики Молдова от 10 мая 2001 г. была образована Комиссия "По выработке предложений по приведению законодательства в соответствие с положениями Конституции Республики Молдова в вопросах, касающихся особого статуса Автономно-территориального образования Гагаузии"¹⁵.

Создание этих двух комиссий, как выяснилось впоследствии, явилось началом нового витка политической конфронтации между Центром и автономно-территориальным образованием. "Обостряющийся с каждым днём новый конфликт между Кишинёвым и Комратом берёт своё начало в 1994 году, когда официальные власти Молдовы не отнеслись серьёзно к необходимости внести изменения в Конституцию Республики Молдова, которые на самом высоком уровне закрепляли бы существование административно-территориального образования Гагауз-Ери", - заявил председатель постоянной комиссии по национальным меньшинствам, депутат Молдавского Парламента от "Альянса Брагша" М.Сидоров. Именно тогда, когда был принят Закон "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)", по мнению М.Сидорова¹⁶, необходимо было начать длительную и не очень простую процедуру с тем, чтобы по истечении едва ли не 7 лет между Югом и Центром взаимоотношения развивались на цивилизованной и недвусмысленной, документально оформленной правовой основе.

Новая волна этнической мобилизации лидеров Гагаузии была вызвана тем, что с момента легитимного существования автономно-территориального образования Гагаузии законодательные и исполнитель-

¹⁵ Для удобства дальнейшего изложения назовём Комиссию Народного Собрания Гагаузии - "Юг", а Комиссию Парламента Республики Молдова - "Центр".

¹⁶ "Проигнорировать проблему Гагаузии больше не удастся, нужны трёхсторонние консультации". // «Gagauz Halki», 2001, 21 октября.

¹⁴ «Gagauz Halki», 2001, 21 октября.

ные акты Республики Молдова не выполняли положения Закона № 344-ХИИ от 23.12.1994 г. "Об особом правовом статусе Гагаузи (Гагауз Ери)" и Постановления Парламента Республики Молдова № 345 от 23.12.1994 г. о введении в действие вышеназванного закона. В результате довольно бесцеремонно нарушались права и интересы населения Гагаузии, предусмотренные законодательными актами Республики Молдова и Уложением (Основным Законом) Гагаузии и нормами международного права.

Во взаимоотношениях между Комратом и Кишинёвым в период между 1994-1999 г.г. сложилась острая, противоречивая ситуация. Внешне благополучная и терпимая, а в действительности внутренне конфликтно-напряжённая, атмосфера напоминала мину замедленного действия. В этот период, как указывалось в СМИ, у руководства Гагаузии стояли политические, во главе с башканом Г.Табунником и спикером Народного Собрания П.Пашалы. Они сдерживали подспудно существующие настроения доработать статус Гагауз-Ери до логического конца. С приходом же к власти в ходе парламентских выборов 1999 г. в Гагаузии новых политических сил во главе с молодым башканом Д.Кройтором и спикером М.Кендигеляном на повестку дня наряду со старыми проблемами были вынесены и вопросы, отражающие новую политическую обстановку как в Республике, так и в самой Автономии. В качестве примера М. Сидоров приводил неоднократно звучавшие требования гагаузской стороны включить её полномочных представителей в переговоры по определению статуса Приднестровья, а также её намерение стать третьим субъектом будущего общего государства. Исходя из накопленного в мировой практике решения конфликтных вопросов между меньшинством и большинством населения в рамках одного государства, М.Сидоров, как Председатель постоянной комиссии по правам человека и национальным меньшинствам, среди различных вариантов выхода из конфликта назвал и возможное начало трёхсторонних консультаций с участием представителей Кишинёва, Комрата и Тирасполя¹⁷.

На заданный ему вопрос о том, будут ли предполагаемые консультации означать начало процедуры федерализации Республики Молдова, депутат М.Сидоров предпочёл не отвечать. Он и не мог ответить, так как в ходе четырёх совместных заседаний двух комиссий, "Юга" и "Центра", состоявшихся летом 2001 года, выяснилось, что члены первой требуют наполнение суверенности Гагаузии дополнительными правовыми гарантиями и полномочиями, а то время как вторые настроены

на максимальное выхолащивание статуса автономии, сокращение её полномочий и сведение до уровня обычного уезда по территориальному принципу.

Итак, вопрос поставлен ребром: быть или не быть федерации в Молдове. Иными словами, вправе ли меньшинство предлагать свои варианты решения большинству, если большинство претендует на формирование демократического государства, а сама демократия, если отделить её от идеологических лезвев и шелухи, является ничем иным, как диктатурой большинства. Конечно, нет, ответит любой специалист по проблемам межнациональных отношений и раннему предупреждению конфликтов. Однако ответ не так прост, как может показаться с первого взгляда. Специфика Республики Молдова состоит в том, что, во-первых, союз двух образований во главе с Комратом и Тирасполем даёт едва ли не две пятых населения Молдовы, во-вторых, наряду с населением Гагаузии и Приднестровья в самой Республике Молдове немало сторонников федерализма с пророссийской ориентацией, в том числе, с позитивной установкой на федерализацию Молдовы по образцу России, в-третьих, бизнес Молдовы связан более тесными и выгодными связями с экономикой России, чем Запада и, наконец, в-четвёртых, в европейском общественном мнении демократический федерализм как форма государственного устройства Молдовы видится более привлекательно, чем постсоветский унитаризм на этнократической основе. Словом, от справедливого определения на правовой основе статуса Гагаузии в немалой степени зависит решение не только "гагаузского", но и статуса непризнанной Приднестровской Молдавской Республики и современного положения самой Молдовы на политической карте мира.

В связи с этим имеет смысл раскрыть скобки и определить дистанцию расхождений между требованиями Комрата и сопротивлением Кишинёва. Чтобы разобраться, нужен взгляд на опыт федерализации в некоторых других странах и в первую очередь на опыт России. Такой экскурс тем более уместен, что давление на Гагаузию, начатое в мае 2001 года, с одной стороны совпало по фазе с началом политической кампании в России по укреплению вертикали власти и по приведению конституций республик и местных законов в соответствие с федеральным законодательством, а с другой – пошло вразрез с принципом справедливости, утверждённым в Конституции Молдовы.

Федерализм и унитаризм в СНГ

В нарастающем потоке литературы по проблемам государственного устройства в России и странах СНГ, о чём свидетельствуют новейшие

¹⁷ "Gagauz Halki", 2001, октябрь

публикации Р.Г.Абдулатипова¹⁸, А.Н.Аринина¹⁹, Г.В.Атаманчука²⁰ и многих других исследователей, характеризующих социальные, правовые, экономические и этические аспекты федерализма главным образом в России (С.В.Алексеев, Э.А.Баграмов, Л.Ф.Болтенкова, С.Д.Валентей, М.С.Джунусов, Ю.А.Дмитриев, В.Н.Иванов, К.В.Калинина, Л.М.Карапетян, А.Е.Козлов, Б.С.Крылов, В.О.Лучин, В.Н.Лысенко, А.А.Мацнев, Н.П.Медведев, Н.А.Михалева, В.Б.Пастухов, Б.А.Страшун, Е.С.Стров, Ю.А.Тихомиров, В.А.Тишков, Ж.Т.Тощенко, В.А.Туманов, И.А.Умнова, А.Г.Черненко, В.Е.Чиркин²¹), менее всего уделяет-

¹⁸ Абдулатипов Р.Г. *Россия на пороге XXI в. Состояние и перспективы федерального устройства*. - Москва, 1996; его же: *Национальный вопрос и государственное устройство России*. - Москва, 2000; его же: *Управление этнополитическими процессами. Вопросы теории и практики*. - Москва, 2001 и др.

¹⁹ Аринин А.Н. *Российская государственность и проблемы федерализма*. - Москва, 1997; его же: *Российский федерализм: истоки, проблемы и перспективы развития*. - Москва, 1999.

²⁰ Атаманчук Г.В. *Теория государственного управления*. - Москва, 1997.

²¹ Алексеев С.В., Караманов В.А., Черненко А.Г. *Идеологические ориентиры России. В 2-х т.* - Москва, 1998; Баграмов Э.А., Головин Ж.Г., Гуревич Г.С. *Раздели ли Россия участь Союза СССР? Кризис межнациональных отношений и федеральная национальная политика*. - Москва, 1993; Валентей С.Д. *Федерализм. Российская история и российская реальность*. - Москва, 1998; Губого М.Н. *Федерализм власти и власть федерализма. // Федерализм власти и власть федерализма*. - Москва, 1997; Джунусов М.С. *Суверенитет как социальный феномен*. - Москва, 1994; Иванов В.Н. *Российский федерализм и внутригосударственная договорная политика*. - Красноярск, 1997; Козлов А.Е. *Федеральные начала организации государственной власти в России*. - Москва, 1996; Крылов Б.С. *Российская модель федерализма в Новой Конституции. // Обозреватель*, 1994, №12; Лысенко В.Н. *Развитие федеративных отношений в современной России*. - Москва, 1995; его же: *От Татарстана до Чечни. Становление нового российского федерализма*. - Москва, 1995; Марченко Г.В. *Региональные проблемы становления новой российской государственности*. - Москва, 1996; Медведев Н.П. *Национальная политика в России. От унитаризма к федерализму*. - Москва, 1993; Михалева Н.А. *Координация правотворчества в Российской Федерации*. - Москва, 1996; Пастухов В.Б. *Три времени России. Общество и государство в прошлом - настоящем - будущем*. - Москва, 1994; *Российская государственность. Состояние и перспективы развития*. - Москва, 1995; *Россия на пороге XXI века. Современные проблемы национально-государственного строительства Российской Федерации*. - Москва, 1996; Тишков В.А. *Очерки теории и политики в России*. - Москва, 1997; Тощенко Ж.Т. *Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки*. - Москва, 1997; Умнова И.А. Кон-

ся внимание сравнительному анализу опыта по созданию правовых систем, гарантирующих национальным меньшинствам права и условия свободного социально-культурного и этнополитического развития.

Между тем, именно в этой области на почве проблем государственного устройства возникают нестандартные коллизии, являющиеся источником тлеющих и вновь возникающих конфликтов. Чаще всего предметом спора и источником противоречий выступает несоответствие между Конституциями новообразованных государств и документами, определяющими статус разнокалиберных автономных образований в их составе. С одной стороны во всех странах СНГ и Балтии приняты новые Конституции²², с другой стороны были приняты Конституции Абхазии от 26 ноября 1994 г., Республики Каракалпакстан от 9 апреля 1993 г., отменённая Киевом Конституция Крыма от 1992 г., непризнанная Кишинёвым Конституция Приднестровской Молдавской Республики от 24 декабря 1994 г., а так же принятый Парламентом Республики Молдова органический закон "Об особом правовом статусе Гагаузи (Гагауз Ери)" от 23 декабря 1994 г.

В целом на территории бывшего СССР возникло, по крайней мере, три типа государств. Среди всех бывших союзных республик только Россия сохранила федеративную форму государственного устройства. В 1-ой статье Конституции так и записано: "Россия есть демократическое федеративное правовое государство". Это означает, что в составе России предусмотрены государственно-подобные или административно-территориальные образования, близкие по статусу к государству: 21 республика, 6 краёв, 49 областей, 2 города республиканского подчинения (Москва и Санкт-Петербург) и 11 автономных образований имеют собственные органы государственной власти, подчинённые федеральному Центру.

ституционные основы современного российского федерализма. - Москва, 1998

²² Конституция Азербайджана принята 13 ноября 1995 г., Армении - 5 июля 1995 г., Республики Беларусь - 24 ноября 1996 г., Грузии - 24 августа 1995 г., Казахстана - 30 августа 1995 г., Кыргызстана - 5 мая 1995 г., Республики Молдова - 29 июля 1994 г., России - 12 декабря 1993 г., Таджикистана - 6 ноября 1994 г., Туркменистана - 18 мая 1992 г., Узбекистана - 28 декабря 1991 г. и 28 декабря 1993 г., Украины - 28 июня 1996 г., Латвии - 15 февраля 1992 г., Литвы - 25 октября 1992 г., Эстонии - 28 июня 1992 г. См.: *Новые Конституции стран СНГ и Балтии. Сб. док. Изд. 2-е. Отв. редактор и автор предисловия Н.А. Михалева*. - Москва, 1997. С. 665-666.

В пределах своих полномочий они осуществляют всю полноту государственной власти на своей территории. Равноправие всех субъектов России как федеративного государства построено на признании равноправия народов. В отличие от России все остальные новообразованные страны являются унитарными государствами и подразделяются на две группы, в одну из которых входят государства без автономных включений (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан), в другую – с автономными образованиями (Азербайджан, Грузия, Таджикистан, Узбекистан, Украина). Молдова входит во вторую группу и, подобно другим странам, имеет немалые проблемы (схему 1).

Таблица 1.. Формы государственного устройства на постсоветском пространстве

<i>Российская Федерация</i>	<i>Унитарные государства СНГ и Балтии</i>	
	<i>Без автономий</i>	<i>С автономными образованиями</i>
21 республика.	1. Армения.	1. Азербайджан.
6 краёв.	2. Беларусь.	2. Грузия.
49 областей.	3. Казахстан.	3. Молдова.
2 города федерального значения	4. Кыргызстан.	4. Таджикистан.
1 автономная область.	5. Туркменистан.	5. Узбекистан.
10 автономных округов	6. Латвия.	6. Украина.
	7. Литва.	
	8. Эстония.	

Расколота Молдова

Абхазия и Приднестровье провозгласили себя суверенными государствами и настаивают на заключении договорных отношений соответственно с Грузией и Молдовой. При этом самопровозглашённая Приднестровская Молдавская Республика требует не только юридического признания конфедерализма, но и готова идти дальше, вплоть до утверждения себя самостоятельным независимым государством.

В общественном мнении Республики Молдова ориентация на конфедеративные отношения не находит принципиальной поддержки. Около 70% взрослого населения Республики Молдова, согласно проведённому весной 1998 г. репрезентативному опросу, высказалось против того, чтобы Приднестровье имело право на самостоятельную государственность. Установление конфедеративных отношений сочло возможным лишь 10,0%, в том числе 10,7% молдаван, но 32,9% украинцев и

36,8% русских. Согласно данным того же опроса совсем иной была картина в общественном мнении Приднестровья. Почти каждые двое из троих жителей непризнанной республики полагали, что население Приднестровья имеет право на самостоятельную государственность, в том числе так думало по 77% русских, 71% украинцев. Это означало, что единственным выходом из тупиковой ситуации, когда одна часть населения голосует за унитаризм, а другая – за конфедерализм, могло быть компромиссное решение на путях создания не унитарного и не конфедеративного, а федеративного государственного устройства.

За истекший период пребывания правящей партии коммунистов у власти (2001-2002) ни одно из обязательств, касающихся урегулирования гагаузского и приднестровского конфликтов, придания русскому языку статуса второго государственного языка, присоединение Молдовы к Союзу России и Беларуси, развития взаимовыгодных отношений со странами СНГ, не было выполнено. Более того, осенью 2001 года Парламент и Президент Республики Молдова начали беспрецедентное давление на Гагаузию с целью пересмотра тех положений Закона “Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)”, которые гарантировали гагаузам право на реальную автономию в том случае, если сама Молдова потеряет свой статус суверенного государства.

15 октября 2001 года в Парламент Республики Молдова поступил проект “Закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова”, подготовленный Специальной Комиссией “По выработке предложений по приведению законодательства в соответствие с положениями Конституции Республики Молдова в вопросах, касающихся особого статуса автономно-территориального образования Гагаузии”. Руководителем комиссии 10 мая 2001 г. был назначен заместитель Председателя Парламента Республики Молдовы В.Мишин.

Смысл разработанного в летние месяцы 2001 года проекта “Закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова” сводился к тому, чтобы изъять из “Закона об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)” те основополагающие статьи, которые обеспечивают гагаузам и населению Гагаузии “особый” автономный статус. Речь идёт, прежде всего, об отмене пункта 4 статьи 1, согласно которому “в случае изменения статуса Республики Молдова как независимого государства народ Гагаузии имеет право на внешнее самоопределение”²³, т.е. на выход из состава Молдовы, если Молдова решится на

²³ *Цит. по: Новые Конституции стран СНГ и Балтии. - Москва, 1997, с.347.*

потерю своей независимости и сочтёт возможным войти в состав Румынии.

После того, как был обнародован проект Закона "О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова", разработанный кишинёвской стороной, состоялось заседание высшего законодательного органа Гагаузии – Народного Собрания. В преамбуле принятого по итогам обсуждения этого законопроекта постановления были перечислены нарушения законодательно установленных прав и свобод населения Гагаузии, что стало причиной обострения общественно-политической и финансово-экономической ситуации в автономно-территориальном образовании.

Речь, в частности, шла о том, что центральными органами государственной власти и управления Республики Молдова с момента принятия, на протяжении семи лет (1994 – 2001), игнорируются и не выполняются положения Закона № 344 – XIII от 23.12.1994 г. "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)" и Постановления Парламента Республики Молдова № 345 от 23.12.1994 г. "О введении в действие Закона "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)", в результате чего грубо нарушаются права и интересы народа Гагаузии, предусмотренные указанными актами, а также Уложением (Основным Законом) Гагаузии и нормами международного права.

При этом особую озабоченность руководства Гагаузии вызывали, во-первых, попытки Кишинёва пересмотреть конституционный закон Республики Молдова "Об особом правовом статусе Гагаузии" в сторону сокращения полномочий автономно-территориального образования, во-вторых, бездействие центральных властей в вопросах внесения изменений в действующую Конституцию Республики Молдова с целью взаимного приведения в соответствие законодательных основ Молдовы и Гагаузии, а также в вопросах заключения договора "О разграничении полномочий между Республикой Молдова и Гагаузией, в-третьих, изменение прав Гагаузии в вопросах формирования самостоятельного бюджета, что явно противоречило 18-й статье закона "Об особом правовом статусе Гагаузии"²⁴, в-четвёртых, попытки органов государственной власти Республики Молдова продавать собственность на территории Гагаузии без ведома и согласия Народного Собрания Гагаузии в ущерб экономическим интересам Гагаузии, в-пятых, неоднократные акции по дискриминации народа Гагаузии в языковой сфере из-за целенаправленного неиспользования властными структурами Республики Молдова

положений Закона Республики Молдова "О функционировании языков на территории Молдавской ССР" от 1 сентября 1998 г.

Количество ущемлений по справедливому заключению экспертов и депутатов Народного Собрания Гагаузии ставило под угрозу основные достижения Гагаузии в деле наполнения суверенитета реальным содержанием. Они могли привести к новому качеству – дестабилизации общей обстановки в автономно-территориальном образовании. В постановлении, принятом Народным Собранием по итогам обсуждения общественно-политической ситуации в Гагаузии, говорилось:

"1. Считать действия руководства Республики Молдова по отношению к Гагаузии способом экономического давления на народ Гагаузии с целью дискредитации действующей власти Гагаузии.

2. Признать, что власти Республики Молдова, выступающие гарантом полной и безусловной реализации полномочий Гагаузии, определённых законом Республики Молдова "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)" от 23 декабря 1994 года, своими деструктивными действиями могут полностью исчерпать кредит доверия народа Гагаузии.

3. Поручить постоянным комиссиям Народного Собрания Гагаузии и структурам исполнительной власти Гагаузии приступить к формированию законодательной базы, необходимой для нормальной жизнедеятельности Гагаузии"²⁵.

С приведённым постановлением Народного Собрания Гагаузии вполне согласовано и "Заключение", подготовленное политиками и экспертами по поводу проектов Закона "О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова". В этом "Заключении" Комиссии "Юг", был сделан принципиальный вывод о неперемлемости кишинёвского проекта Закона, так как он по существу означал ликвидацию особого статуса Гагаузии, установленного референдумом населения Гагаузии в процессе вхождения всех пунктов, населённых гагаузами, в состав автономно-территориального образования.

Содержащаяся в кишинёвском проекте Закона правовая норма о том, что территория Республики Молдова в административном отношении подразделяется на города, районы и сёла (пункт 1 статьи 110 проекта), если нее исключала, то, по крайней мере, не предполагала легитимность существования Гагаузии в качестве автономной административно-территориальной единицы Республики Молдова. Предлагаемая модель, мало, чем отличающаяся от обычного района, не соответство-

²⁴ См. *Новые Конституции стран СНГ и Балтии*, с.353.

²⁵ "Gagauz Halkı", 2001, октябрь.

вала народному волеизъявлению и уже легитимно установленной планке самостоятельности. Более того, включённая в проект правовая норма "могут быть предоставлены особые формы и условия автономии" создавала возможности для субъективизма и ставила Гагаузию в зависимость от произвола центральных властей.

Из существовавшей ранее в Законе "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)" внутренне противоречивой нормы о том, что "земля, недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы... находящиеся на территории Гагаузии, являются собственностью народа Республики Молдова и одновременно экономической основой Гагаузии", во-первых, исключено указание о том, кому принадлежит движимое и недвижимое имущество, не являющееся частью собственности, а во-вторых, владение перечисленной собственностью объявлен не "народ", а государство, что на практике может обернуться собственностью чиновничества из центральных органов власти.

Стремление ограничить масштабы полномочий публичных органов власти АТО особенно наглядно проявляется в кишинёвском проекте "Изменений" в норму (пункт 2, статья 111-1), согласно которой "представительные органы власти автономно-территориальных образований могут быть распущены в случае, когда их действия идут в разрез положений Конституции".

Заглянем в Конституцию Республики Молдова. В перечне основных полномочий Парламента Республики Молдова, установленных Конституцией Республики Молдова, находим соответствующую правовую норму. Она гласит: Парламент Республики Молдова "приостанавливает деятельность органов местного публичного управления в случаях, предусмотренных законом"²⁶. Во-первых, "приостанавливает" и "распускает" – не одно и то же. Во-вторых, в Конституции речь идёт о "деятельности", а не о "существовании" органов, в-третьих, нормы Конституции Республики Молдова касаются органов "местного управления", а не органов автономно-территориальных образований. Общий вывод очевиден: в проекте Закона "О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова" возможность роспуска представительных органов Гагаузии как АТО представляет собой грубое нарушение основ конституционного строя, неотъемлемых и неотчуждаемых прав населения АТО, гарантированных Конституцией и международными актами в области прав человека. Кроме того, в Конституции Республики Молдова отсутствует указание на право Парламента рас-

пускать районные советы; таким образом, статус района оказывается выше статуса АТО. Полностью игнорируются положения, содержащиеся в действующих Уложении (Основном Законе) Гагаузии и Законе "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)". Содержащиеся в проекте Закона (пункт 2, статья 111-1) "мотивы национальной безопасности" предоставляют широкое поле для злоупотреблений властными полномочиями вследствие возможности их произвольного толкования.

Одна из ключевых статей Конституции Республики Молдова содержит фундаментальную правовую норму о том, что "национальный суверенитет принадлежит народу Республики Молдова, осуществляемому его непосредственно и через свои представительные органы в формах, установленных Конституцией"²⁷. При этом принцип разделения властей предполагает самостоятельное функционирование ветвей власти в пределах их компетенции. Фигура "представителя Правительства" (п. 3 ст. 111-1 проекта), являющегося должностным лицом исполнительных органов, нарушает систему сдержек и противовесов, устанавливаемую Конституцией Республики Молдова. Возложение на представителя исполнительной власти задач по координации выполнения функций АТО противоречит сути принципа разделения властей и не соответствует основам конституционного строя Республики Молдова как парламентской республики.

Принятие Закона о статусе АТО и внесении необходимых изменений в Конституцию Республики Молдова предполагает обязательное разграничение предметов ведения органов власти и управления Республики Молдова и АТО. "Представитель Правительства", уполномоченный "осуществлять функции государства", фактически подменяет собой всю систему органов власти и управления АТО, тем самым устанавливается двоевластие, которое в дальнейшем способно парализовать нормальное функционирование властных структур, т.к. в соответствии с Уложением (Основным Законом) Гагаузии и Законом "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)" данные функции закреплены за Главой (Башканом) Гагаузии.

Формулировка "административный контроль" позволяет сделать вывод о том, что все властные структуры находятся в прямом административном подчинении центральных органов власти Республики Молдова, причём, исходя из юридической сущности понятия "административный", данные структуры Республики Молдова являются сугубо исполнительными органами, которые, таким образом, вправе контролиро-

²⁶ Новые Конституции стран СНГ и Балтии, с.325.

²⁷ Там же, с.309-310.

вать и представительные, и судебные органы. При этом нарушается принцип верховенства закона и недопустимость вмешательства в деятельность структур АТО, выполняющих свои функции в пределах их компетенции.

На примере "административного контроля" наиболее ярко проявляются великодержавные замыслы команды "Центр". Вместо обсуждения проблем гарантированного представительства Гагаузии в органах центральной власти, и тем самым обеспечения равных прав и возможностей официальным представителям Гагаузии на официальном уровне принимать участие в выработке и реализации этнической политики Республики Молдова, Комиссия "Центр" переворачивает проблему с ног на голову.

Рассмотрим проблему представительства меньшинств в органах власти в ракурсе теории справедливости, на основе имеющегося европейского опыта, на который так часто любят ссылаться российские демократы и молдавские этнократы, и в свете парадигмы Д.Хоровица, согласно которой социокультурная отсталость меньшинства является потенциальным источником возникновения серьёзных этнических конфликтов²⁸.

Вопрос о представительстве народов в органах власти всегда занимал важное место в этнополитической истории многих стран, в том числе в истории России. Так, например, в Первой Государственной Думе (27 апреля – 8 июля 1906 г.) из 499 депутатов – 63 (12,6%) являлись членами национальных партий, во второй (20 февраля – 2 июня 1907 г.) – из 518 депутатов – 76 (14,7%) представляли интересы различных национальностей, в том числе 30 – мусульманскую партию, по 9 – украинцев и немцев, по 5 молдаван, литовцев и евреев, 3 татарина, 4 белоруса, 4 армянина, по 2 эстонца, латыша, грека и грузина; в третьей (1 ноября 1907 – 9 июля 1912 г.) из 442 число "национальных" депутатов составляло 26 (5,9%), в четвёртой (15 ноября 1912 – 6 октября 1917 г.) из 442 депутатов, интересы нерусских национальностей представляли 21 депутат (4,8%) и фракция русских националистов, в составе которой было 86 депутатов (19,4%)²⁹.

²⁸ Horowitz D.L. *Ethnic groups in conflict*. - Berkeley, 1985. *Новейшую критику теории социально-экономической отсталости как первопричины возникновения этнического конфликта см.: David D. Laitin. Secessionist Rebellion in the former Soviet Union. // Comparative Political Studies, vol. 34, №8, October, 2001, p.839-861.*

²⁹ Цит. по: Смирнов А.Ф. *Государственная Дума Российской Федерации 1906-1917*. - Москва, 1998. с.608-610; см. также: *Парламентская демократия и*

В Совет национальностей в составе Верховного Совета СССР избиралось по 32 депутата от каждой союзной, по 11 депутатов от каждой автономной республики, по 5 депутатов от национальной области и по одному депутату от каждого автономного округа.

В составе Народных депутатов СССР в декабре 1990 г. было 538 депутатов. В том числе 213 русской (39,6%) и 325 человек (60,4%) нерусской национальности. Наличие представительства народов страны в её высшем законодательном органе было проявлением справедливости, вопреки формализованным методам избирательной системы.

Несмотря на продолжающиеся дискуссии по поводу соотношения индивидуальных гражданских и групповых прав³⁰ в многоэтнических странах Запада выработаны вполне демократические технологии по канонам представителей малочисленных национальностей в государственных органах власти.

Особый интерес с точки зрения парадигмы "переходного периода" представляет опыт федерализации Бельгии, т.е. переход от унитарного государственного устройства к федеративному, согласно которому Бельгия состоит из трёх сообществ: французского, фламандского и немецкоязычного, из трёх регионов: Валлонского, Фламандского и Брюссельского; четырёх лингвистических регионов: французского языка, голландского языка, двуязычного столичного региона (Брюссель) и немецкоязычного региона.

Согласно ст.36 Конституции Бельгии федеральная законодательная власть осуществляется совместно Королём, Палатой Представителей и Сенатом³¹. В соответствии со ст.67 в состав Сената входит 71 сенатор, в том числе 25 из них избираются нидерландской избирательной коллегией; 15 – французской; по 10 сенаторов назначаются соответственно Фламандским советом и советом Французского сообщества из их членов; 1 – советом Германского сообщества из своего состава, и ещё 4 сенатора – от франкоязычного, германоязычного и фламандского населения³².

Статья 99-я устанавливает Совет Министров Бельгии, не превышающий 15 человек. При этом за возможным исключением Премьера-Министра, Совет Министров состоит в равном количестве из минист-

федерализм в России и Германии. - Москва-Мюнхен-Вюрцбург, 1999, с.163-164.

³⁰ Смирнов С.К. *Права народов в мультиэтническом государстве: путь России*. - Москва, 2002.

³¹ *Конституция государства Европейского Союза*. - Москва, 1997, с.117-118.

³² Там же.

ров (только бельгийцев!), изъясняющихся на французском языке, и министров, изъясняющихся на нидерландском языке»³³.

Особый интерес инкорпорирования элементов федерализма в систему унитарного государства представляет Испания. Ключевой нормой вводной части её Конституции является утверждение нерушимости единства испанской нации, признающей и гарантирующей право на этническую и территориальную автономию (ст.2). Вместе с тем. Наличие автономных образований, имеющих собственные законодательные и исполнительные органы, придают испанскому унитаризму федеративные черты децентрализации и асимметрии.

Конституция Испании (ст.137) признаёт основные единицы территориального деления страны (муниципии, провинции и автономные сообщества) автономными образованиями. Отсюда вытекает справедливое доктринальное определение Испании как государства автономий. Модель национально-территориальной автономии, в том числе построенная на основе признания самостоятельного статуса исторических регионов проживания национальных меньшинств (Страна Басков, Каталония, Галисия) позволяет сделать вывод об успешном решении одной из самых проблем национального самоопределения и местного самоуправления.

В целой главе, посвящённой автономным сообществам, Конституция Испании определяет состав, структуру, механизмы формирования органов законодательной и исполнительной власти автономных сообществ. Нельзя не подчеркнуть основополагающую норму, изложенную в статье 152. Политико-институциональная организация автономии в соответствии с этой статьёй включает в себя: "законодательное собрание... правительственный совет...; его председателя, избираемого большинством из числа его членов и назначаемого Королём. Председатель руководит правительственным советом, является высшим должностным лицом в автономном сообществе и представителем государства в нём"³⁴ (подчёркнуто мной – М.Г.).

Как видно, испанская модель представительства являет собой то, на что ориентирована Комиссия "Юг", и одновременно противоположное тому, что предлагает Комиссия "Центр". Неприглядная история, связанная с попытками кишинёвского правительства обложить налогом гуманитарную помощь, предоставленную турецким правительством руководству Гагаузии в виде 6 тыс. тонн дизельного топлива для проведе-

ния весеннего сева, являет собой ещё один пример полярного подхода к решению проблем этнических меньшинств в Испании и Молдове. После того, как баски заявили, что они настолько бедны, что все налоги, собираемые в Стране Басков, должны оставаться на их территории, испанский парламент, учитывая специфику региона и её автономный статус, утвердил это положение. И когда баски перестали платить налоги в государственный бюджет, как Татарстан в 1992 году, это ни у кого не вызвало раздражения, т.к. всё было оформлено на правовой основе³⁵.

Проблеме представительства народов в органах государственной власти уделяется серьёзное внимание в постсоветском дискурсе России. Так, например, участники "Круглого стола", состоявшегося в Государственной Думе Российской Федерации 17 декабря 2001 г. и посвящённого именно этой проблеме, считали "необходимым принять и направить федеральным органам власти, органам власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления следующие рекомендации:

при формировании федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления учитывать этнический фактор, то есть представительство российских народов;

для многонациональной России наиболее приемлемым механизмом формирования федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления должен быть принцип пропорционального представительства с выделением определённой представительной квоты для каждого из народов, проживающих на территории субъекта Российской Федерации или муниципального образования...

пересмотреть действующее федеральное законодательство, законодательство субъектов Российской Федерации и правовые акты органов местного самоуправления о формировании органов государственной власти и органов местного самоуправления в направлении более полного представительства в них российских народов;

расширить этническое представительство при формировании кадрового состава федеральной государственной службы, государственной службы субъектов Российской Федерации, муниципальной службы;

создать механизм представительства политических партий и национально-культурных автономий при формировании законодательных

³³ Там же, с.124.

³⁴ Там же, с.407.

³⁵ *Парламентская демократия и федерализм в России и Германии*, с.231.

(представительных) органов власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

включать в кадровый резерв федеральной государственной службы, государственной службы субъектов Российской Федерации, муниципальной службы талантливых организаторов национально-культурных автономий, других общественных объединений и политических партий; при формировании органов местного самоуправления учитывать интересы общин и местных национально-культурных автономий; при формировании государственной кадровой политики органов исполнительной власти не допускать дискриминации кадров по национальному признаку;

рассматривать представительство народов Российской Федерации в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления как неотъемлемую часть процесса демократизации российского общества³⁶.

Таким образом, "предлагаемые кишинёвской командой" "изменения и дополнения в Конституцию Республики Молдова" не расширяют, не консервируют, а сокращают перечень полномочий Автономно-территориального образования и тем самым означают отмену, во-первых, принятого Уложения (Конституции) Гагаузии и Закона "Об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)", а во-вторых, решительный крен кишинёвских законотворцев в сторону дальнейшего утверждения Республики Молдова в качестве унитарного государства. В самом деле, представленный кишинёвской стороной 15 октября 2001 года проект Закона "О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова" не соотносится с исторически сложившейся в постсоветский период этнополитической реальностью, игнорирует опыт семилетнего существования гагаузской автономии, являющейся едва ли не уникальным примером эффективного решения проблем в сфере этногосударственных отношений во всём постсоветском пространстве. Кишинёвский проект не содержит чёткого определения термина "автономия": в соответствии с положениями теории права "автономное образование" может быть определено как обобщенное понятие, применяемое по отношению к автономным республикам, областям, округам и другим автономным единицам³⁶. В тексте проекта отсутствует указание на конкретную форму автономии, при этом проект сводит понятие "автономии" к правовой фикции, т.к. в числе административно-терри-

ториальных единиц Республики Молдова такая форма местного самоуправления, как АТО, вообще отсутствует.

Нельзя не согласиться с положениями "Заключения" Комиссии "Юг" в том числе с тем, что кишинёвский проект "Закона":

- **устанавливает** приоритет воли молдавского законодателя (фактически – законного произвола) над результатами общенародного референдума, проведённого во всех населённых пунктах Гагаузии при вхождении в состав АТО, что предполагает тождественность порядка определения статуса и полномочий АТО и их изменения;

- **не содержит** гарантий, запрещающих одностороннее изменение статуса АТО органами власти Республики Молдова;

- **не предоставляет** необходимых гарантий защиты коллективных и индивидуальных прав народа и жителей Гагаузии, в том числе неотъемлемых прав народа Гагаузии на самоопределение, на сохранение своей исторической, этнической и культурной самобытности;

- **игнорирует** право народа Гагаузии на формирование органов власти и непосредственное осуществление своего суверенитета;

- **создаёт** условия для разрушения целостности системы гагаузских органов власти и управления и вмешательства в исключительно внутреннюю компетенцию АТО. Введение института "представителя Правительства" на практике будет означать двоевластие, неразбериху и хаос в сложившемся управленческом механизме Гагаузии и по сути ликвидацию гагаузской автономии;

- **определяет** статус Гагаузии ниже статуса рядового района (езда), оставляя в ведении АТО только вопросы коммунального хозяйства;

- **не создаёт** правовых основ для децентрализации власти и финансов и дальнейшего чёткого распределения и разграничения полномочий между центром и АТО;

- **не предполагает** права Гагаузии участвовать во внешней и внутренней политике Республики Молдова по вопросам, затрагивающим интересы Гагаузии;

- **не содержит** необходимых реквизитов проекта: отсутствуют указания на авторов проекта и подписи членов Комиссии от Республики Молдова³⁷.

Схема 2. Унитаризм и элементы федерализма в действующей Конституции Молдовы и в проекте Закона "О внесении изменений и до-

³⁶ Конституционное право. // Энциклопедический словарь. - Москва, 2000.

³⁷ "Gagauz Halki", 2001, октябрь.

полнений в Конституцию Республики Молдова", предложенном Комиссией "Центр".

<p>Ст. 110. Административно-территориальное устройство.</p> <p>(1). В административном отношении территория Республики Молдова подразделяется на районы, города и сёла. В соответствии с законом некоторые города могут быть признаны муниципиями.</p> <p>Ст. 111. Особый статус автономии.</p> <p>(1). Населённым пунктам левобережья Днестра, а также некоторым населённым пунктам Республики Молдова могут быть предоставлены особые формы и условия автономии в соответствии с особым статусом, установленным органическими законами.</p> <p>(2). Изменения в органические законы, регламентирующие особый статус населённых</p>	<p>Ст. 110. Административно-территориальное устройство.</p> <p>(1). В административном отношении территории Республики Молдова подразделяется на районы, города и сёла. В соответствии с законом некоторые города могут быть признаны муниципиями.</p> <p>(2). Населённым пунктам левобережья Днестра, а также некоторым населённым пунктам Республики Молдова могут быть предоставлены особые формы и условия автономии в соответствии с особым статусом, установленным специальными органическими законами.</p> <p>Ст. 111. Особый статус автономии.</p> <p>(1). Населённые пункты с особым статусом автономии создают в соответствии с законом автономно-территориальные образования, которые решают самостоятельно, в рамках закона, в пределах своей компетенции и в интересах всего населения общественные дела.</p> <p>(2). Автономно-территориальные образования в соответствии с Конституцией, законами Республики Молдова и законами об особом статусе автономно-территориальных образований.</p> <p>Совершенствование законодательства Республики Молдова влечёт за собой и совершенствование законов об особом статусе автономно-территориальных образований, изменение которых осуществляется тремя пятыми избранных депутатов.</p> <p>(3). Автономно-территориальные образования имеют финансовую автономию в форме и в пределах, установленных законом. Местные налоги и доля национальных налогов, соответствующая потребностям автономно-тер-</p>
---	---

пунктов, предусмотренный частью (1), вносятся тремя пятыми депутатов³⁸

риториальных образований, в целях покрытия необходимых затрат для осуществления текущей деятельности принадлежит им.

(4). Земля, недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы, находящиеся на территории автономно-территориальных образований, являются собственностью Республики Молдова и одновременно экономической основой автономно-территориальных образований.

Ст. 111-1.

(1). Автономно-территориальные образования имеют представительные и исполнительные органы власти в соответствии с законом.

(2). Представительные органы власти автономно-территориальных образований могут быть распущены в случае, когда их действия идут в разрез положений Конституции, грубо нарушают закон и по мотивам национальной безопасности, Парламентом по Представлению Президента.

(3). В автономно-территориальных образованиях действует представитель Президента, который осуществляет функции государства и координирует их с теми, которые осуществляют автономно-территориальные образования. Административный контроль над действиями автономно-территориальных образований осуществляется в соответствии с законом³⁹.

Итак, перед нами необычный исторический парадокс. Гагаузы в своё время получили из рук молдавских этнократов автономное образование, сформированное на принципе этнического (точнее этнотерриториального) самоопределения, а пришедшие в 2001 году к власти партokrаты (бывшие и нынешние коммунисты), совершив очередной политический кульбит, пытаются подвергнуть полномочию автономного об-

³⁸ См.: Новые Конституции стран СНГ и Балтии. - Москва, 1997, с.336.

³⁹ «Gagauz Halki», 2001, октябрь.

разования секвестированию. Известно, что волк может околоть от инфаркта, если территорию его обитания огородить красными флажками. А что может произойти с людьми, которые узнают, что живут в автономном образовании, которое вдруг не по их воле и без их участия может оказаться ликвидированным?

Аппетиты Комрата

Между тем анализ документов, подготовленных каждой стороной – и Кишинёвым, и Комратом, – даёт основания для вывода о том, что доктринальная позиция каждой стороны зеркально схожа. В самом деле, Комрат, в ряде своих претензий завывает планку своей самостоятельности, словно забывает, что игнорирует основополагающие принципы Конституции Республики Молдова, изложенные в ст.1 о Молдове, как о суверенном, независимом, едином и неделимом государстве, и в ст.3 о неотчуждаемости её территории⁴⁰.

В то время как Комрат просят конфедерализм, надеясь получить хотя бы федерализм, Кишинёв настаивает на жёстком унитаризме, понимая, что обречён сделать некоторые уступки в сторону федерализма. Неудивительно, что в ответ на ужесточившуюся позицию Кишинёва последовала не менее темпераментная, но не во всём обоснованная реакция Комрата.

В проекте Закона “О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова”, разработанном Комратом, предлагается считать Молдову – “федеративным” государством, однако статус субъектов определяется некорректно. Предлагаю изложить в п.1 статьи 3 Конституции в следующей редакции: “Территория Республики Молдова состоит из юридически равноправных субъектов и включает в себя территории Республики Молдова и Республики Гагаузия”, Комиссия Гагаузии явно завывает свои аппетиты, скорее всего не понимая, что рядоположение Республики Молдовы и Гагаузии в качестве двух юридически равноправных субъектов означает не федеративное, а скорее конфедеративное государственное устройство. Введение для граждан Республики Гагаузии собственного гражданства, с одновременным гражданством Республики Молдова, вряд ли совместимо, так как выходит за рамки нормального федерализма.

Особого внимания заслуживают внесённые комратской стороной предложения о преобразовании автономно-территориального образова-

ния в Республику Гагаузия. В этом убеждает контент-анализ статей 113-121.

“Статья 113. «Правовой статус Республики Гагаузия»

Гагаузия является государственным и территориальным образованием в форме Республики и образует общее государство с Республикой Молдова в её международно-признанных границах.

Носителем суверенитета и источником государственной власти в Республике Гагаузия является её многонациональный народ.

Республика Гагаузия самостоятельно решает вопросы политического, экономического, социального и культурного развития, в интересах всего населения.

Республика Гагаузия осуществляет прямые внешние связи в экономической, торговой, научной, культурной, спортивной и гуманитарной областях с иностранными государствами, со связанными с этими проблемами региональными и международными организациями при соответствующем представительстве за рубежом.

Статья 114. «Конституция Республики Гагаузия»

Республика Гагаузия имеет свою Конституцию.

Конституции Республики Гагаузия и Республики Молдова не противоречат друг другу.

Статья 115. «Символика»

Республика Гагаузия имеет свою символику (флаг, герб, гимн), которая применяется наряду с символикой Республики Молдова.

Статья 116. «Территория»

Территория и границы Республики Гагаузия не могут быть изменены без её согласия.

Республика Гагаузия самостоятельно решает вопросы своего административно-территориального устройства.

Статья 117. «Исключительное право»

Республика Гагаузия обладает правом выхода из состава Республики Молдова на основании всеобщего референдума Республики Гагаузия.

Статья 118. «Взаимные отношения»

Взаимные отношения Республики Молдова и Республики Гагаузия в рамках Конституций Республики Молдова и Республики Гагаузия регламентируются договорами и соглашениями между Республикой Молдова и Республикой Гагаузия о разграничении и делегировании полномочий, а также об обеспечении гарантий путём выделения Республике Гагаузия соответствующих квот в структурах законодательной, исполнительной и судебной властей Республики Молдова, с правом

⁴⁰ Новые Конституции... с.309-310.

- блокирующего вето по вопросам, затрагивающим интересы Республики Гагаузия.

Споры между Республикой Молдова и Республикой Гагаузия решаются путём согласительных процедур.

Статья 119. «Бюджет Республики Гагаузия»

Бюджет Республики Гагаузия формируется из всех видов налогов, сборов и платежей, установленных законодательством Республики Молдова и Республики Гагаузия.

Взаимоотношения между бюджетами Республики Молдова и Республики Гагаузия устанавливаются в виде фиксированных платежей из бюджета Республики Молдова, размеры которых определяются Правительствами Республики Молдова и Республики Гагаузия с последующим утверждением Парламентом Республики Молдова и Народным Собранием Республики Гагаузия.

В случаях принятия органами государственной власти и управления Республики Молдова решений, повлекших увеличение расходов или уменьшение доходов бюджета Республики Гагаузия, недостающие бюджетные средства компенсируются за счёт бюджета Республики Молдова.

Статья 120. «Структура»

Высшим представительным и законодательным органом Республики Гагаузия является Народное Собрание Республики Гагаузия.

Высшим должностным лицом и главой Республики Гагаузия является Президент Республики Гагаузия.

Президент Республики Гагаузия избирается на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном и свободном голосовании.

Исполнительным органом Республики Гагаузия является Правительство Республики Гагаузия.

Структура, состав и полномочия Правительства Республики Гагаузия устанавливаются законом Республики Гагаузия.

Руководители Министерств, ведомств и департаментов Республики Гагаузия являются по должности заместителями руководителей соответствующих Министерств, ведомств и департаментов Республики Молдова.

Правительство Республики Гагаузия может иметь своих представителей в посольствах или консульских учреждениях Республики Молдова в иностранных государствах, в которых оно имеет специальные интересы, а также направлять своих экспертов в состав молдавских деле-

гаций для участия в международных переговорах, если они касаются интересов Республики Гагаузия.

Статья 121. «Собственность»

Земля, недра, воздушное пространство, растительный и животный мир, другие природные ресурсы, движимое и недвижимое имущество, расположенное на территории Республики Гагаузия, является собственностью Республики Гагаузия⁴¹.

Приведённые нормы действительно призваны перевести административно-территориальную автономию в республику. По всей вероятности, моделью для разработки этих норм послужила Конституция Республики Каракалпакстан, принятая 9 апреля 1993 года на XII сессии Верховного Совета Республики Каракалпакстан XII созыва. По крайней мере, в этом убеждает текстуальное совпадение некоторых статей в Конституции Каракалпакстана и в «Изменениях и дополнениях...», предлагаемых комратской командой. Такова, в частности, статья 117-2 о праве выхода Гагаузии из состава Республики Молдова⁴².

Не приходится удивляться, что непомерно завышенные требования Комрата вызвали резкое неприятие кишинёвской команды. «Предложенный вами, для рассмотрения комиссией по выработке предложений по приведению законодательства в соответствии с положениями Конституции Республики Молдова в вопросах, касающихся особого статуса автономно-территориального образования Гагаузия, проект закона о внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова касается очень широкого спектра статей и конституционных институтов», - гласит документ, подписанный Председателем Комиссии «Центр» - Вадимом Мишиным⁴³.

И далее без какой-либо аргументации, без обсуждения и обоснования, следует жёсткий, как удар кнута, обвинительный вердикт комиссии «Центр». С целью дальнейшего анализа политики «перетягивания каната в рамках парадигмы «переходного периода» подчеркнём важнейшие положения в ответе Комиссии «Центр».

Предложенный комратскими законодателями проект закона «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Молдова», - говорится в этом документе, - «затрагивает структуру и систему государственной власти Республики Молдова, выходит за пределы рассматриваемого вопроса и абсолютно неадекватен сути существующей

⁴¹ *Источник: Ксерокопия с оригинала.*

⁴² *Ср.: Новые Конституции... с.480.*

⁴³ *Источник: Ксерокопия с оригинала. Архив ЦИМО ИЗЯ РАН.*

реальной действительности и тех проблем, которые требуют разрешения, для нормального существования и жизнедеятельности автономно-территориального образования Гагаузия.

Учитывая, что предложенный проект закона не соответствует основным принципам Конституции Республики Молдова и по своему содержанию может быть квалифицирован как покушение на суверенитет, независимость и территориальную целостность Республики Молдова, он не может быть принят к рассмотрению комиссией даже концептуально (подчеркнуто мной – М.Г.).

Как видно из приведённого ответа, подписанного Председателем Комиссии Вадимом Мишиным, Кишинёв не стал церемониться и, уклонившись от каких-либо дипломатических тонкостей, отказал Комрату даже в обсуждении представленного проекта.

Недальновидность позиции кишинёвской команды состоит не в том, что целому народу отказывается в праве на обустройство, причём на том же самом принципе самоопределения и самоуправления, на основе которого Народный фронт Молдовы в своё время самоопределился в самостоятельное государство, выйдя из состава СССР, а в том, что нынешняя постсоветская политическая элита отказывается вести переговоры с представителями народа, облюбовавшими ту же самую идею платформу. В лучшем случае отказ от переговорного процесса противоречит популярной гагаузской поговорке: "Kuru donla uş balik tutulmaz" ("чтобы рыбку съест, надо в воду влезть").

Однако как бы этот отказ ни интерпретировать комсомольско-романтическим инфантилизмом, элементарным дипломатическим недомыслием или злым умыслом, он являет собой, в конечном счёте, образец вербального насилия, категорически неприемлемого в политическом дискурсе. В логике коллективного насилия, когда вместо слов своя бесслышная позиция аргументируется палками или пулями, словесное насилие в его политической форме служит предтечей физического. Недопонимание генерируется не руками и не ногами, а головой. Конфликт возгорается в начале в голове, особенно если голова перегружена имперским пониманием того, что одним народам позволительно позволительно обустроить свою жизнь с учётом этнического фактора, а другим, которые числом меньше, этого права как бы не дано.

Именно этот вид политического насилия больше всего беспокоит современный мир от Ольстера до Абхазии, от Каталонии до Приднестровья, от Квебека до Татарстана. Речь, разумеется, не идёт о том, что интерпретация насилия в качестве обязательного дискурса является па-

нацей от межэтнических бед или рецептом от неразрешимых противоречий в сфере этногосударственных отношений.

Вербальный дискурс, тем более конституированный в форме всякого рода политически ангажированных "Заключений", "Рекомендаций", "Решений" и т.д. может иметь двоякое последствие: или позволить найти взаимоприемлемое решение, или поднести спичку к пороховой бочке.

Десятки и сотни раз задают вопрос: "Почему Кишинёв потерял Тирасполь?". Вероятно, не столько по той причине, что были приняты "языковые" законы осенью 1989 г., перекрывшие каналы доступа лицам, не владевшим молдавским языком, к рычагам государственного управления, и вероятно даже не потому, что в составе первого постсоветского Кабинета Министров Республики Молдова из 21 министра только один оказался лицом немолдавской национальности. Политический дискурс завершился гражданской войной из-за того, что Кишинёв оказался не подготовленным к ведению переговоров, без чего трудно прервать логику назревающего развития конфликта.

Дальнейший ход событий, как всем известно, завершился кровавой трагедией, разыгравшейся по обоим берегам Днестра. Тем самым утвердилась истина в том, что неумение (или нежелание) грамотно вести политический дискурс на легитимном уровне неизбежно вело сначала к вербально-идеологической легитимации агрессивных действий с правого берега и подготовке вооружённого сопротивления с левого берега. Двойная бухгалтерия, когда одним можно, а другим такое же возбраняется, не может служить основой для доверительности и солидарности. Так было во все времена.

Неподуманный скоропалительный жест руководителя кишинёвской команды, его категорический отказ от варианта Комрата, как от назойливой мухи, очень сильно напоминает некоторые литературные произведения молдавских поэтов, писателей и публицистов, которые в конце перестроечного времени, уже накануне распада Советского Союза, убеждали общественное мнение Молдавии в том, что гагаузы – "непрошенные гости", "лишай на теле Молдавского государства", а депутаты Парламента на посмешище всей Европе создавали политический документ, лишаящий гагаузов в праве считать себя самостоятельным народом.

Одной из задач политики, как отмечал И.Элстер, является формирование таких социальных условий и политических институтов, при которых люди вели бы себя честно, поскольку они убеждены, что осно-

вополагающие структуры их общества справедливы⁴⁴. Если социальные принципы и правовые нормы, например, принципы и нормы справедливости изменяются в зависимости от характера политических институтов, то это значит, что в определённой степени люди сами решают, какие из них доминируют в обществе⁴⁵.

Ситуацию, когда обе стороны приходят к переговорному столу с заведомо неприемлемыми домашними заготовками, хорошо передаёт еще одна гагаузская пословица: "evdeki hesap çarşıda uymaz" ("домашний расчёт на рынке не годится").

Методологической основой кишинёвской команды по вопросу государственного управления Гагаузия является идейная платформа русских националистов. Она была сформулирована в программных документах Всероссийского Национального Союза (ВНС), просуществовавшего без малого десятилетие (1908-1917 г.г.), выражена в трудах его крупнейших идеологов.

Идеологи кишинёвской команды, так же как русские националисты в начале XX в., "единое и неделимое государство" понимают однозначно как эвфемизм или точнее как синоним унитарного государства.

"Государственное единство", - писал П.И.Ковалевский в 1912 г., - "допускает широкий простор для всякого разнообразия"⁴⁶, в том числе и этнического. Однако государственное устройство "не может терпеть никаких государств в государстве", т.е. должно оставаться "единым и неделимым" (унитарным)⁴⁷.

Если в приведённом тексте Государство Российское заменить Республикой Молдова, а фамилию П.И.Ковалевского фамилией В.Мишина, то смысловая нагрузка останется неизменной, несмотря на то, что в первом случае идеолог русского национализма обосновывал приоритеты для господствующей нации Императорской России, а Руководитель Комиссии Молдавского Парламента – ограничения для гагаузов в демократической Республике Молдова.

Совершенно очевидно, что Комиссия "Юг" неоправданно зависла политические аппетиты гагаузского руководства. Но вряд ли Комиссия "Центр" была вправе отказать в их рассмотрении, принимая во внимание, что завышенные требования Комрата были основаны на предварительной договорённости с лидером ПКРМ Ворониным во время пред-

⁴⁴ Цит. по: Политическая наука: Новые направления. - Москва, 1999, с.154.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Ковалевский П.И. Русский национализм и национальное воспитание. - Санкт-Петербург, 1912, с.101.

⁴⁷ Там же.

выборной компании в феврале 2001 года. Такова, в частности, статья 13-я в комратском проекте о придании русскому статусу государственного языка Республики Молдова наряду с молдавским языком. Подобное же договорное происхождение имеет и норма о квотном представительстве Гагаузия в системе публичной власти, как в представительной, так и в исполнительной сфере (раздел III, глава VI, ст. 96-97).

Статья 60. «Парламент – высший представительный и законодательный орган»

Дополнить частью 3 следующего содержания:

«Республика Гагаузия представлена в Парламенте Республики Молдова соответствующей квотой, определяемой соглашением между Республикой Молдова и Республикой Гагаузия, с правом блокирующего вето по вопросам, затрагивающим интересы и полномочия Республики Гагаузия».

Статья 61. «Выборы Парламента»

Дополнить частью 2 следующего содержания:

«В Республике Гагаузия выборы проводятся по одномандатным округам. Одним из заместителей Председателя Парламента является представитель Республики Гагаузия – депутат Парламента Республики Молдова».

Нумерация частей 2 и 3 меняется на 3 и 4.

Статья 96. «Роль»

Дополнить частью 2 следующего содержания:

«При проведении внутренней и внешней политики, касающихся интересов Республики Гагаузия, обеспечивается участие Республики Гагаузия. Решения по таким вопросам не могут быть приняты без согласия двух сторон».

Часть 2 становится частью 3.

Статья 97. «Структура»

Дополнить частью 2 следующего содержания:

«Председатель Правительства Республики Гагаузия является по должности заместителем Премьер-министра Республики Молдова».

Наличие в государственном устройстве Молдовы легитимно сформированного национально-территориального образования "Гагауз Ери"⁴⁸, само утверждение которого открывало перед Молдовой двери в целый ряд Европейских структур, придавало государственному устройству чёткие очертания демократизма и некие признаки федерализации вопреки декларированной в её Конституции унитарности и унионизма.

⁴⁸ Цит. по: Новые конституции стран СНГ и Балтии. - Москва, 1997, с.347.

В связи с этим очередной виток возрастания напряжённости между Комратом и Кишинёвом представляет собой практический и теоретический интерес. Он находится в русле обсуждений проблем федерализма, являющейся важнейшей темой в изучении человека, государства и гражданского общества. И было бы непредусмотрительно рассматривать его изолированно вне связи с теми социально-политическими трансформациями, которые произошли на огромной территории СССР после его распада.

Нынешний зигзаг молдавских коммунистов, их уход от справедливого решения вопроса о соотношении прав человека и прав народов, сродни тому предательству руководителей КПСС, в результате которого сошла с исторической сцены великая держава.

Предположим, доверившись Специализированному Энциклопедическому Словарию по федерализму, что федерализм это такая форма государственности, в основу которой положены следующие принципы:

формирование геополитического пространства государства как единого целого из территориальных членов (субъектов) федерации (штатов, кантонов, земель, республик и т.п.);

субъекты федерации обычно наделяются учредительной властью, обладают ограниченным суверенитетом, включая принятие собственной Конституции;

компетенция и полномочия между федерацией (Центром) и субъектами разграничиваются союзной конституцией;

каждый субъект федерации имеет свою правовую и судебную системы;

одновременно существует единое федеративное (союзное) гражданство и гражданство союзных единиц.

При таком подходе федеративное государство представляет собой государство, внутреннее строение которого основано не на административно-территориальном делении, а на объединении государств либо территориальных образований с чертами ограниченной государственности⁴⁹.

В отличие от федеративного унитарное государство не имеет в своём составе федеративных единиц (штатов, земель), а состоит из административно-территориальных единиц (районов, уездов, областей, департаментов и т.д.)⁵⁰. Конфедерация состоит из объединившихся государств, практически в полном объёме сохраняющих свой суверенитет.

⁴⁹ Федерализм. // Энциклопедический словарь. - Москва 1997, с.58.

⁵⁰ Там же, с.57.

Естественно, что в отличие от унитарного и федеративного государства конфедерация менее устойчива, более маргинальна и является переходной формой либо к формированию федеративного (США, Германия, Швейцария) государства, либо к распаду положенного в её основу союза⁵¹.

Конституция Республики Молдова от 24 июля 1994 г. хотя и не признавала гагаузов за самостоятельный народ, но давала некоторый шанс для их самоопределения хотя бы в усечённой форме. Этнический унитаризм государственного устройства Молдовы заложен в преамбуле её Конституции, где с одной стороны говорится о "непрерывной государственности молдавского народа в историческом и этническом пространстве его национального становления", а с другой стороны здесь же содержится формула об "удовлетворении интересов граждан иного этнического происхождения".

Согласно этой формуле всё население страны делится на граждан первого сорта, к которым относятся молдаване, и на граждан "иного", т.е. второго сорта. Дело обстоит так: есть мы (молдаване), и есть иные (не молдаване). Это униженное, а следовательно, и дискриминационное правовое разделение населения по признаку этнической принадлежности частично камуфлируется статьёй 10-й (пункт 2), в которой утверждается, что "государство признаёт и гарантирует право всех граждан на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности". Но о каком равноправии народов могла идти речь, если сначала только молдаванам отдалась вся государственность, а лица "иного этнического происхождения" лишались такой возможности. Окончательно запутывается дело статьёй 10-й, утверждающей, что "Республика Молдова является общей и неделимой родиной всех её граждан".

Переговорный процесс между Комратом и Кишинёвом, напоминающий перетягивание каната, основан на двух взаимоисключающих основах. Позицию лидеров Гагаузии можно определить как лукавство слабого меньшинства, выпрашивающего максимум благ в надежде получить хоть какой-то минимум. Высокомерная снисходительность большинства, как это нередко встречается в международной практике, состоит в готовности что-нибудь кинуть меньшинству с барского стола. Компромисс, вероятно, находится где-то посередине, между завышенными запросами меньшинства и заниженной "благотворительностью" большинства. Между тем, ошибка и тех, и других состоит в попытках

⁵¹ Там же, с.115.

узурпации процессов нацистроительства и государственного обустройства, в нарушении демократических принципов, в игнорировании общественного мнения, в пренебрежении волеизъявлением всего населения Республики Молдова и её каждого народа в отдельности.

Даже самый беглый обзор предложенных Комиссией «Юг» нововведений в Конституцию Республики Молдова свидетельствует о концептуальном смешении элементов различных форм государственного устройства, в широком диапазоне от унитаризма до конфедерализма. С точки зрения этнической политики особый интерес представляют проблемы представительства гагаузов в органах власти, проблемы собственности, бюджетной политики, а также готовности Комиссии «Центр» к диалогу с Комиссией «Юг».

Этносоциологический опрос, проведённый весной 1998 г. по совместному американо-российскому проекту⁵², показал, что взрослое население Республики Молдова по вопросу о приемлемой форме государственного устройства Республики Молдова распределилось приблизительно в 3 равновеликие группы. Для одной из них более предпочтительным кажется сильный центр, что увязывается с унитаризмом, по мысли другой – необходимо сбалансированное распределение власти между центром и местными органами управления, что подразумевает некоторые признаки федерализма, и, наконец, третья группа затруднилась дать ответ на вопрос о предпочтительной форме государственного устройства.

При этом обнаружили существенные различия в общественном мнении различных национальностей. За Республику Молдову как за унитарное государство отдали свои голоса каждый третий молдаванин, каждый четвёртый украинец и лишь только каждый шестой русский. Радикальными сторонниками унитаризма как основополагающего принципа государственного устройства Республики Молдова являются те двое из троих молдаван, которые называют себя румынами.

Удельный вес сторонников построения Республики Молдова на принципах федерализма составлял 46,3% среди русских и 35,5% среди украинцев, что соответственно было в 1,7 и 1,3 раза больше, чем среди молдаван.

На состоявшемся по инициативе Миссии ОБСЕ в Молдове практическом семинаре по вопросам отношений между центром и регионом были выработаны заявление и рекомендации, в которых содержался

призыв к Правительству и Парламенту Республики Молдова, а также к Исполнительному Комитету и Народному Собранию Гагаузии создать более тесные рабочие связи и институционные основы для общения и сотрудничества между центральными органами власти Республики Молдова и региональными органами публичного управления Гагаузии; преследуя всеобъемлющую цель успешного претворения в жизнь соглашения об автономии Гагаузии 1994 г.

Миссия ОБСЕ призвала Правительство и Парламент Республики Молдова и Исполнительный Комитет и Народное Собрание Гагаузии продолжать консультации, и, в частности, обеспечить:

- устранение и избежание противоречий между молдавским ординарным и органическим законодательством и Уложением Гагаузии и гагаузским региональным законодательством с одной стороны, и Законом об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери) или Конституцией Республики Молдова, с другой стороны; и

- создание институционной основы для регулярных обменов информацией, для координирования административных и законодательных действий, а также для регулярных консультаций между центральными и региональными органами. С тем чтобы попытаться преодолеть разногласия на начальном этапе.

Мы прочитали лишь одну страницу этнополитической истории Республики Молдова в рамках парадигмы «переходного периода». В дебатах Комрата и Кишинёва, как в капле воды, отражён характер и состояние переходного периода, в том числе в сфере этногосударственных и мажоритарно-миноритарных отношений.

Контент-анализ документов комратско-кишинёвского диалога ещё раз убеждает в том, что «справедливость», - как отмечал Д.Ролз, - не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других». Более того, «непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство». Следовательно, если республика Молдова и её политические институты претендуют быть справедливыми, то должны быть установлены такие свободы граждан, при которых права, гарантируемые конституционным принципом справедливости, не должны быть предметом политического торга, тем более предметом табуирования или вербального насилия.

Можно надеяться, что, опираясь на опыт нацистроительства в федеративных и унитарных государствах Европы и постсоветского пространства, кишинёвские и комратские политики осознают, что им не к лицу испытывать комплекс неполноценности, проявляющийся скорее в

⁵² Подробнее см.: *Этническая мобилизация и межэтническая интеграция.* - Москва, 1999.

неуклюжей политике перетягивания каната, чем в осмыслении этнополитической реальности и в логике коллективных решений.

С точки зрения оптимизации нынешней этнополитической ситуации перед Республикой Молдова актуальным является установление баланса центробежных и центростремительных сил. Без новых программ и технологий, предохраняющих от волонтаризма и субъективизма чиновничества, от конкурирующего законотворчества процесс националстроительства (между Сциллой и Харибдой) представляется трудноразрешимой задачей. Суть этого процесса, коротко говоря, состоит в конструировании надёжных гарантий и механизмов с целью эффективной состыковки структур и элементов унитаризма и федерализма. Курс на дальнейшую унитаризацию, избранный коммунистическим (ли?) руководством Республики Молдова вряд ли можно совместить с ранее созданным некоммунистами этнократическим режимом, с декларативными заявлениями о демократизации и построении гражданского общества. Вопрос о соотношении унитаризма и конфедерализма, таким образом, проявляется в соответствии с любимым эвфемизмом Ю. Лужкова: либо баба вдребезги, либо мужик пополам. Иного, пожалуй, не дано, если согласиться с тем, что федеративная система в большей степени, чем унитарная и конфедеративная, способствует созданию такой политической атмосферы, когда деятельность политических институтов опирается на консенсус и согласие, а не на приказы и предписания.

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В ПОСТСОВЕТСКОМ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Ариф ЮНУСОВ
Азербайджан, Баку
Институт Мира и Демократии
Департамент Конфликтологии и Миграции
Руководитель, доктор

Вместо предисловия

После развала СССР самой серьезной проблемой на территории этой бывшей супердержавы мира стали межнациональные конфликты и рост этнического самосознания многих народов. Азербайджан не только не избежал этих процессов, но и волею обстоятельств оказался по сути на переднем крае. Именно в Азербайджане возник первый в СССР в конце XX в. межнациональный конфликт между азербайджанцами и армянами из-за Нагорного Карабаха. При этом конфликт этот до сих пор не улажен и остается камнем преткновения не только в отношениях между двумя ведущими народами Южного Кавказа, но и в деле стабилизации ситуации в регионе в целом.

С другой стороны, Азербайджан является многонациональной страной и рост этнического самосознания стал основой для появления этнического сепаратизма в республике. И все это на фоне строительства в Азербайджане подлинно национального независимого государства, в котором ведущую роль играет титульный народ – азербайджанцы. Все это – межнациональный конфликт с армянами из-за Нагорного Карабаха, строительство национального государства, подъем этнического самосознания многих народов Азербайджана, проходят одновременно и накладывают серьезный отпечаток на идущие в республике процессы. Как конкретно эти процессы проходили и будут в дальнейшем проходить? Какие меры предпринимало руководство республики по решению проблем национальных меньшинств в Азербайджане? Именно эти вопросы будут в центре внимания настоящей статьи.

Этнолингвистическая ситуация в Азербайджане накануне распада СССР

Корни многих нынешних этноконфликтов или коллизий на этнической почве на территории Азербайджана уходят в начало 19 в., когда

Российская империя завоевала Южный Кавказ и начала проводить в жизнь политику по изменению в регионе этно-конфессиональной ситуации. Ведь не только в Азербайджане, но на территории нынешней Армении подавляющее большинство населения составляли мусульманские народы. Такая демографическая ситуация не устраивала власти Российской империи и было принято решение по выселению мусульманских народов и одновременному переселению христианских народов. В первую очередь это касалось Азербайджана, где в 1807 г. проживало 360 тыс. чел., подавляющее большинство которых составляли тюркоязычные азербайджанцы, а также ираноязычные курды, таты, талыши и др.⁵³

Естественно, в первую очередь речь шла о выселении тюрков, как наиболее многочисленного народа вообще на Южном Кавказе и переселении в регион *русского* населения. Первую группу русских в Азербайджане составили т.н. сектанты или раскольники (молокане, субботники, духоборы, баггисты и др.), которые появились в Азербайджане после 1832 г. и расселились в сельских районах. Вслед за ними, по мере стабилизации политической ситуации в регионе в Азербайджан стали переселяться русские-православные. В результате, к 1912 г. в Азербайджане было 107 русских сел. В конце 80-х гг. 19 в. с превращением г.Баку в промышленный центр Южного Кавказа, в страну хлынул третий поток русских. В результате, если в середине 19 в. в Азербайджане было 9 тыс. русских или чуть более 1% населения страны, то к 1916 г. здесь проживало около 250 тыс. русских (166 тыс. православных и 84 тыс. раскольников) или 6,7% населения.⁵⁴

Вслед за русскими в Азербайджане появились и другие христианские народы. Еще в 1818 г. сюда переселили первые 1600 *немцев*, которые тогда же основали около г. Ганджа колонию Еленендорф (ныне г. Ханлар). Всего же немцы в Азербайджане основали к 1916 г. 4 колонии, в которых проживало около 16 тыс. чел. или 0,4% населения страны.⁵⁵

Тогда же в Азербайджане появились и другие христианские народы (греки, украинцы и др.), число которых однако также было крайне незначительным. Вот почему царское правительство в 19 в., особенно в первой половине столетия сделало ставку на *армян*. Играло роль то

обстоятельство, что небольшая группа армяноязычного населения уже проживала с древних времен в горных районах Карабаха, еще больше проживало в Турции и Иране и они могли стать надежным союзником и проводником политики России в регионе. Вот почему еще в 1828 г. император Николай I издал указ о создании специальной Армянской области на базе завоеванных после русско-турецких и русско-иранских войн первой четверти 19 в. азербайджанских Иреванских и Нахчеванских ханств.⁵⁶ Вслед за этим власти Российской империи взяли курс на переселенческую политику армянского населения из Турции и Ирана. Эта переселенческая политика носила гораздо более масштабный характер. Достаточно привести данные русских чиновников начала 20 в.: как отмечал в 1911 г. Н.Н.Шавров, из 1 млн. 300 тыс. армян, проживавших в то время на Южном Кавказе, более 1 млн. не принадлежали «к числу коренных жителей края и были поселены русскими».⁵⁷ При этом значительное их число переселено было в бывшее Иреванское ханство (ныне Республика Армения) и в Азербайджан. В результате, если до начала переселения армян на территории тогдашних Елизаветпольских и Бакинских губерний (территория современного Азербайджана) было 15,5 тыс. чел. (в основном в Карабахе), то уже к 1916 г. здесь было зафиксировано около 539 тыс. армян (21,1% населения).⁵⁸ Особенно резко увеличилось число армян в Карабахе: по данным на 1917 г., на территории будущего НКАО (Шушинский, Джебранльский, Джеванширский и Зангезурский уезды) проживало 218,5 тыс. армян (40,9% населения края), тогда как число азербайджанцев сократилось до 302 тыс. чел. или 56,6% населения края.⁵⁹

Таким образом, в результате политики колонизации властей Российской империи в Азербайджане произошли серьезные демографические изменения. В страну в период с 1805 по 1916 гг. было переселено около 1 млн. человек: 525 тыс. армян, 250 тыс. русских и более 150 тыс. греков, немцев, поляков, украинцев и других христианских народов. С учетом эмиграции части азербайджанцев (в основном суннитов, почему к концу 19 в. в стране число шиитов стало преобладать и ныне почти 60% азербайджанцев - шииты), ясно, что подобные этнодемографические изменения не могли не стать основой для появления эт-

⁵³ см.: Вердиева Х.Ю. *Переселенческая политика Российской империи в Северном Азербайджане*. – Баку, 1999, с.252.

⁵⁴ см.: Х.Ю.Вердиева. *Указ. соч.*, с.236-245.

⁵⁵ Там же, с. 224-226; см. также: Джавадов Г. *Национальные меньшинства и малочисленные народы Азербайджана*. – Баку, 2000, с.319-323 (на азерб.яз.).

⁵⁶ *Собрание Актов, относящихся к обозрению истории армянского народа*. – Москва, 1833, Ч.1, с.278-279.

⁵⁷ Шавров Н.Н. *Новая угроза русскому делу в Закавказье*. – Санкт-Петербург, 1911, с.64-65.

⁵⁸ Вердиева Х.Ю. *Указ.соч.*, с.232-234.

⁵⁹ *Кавказский календарь на 1917 год*. – Тифлис, 1916, с.190-196.

ноколлизий. Особенно остро встал этот вопрос в Карабахе, а также в промышленных центрах (Баку и Гянджа), где в основном и поселились колонисты. Поскольку большинство переселенцев составляли армяне, именно с ними у местного населения и возникли конфликты в 1905-1906 и 1918-1920 гг., вылившиеся в кровавые столкновения.

После установления в Азербайджане советской власти коммунисты остановили армяно-азербайджанское противостояние, а в Карабахе создали государственное образование – НКАО, где большинство населения составляли армяне. Одновременно заметно сократился поток переселенцев, но не в отношении русского населения. Более того, в советское время в Азербайджан хлынул очередной, уже четвертый поток русских, в основном семьи военнослужащих. В основном этот поток русских расселялся в городах, в первую очередь в Баку, а также Сумгаите, Гяндже и Мингечауре. К 1939 г. число русских достигло своего наивысшего предела – 528 тыс. чел. или 16,5% населения. Двадцать лет спустя это число осталось почти неизменным: в Азербайджане по переписи 1959 г. было зафиксировано 501 тыс. русских, однако теперь они составили 13,6% населения.

В 60-80-е гг. однако наметились иные тенденции: русские стали эмигрировать из Азербайджана, причем в основном отток шел из сельских районов республики. В результате, по данным переписи 1979 г., в Азербайджане тогда проживало 475,3 тыс. (7,9% населения республики) русских, в основном в Баку, Гяндже и Сумгаите, а также в Шемахинском, Исмаиллинском и Ленкоранском районах. С начала 80-х гг. отток русских из республики усилился и в результате последняя советская перепись 1989 г. зафиксировала в Азербайджане чуть больше 392,3 тыс. русских (5,6% населения республики), из них 295,5 тыс. чел. – в Баку.

Те же тенденции к снижению были характерны и для ранее переселенных в Азербайджан народов, но особенно это было заметно в отношении армян. В результате, если в 1979 г. в Азербайджане проживало 475 тыс. армян, то в 1989 г. их было зафиксировано 390,5 тыс. чел. или 5,6% населения. При этом большинство армян проживало в бывшем НКАО (145,5 тыс. чел.) и столице (179,9 тыс. чел.) республики.

И все это происходило на фоне роста численности местного населения, в первую очередь титульного. В результате, последняя перепись, проведенная в СССР в 1989 г., зафиксировала тогда в Азербайджане представителей 112 национальностей и малых этнических групп, всего 7 млн. 21 тыс. чел. При этом основную часть населения

республики – 5 млн. 805 тыс. чел. или 83% населения – составляли азербайджанцы.

Что же касается остальных народов Азербайджана, то в советский период в их судьбе также происходили определенные демографические события. В 20-е гг. многие малые этносы имели свои школы, выпускали многочисленные журналы и газеты, осуществляли театральные постановки. Координацией всей этой деятельности занимались специальные государственные структуры. Тогда же для бесписьменных этнических общностей Азербайджана были созданы алфавиты.

Однако с середины 30-х гг. вся эта деятельность была свернута. Она была обусловлена ужесточением сталинского режима и кардинальными изменениями в национальной политике. Эта политика коснулась и титульных тюрок, которые в 1936 г. были переименованы и стали «азербайджанцами».

Так или иначе, но в советских переписях численность многих малых этносов сознательно занижалась, либо присписывалась к более крупным. А некоторые и вовсе официально исчезали с этнической карты страны. В результате возникали серьезные несоответствия между официальной численностью и реальной, особенно в отношении курдов, талышей, татов, цахур и некоторых других малых народов Азербайджана. Правда, здесь имели место не только перекосы в национальной политике коммунистов в СССР, но и другие факторы. Дело в том, что еще в 19 в. в Азербайджане в среде ряда мусульманских этносов происходили достаточно интенсивные процессы смены этнической идентичности и в начале 20 в. часть цахур, татов, талышей, курдов и лезгин в российских официальных статистических данных упоминались как «тюрки» или «азербайджанские татары». То есть шел естественный процесс ассимиляции малых этносов в регионах с преобладающим азербайджанским населением. А к 1989 г. у части народов наоборот начался процесс восстановления этнической идентичности, что и отразилось в переписи 1989 г.

Этномиграционные процессы после распада СССР

Начавшийся в феврале 1988 г. конфликт с Арменией из-за Нагорного Карабаха и распад в декабре 1991 г. СССР вызвал очередные массовые миграции населения в Азербайджане по этническому признаку. С одной стороны, из Азербайджана в Армению, а также Россию и другие страны бежало почти 330 тыс. армян. Правда, со временем часть из них вернулась в Азербайджан, но в контролируемые армянами регионы Нагорного Карабаха. Одновременно с этим, в период с 1989 г.

Азербайджан покинуло почти 170 тыс. русских, а также 15 тыс. украинцев и 3 тыс. белорусов. Уехало и немало представителей других народов. Так, в период с 1989 по 1999 гг. из Азербайджана в Израиль выехало 31 тыс. евреев или почти 88% от официально зафиксированных в 1989 г. численности евреев в республике. В общей сложности, Азербайджан в 1989-2002 гг. покинуло почти 600 тыс. граждан нетитульной национальности, в основном христианского вероисповедания и которые были переселены сюда в 19-20 вв.⁶⁰ В свою очередь в страну прибыло около 200 тыс. азербайджанцев и 18 тыс. курдов из Армении и до 50 тыс. месхетинских турок из Узбекистана. Перемирие на карабахском фронте в мае 1994 г. не остановило миграционный процесс, поскольку теперь эмиграция населения была обусловлена тяжелым экономическим положением в стране.

Чтобы получить более реальные данные о степени демографических изменений, власти республики в период с 27 января по 3 февраля 1999 г. осуществили перепись населения. И оказалось, что теперь в стране проживают 7 млн. 953,4 тыс. чел., из них 7 млн. 205,5 тыс. или 90,6% составляют азербайджанцы. Как видим, за истекшие 10 лет число азербайджанцев в стране возросло почти на 8% и стало еще более преобладающим. При этом в сельских районах, а также в Нахчеванской АР и крупных городах азербайджанцы составляют в среднем 96-99% населения. И лишь в столице азербайджанцев зафиксировано относительно мало – 88% населения города. Карабахский конфликт и последовавшие вслед за этим кровавые события, а также трудовая миграция привели к серьезным структурным изменениям среди азербайджанцев. В результате, женщины ныне составляют большинство (50,9%) и еще больше азербайджанцев (51,2%) стало жить в городах, в основном в крупных. Отъезд из страны т.н. «русскоязычных» азербайджанцев привел к тому, что возросло число азербайджанцев, которые говорят на родном языке – с 99,1% в 1989 г. до 99,7% в 1999 г. Только 2,7 тыс. (0,04%) азербайджанцев ныне считают русский язык родным.

А какова ситуация у других народов Азербайджана?

Социально-политические процессы, произошедшие в Азербайджане в конце 80-х – начале 90-х гг., значительно усилили отток русских из республики. Война с Арменией, ввод советских войск в Баку в январе 1990 г., внутриполитическая нестабильность, экономический кризис, резкое сужение сферы применения русского языка и возраста-

ние психологической дискомфортности этой группы населения страны привели к тому, что в первые годы независимости Азербайджана русские во многом оказались отчужденны от политической жизни страны. В результате, перепись 1999 г. показала, что число русских сократилось за эти десять лет в три раза и теперь их осталось в Азербайджане 141,7 тыс. чел., составляя всего 1,8% населения республики. Правда, по численности русские и сегодня по-прежнему играют заметную роль в жизни Азербайджана. Однако, есть и тревожные факторы: не считая армян, о которых речь ниже, только у этой категории населения страны существует весьма существенная разница в соотношении полов – среди русских число мужчин составляет всего 37%, тогда как женщин – 63%. Причем, в основном преобладает старшее поколение и в результате средний возраст русского населения составляет 41 год, тогда как средний возраст у остальных народов колеблется в пределах 26-34 лет.

Подавляющее большинство русских (95,1%) сегодня проживает в городах, в основном в Баку, где проживает 84,3% русских. При этом по численности русские уверенно занимают второе после азербайджанцев места в Баку (составляя 6,7% населения столицы), Гяндже (0,9% населения города) и Сумгаите (1,7% населения города). Они главным образом квалифицированные инженерно-технические работники, служащие, многие заняты в государственных, научных и образовательных учреждениях. Во многом это объясняется тем, что у русских один из самых высоких показателей количества людей (6,0% с высшим образованием в стране. Поэтому в ближайшее время «русский фактор» будет по-прежнему играть заметную роль в социальной жизни Азербайджана. Из сельских районов больше всего русских проживает в Исмаиллинском (1,8% русского населения), Хачмазском (1,0%), а также в Кедабекском, Джалилабадском и Геранбойском районах Азербайджана.

Процент другого народа славянской группы - *украинцев*, в Азербайджане не очень значителен. По данным переписи 1999 г. в Азербайджане проживает 29 тыс. украинцев. Практически все они проживают в Баку и только незначительная часть в Сумгаите и других городах и районах страны. При этом показатели украинцев не очень-то отличаются от показателей русских. Следует отметить только факт сильной русификации украинцев: лишь 32,1% украинцев отметили украинский язык в качестве родного, тогда как 67,0% таковым посчитали русский язык.

Как было выше отмечено, карабахский конфликт вызвал наибольшие изменения в отношении армянской общины в Азербайджане.

⁶⁰ См.: Юнусов А. *Этноконфликты и миграционные процессы на Южном Кавказе. // Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. Сборник статей № 13. – Москва, 2002, с. 72-82.*

Правда, в условиях продолжающегося конфликта трудно было понять, как можно проводить перепись и особенно подсчитать точное количество армян. Ведь долгое время официальные власти Азербайджана уверяли, что вне Нагорного Карабаха и оккупированных Арменией территорий в республике проживает от 30 до 40 тыс. армян. Что же показала перепись 1999 г.? Оказывается, ныне в Азербайджане проживает почти 121 тыс. армян! Однако внимательное изучение статистических данных переписи по районам показывает, что речь идет практически об армянах, живущих на оккупированных территориях Азербайджана. Но и эта цифра дана ориентировочно, и явно завышена. Даже по армянским данным, сегодня в Нагорном Карабахе проживает от 60 до 100 тыс. армян. Трагикомизм данных переписи об армянах заключается в том, что с одной стороны указывается, что 35,5 тыс. или 29,4% армян – это дети в возрасте до 14 лет, с другой тут же отмечается, что средний возраст армян республики равен 57 годам! На самом деле перепись затронула лишь тех армян, которые проживали вне оккупированной территории, а это действительно на сегодня пожилые люди, члены смешанных семей. И тогда, если иметь в виду информацию об армянах, проживающих вне Нагорного Карабаха и оккупированных территорий, тогда выясняется, что армян сегодня в республике осталось всего ... 645 чел. (36 мужчин и 609 женщин), больше половины из которых (378 чел. или 59% армян в Азербайджане) живет в Баку, а остальные в сельских районах. Хотя на деле, реально численность армян вне Нагорного Карабаха должны быть чуть больше, в пределах 3-5 тыс., поскольку многие сменили фамилии и не попали в материалы переписи.

Особый интерес для исследователей представляют данные переписи о кавказской группе этносов в Азербайджане. К ней относятся лезгины, аварцы, цахуры, удины, ингилошцы, кризы, будуги и хыналыгцы, издавна проживающие в республике. Ведущую роль в этой группе играют *лезгины*. В основном они проживают на северо-востоке Азербайджана, в бассейне реки Самур и на восточных отрогах Большого Кавказского хребта. Накануне падения СССР лезгины были четвертыми по численности после азербайджанцев, русских и армян в Азербайджане, их в 1989 г. насчитывалось 171,4 тыс. чел. или 2,4% населения республики. Эти данные все время оспаривались лидерами лезгинских движений («Садвал» в РФ и «Самур» в Азербайджане), которые приводили цифры в 600-800 тыс. чел. Однако перепись 1999 г. показала, что численное и процентное соотношение лезгин осталось по сути неизменным: было зафиксировано 178 тыс. лезгин или 2,2% насе-

ления страны. Вряд ли однако это данные реально отражают численность лезгин. Наши исследования, проведенные в 1994-1998 гг. в северо-восточных районах страны показывают, что на деле численность лезгин в Азербайджане колеблется в пределах 250-260 тыс. чел. Так или иначе, но теперь, по данным переписи 1999 г. лезгины уверенно стали вторыми после азербайджанцев народом Азербайджана. Основная масса лезгин (41,2%) проживают в Гусарском районе, где они составляют абсолютное большинство – 90,7% население района. Кроме того, 14,7% лезгин ныне проживает в столице, столько же – в Хачмазском районе. Достаточно много лезгин также проживает в Исмаиллинском, Губинском, Габалинском, и Гейчайском районах. В целом, большинство лезгин (63,3%) зафиксировано в сельских районах страны. Перепись показала, что большинство лезгин составляют трудоспособное население в возрасте 18-59 лет (55,9% лезгин) и младше трудоспособного (33,2% лезгин), что говорит о хорошей демографической перспективе этого народа. Средний возраст лезгин – 29 лет.

Аварцы. Это – наиболее крупная, после азербайджанцев, этническая общность, в основном проживающая на северо-западе страны в Шеки-Закатальской зоне. По переписи 1989 г. их было 44,1 тыс. чел. За истекшие 10 лет, численность авар осталась практически неизменной и ныне составляет 50,9 тыс. чел. или 0,6% населения республики. Проживают они в основном в двух районах – Закатальском (51%) и Балаканском (48%). Причем в основе своей аварцы сельчане (92,1%), в городах проживает только 7,9% авар.

В этой Шеки-Закатальской зоне живут близкие по языку к лезгинам *цахуры*. В 1989 г. их было зафиксировано 13,3 тыс. чел. Десять лет спустя их численность достигла 15,9 тыс. чел. или 0,2% населения республики. В основном они проживают в Закатальском районе (81%), а также в Гахском (18%). Также, как и аварцы, цахуры в своей основе сельские жители: только 17% живут в городах Закатала и Гах, остальные 83% – в селах.

Еще одной этнической общностью, расселенной на северо-западе Азербайджана, являются *ингилошцы*. Это весьма интересный с научной точки зрения народ, о происхождении которого до сих пор идут споры и очень многое не ясно. Считается, что это – один из древних местных народов, которые в раннем средневековье приняли православную ветвь (грузинскую) христианства и со временем перешли на грузинский язык. Позже, в 17-18 вв. грузиноязычное население здесь приняло ислам и получило азербайджанское имя «ингилой», т.е. «новообращенные». В 19 в. после покорения края Российской империей

многие ингилойцы опять приняли христианство. В настоящее время мусульманская часть ингилойцев считает себя азербайджанцами, христианская – грузинами. При этом быт, многие черты культуры абсолютно схожи. В советское время ингилойцы не фиксировались в переписях, но по некоторым данным, в 1989 г. в Азербайджане проживало до 10 тыс. ингилойцев.⁶¹ Проблема была в том, что в переписях большинство ингилойцев записывали себя или записывались как азербайджанцы, а меньшинство – грузинами. По переписи 1999 г. в Азербайджане зафиксировано 14,9 тыс. грузин. Если не считать 2,5 тыс. грузин, проживающих в основном в Баку, а также в Гяндже, остальные живут в районах, и это – ингилойцы. Таким образом, можно говорить о грузиноязычных ингилойцах, живущих в сельских районах, а именно – Гахском (7,5 тыс. чел.), Закатальском (3 тыс. чел.) и Белаканском (2 тыс. чел.).

Восточнее Шеки-Закатальской зоны, на севере Азербайджана расположены Габлинский и Огузский районы Азербайджана, где живут *удины*. По вере они являются приверженцами григорианской ветви христианства и это обстоятельство наложило серьезный отпечаток на их быт и жизнь, поскольку и армяне относятся к этой ветви христианства. Вот почему в быту удины были триязычны: говорили на удинском, армянском и азербайджанском языках. По переписи 1989 г. в СССР проживало 8 тыс. удиин, из них в Азербайджане – 6,1 тыс. чел., большинство (4,5 тыс. чел.) в селе Нидж Габлинского района. После начала карабахского конфликта некоторая часть удиин также покинула страну и расселилась в основном в России. Перепись 1999 г. зафиксировала 4,2 тыс. удиин, проживающих в основном в селе Нидж, а также 104 чел. в Гахском районе. В подавляющем большинстве это сельские жители.

На высокогорье, у восточной подошвы горы Шахдаг, на территории Кубинского района Азербайджана проживает группа этносов, известная как «шахдагская». Этими малочисленными народами являются *хыналыгцы*, *будуги* и *крызы* – жители горных селений Будуг, Крыз и Хыналыг, откуда они и получили свои имена. Кроме того сегодня часть будугов проживает также еще в двух селах района – Дали Гая и Гюней Будуг, а крызы – в селениях Алик, Джек и Гапут Ергюдж. Все эти села находятся в труднодоступных высокогорных местах, что сказывается на их быте и культуре. В частности, по языку будуги и крызы

очень близки к лезгинам, но есть и различия. А вот хыналыгский язык занимает особое место, хотя и относится к кавказской группе языков. В переписях они также не отмечались, в том числе и в последней 1999 г. Но считается, что их в общей сложности около 10 тыс. чел.

Иранская группа народов Азербайджана включает в основном *татов*, *курдов* и *талышей*. На северо-востоке Азербайджана находится ареал расселения татов. Их язык относится к иранской группе и близок к фарси. Само имя народа имеет тюркское происхождение: так тюрки в средние века называли оседлое, в основном городское, ираноязычное население в Азербайджане. По вере они в течение столетий разделились на три группы: большинство приняло ислам и ныне татомусульмане составляют основную часть населения поселков на Апшеронском полуострове вокруг Баку (из 40 поселков на полуострове – 33 татские), в Исмаиллинском районе (села Лагидж, Баскал, Зарнава). Таты-мусульмане также проживают в Хызынском, Дивичинском, Губинском и некоторых других районах. В результате длительного исторического совместного проживания татов-мусульман и азербайджанцев возникло много общих черт в их культуре и быту. Среди татов-мусульман азербайджанский язык получил столь широкое распространение, что привело к значительным изменениям в их этническом самосознании. Многие из них себя считают азербайджанцами и во многом утратили татский язык и самосознание. Это сказывалось всегда на итогах переписей. Так, в 1897 г. в Азербайджане проживало 91,3 тыс. татов, в 1931 г. зафиксировано уже 60,5 тыс. татов, а накануне распада СССР в 1989 г. их количество сократилось до 10 тыс. Десять лет спустя, в 1999 г. лишь 10,9 тыс. чел. признали себя татами. При этом дома они используют татский язык (83% татов отметили татский язык в качестве родного), а в повседневной жизни – азербайджанский.

Вторую группу татов составили те, кто принял иудаизм и кого стали именовать в республике *горскими евреями*. Правда, в течение столетий среди них шел такой сильный процесс смешения с евреями, что сегодня они себя отождествляют с евреями. В результате, перепись 1989 г. зафиксировала в Азербайджане 30,8 тыс. евреев, из них 5,5 тыс. - горских евреев. В основном они проживали в Кубинском районе, а также Гусарском, Хачмазском и Огузском и г.Баку. Правда, эта цифра вызывала сильные сомнения и считалось, что на деле евреев, вместе с горскими, в Азербайджане проживало тогда не менее 60 тыс. чел. По данным еврейского агентства «Сохнут», за период с 1989 по 1999 гг. из Азербайджана уехало 31,3 тыс. евреев, то есть больше, чем проживало 10 лет назад. Соответственно, в Азербайджане евреев больше не долж-

⁶¹ Мамедов А. Некоторые аспекты современной этнической ситуации в Азербайджане. // *Путешествия в Азию и Кавказ*. (Швейцария), № 5 (6), 1999, с.51.

но было остаться. Однако перепись 1999 г. зафиксировала 8,9 тыс. евреев. Правда, на этот раз в переписи евреи не подразделялись и потому трудно сказать, сколько среди них горских.

Третью группу татов составили те, кто принял григорианскую ветвь христианства. Они проживали в селах Матраса (Шемахинский район) и Килвар (Хачмазский район), за годы советской власти практически арменизировались и после начала карабахского конфликта покинули страну, уехав в основном в Армению и Россию.

На самом западе Азербайджана традиционно жили курды. По переписи 1989 г. их было 12,2 тыс. чел. Карабахский конфликт внес в их жизнь самые серьезные изменения: вначале в 1988-1990 гг. около 18 тыс. курдов-мусульман были депортированы из Армении вместе с азербайджанцами и они расселились в основном среди своих соотечественников в регионе их проживания (Лачинский, Кельбаджарский, а также Кубатлинский и Зангеланский районы). А в 1992-1993 гг. все эти районы были оккупированы армянской армией и в результате курды стали вынужденными переселенцами. При этом часть курдов, в основном бежавшие в 1988-1989 гг. из Армении, в начале 90-х гг. покинули страну и переселились на Северный Кавказ. Остальные вначале направились в Баку (почти 45% курдов), затем, по мере стабилизации политической ситуации в стране, значительная часть курдов переехала в Карабах, в основном в Агджабединский район, где ныне проживает почти 80% курдов. В целом, по переписи 1999 г., в Азербайджане ныне проживает 13,1 тыс. курдов. На деле, представляется, что их число должно быть больше, по некоторым экспертным оценкам, в пределах 50-60 тыс. чел. Однако проблема заключается в том, что курды ни в одном из указанных районов проживания никогда не составляли большинство, во всех по численности явно преобладали азербайджанцы. Еще в начале 20 в. многие курды использовали даже в быту азербайджанский язык и в результате среди них быстро шел процесс азербайджанизации. Перепись 1999 г. показала, что лишь 48,9% курдов отметили в качестве родного языка курдский. Это самый худший после украинцев показатель среди народов Азербайджана, во многом объясняющий факт ассимиляции курдов.

Тальши расселены на юго-востоке Азербайджана, в основном в Ленкоранском, Ярдымлинском и Астаринском районах, а также в Масалинском и Лерикском районах. В советские времена они не всегда попадали в переписи. Так, в 1926 г. было зафиксировано 77,3 тыс. (3,3% населения Азербайджана) талышей, в 1939 г. их число возросло до 87,5 тыс. чел. Однако 20 лет спустя, в 1959 г. официально талышей

осталось всего ... 100 чел. В 1970 и 1979 гг. они вообще исчезли из списка народов в СССР. Вновь они появились в переписях в 1989 г. и теперь оказалось их всего 21,2 тыс. чел. или 0,3% населения республики. За последние 10 лет произошли сильные изменения в самосознании талышей, изменилась также и общественно-политическая ситуация в республике и в результате в переписи 1999 г. было зафиксировано проживание в стране 76,8 тыс. талышей или 1% населения республики. Правда, думается, что численность талышей в Азербайджане на деле также должна быть больше. По нашим экспертным данным, реально в Азербайджане проживает не менее 200-250 тыс. талышей. В своей массе это жители сельских районов (97,4% талышей). Судя по переписи, 48% талышей живет в Масалинском районе и 33% - в Ленкоранском. Остальные - в Лерикском, Астаринском и Ярдымлинском районах. Кроме указанных южных районов Азербайджана, перепись показала наличие части талышей в городах Сумгаит и Баку.

Наконец, следует отметить народы, входящие в тюркскую этническую группу, которая включает в себя в основном азербайджанцев, а также татар и месхетинских турок. *Татарская* община, составлявшая по переписи 1989 г. 28,6 тыс. чел. (0,4% населения республики), начала формироваться в Азербайджане со второй половины 19 в., но особенно в 20 в. За последние 10 лет численность татар осталась почти неизменной и составляет сегодня 30 тыс. чел. Проживают они главным образом в Баку (28 тыс. чел.) и Сумгаите (800 чел.), а также в других городах. При этом они сохраняют свой родной язык и в то же время свободно владеют азербайджанским и русским языками.

Турки Ахыска или *месхетинские турки*, родственные по языку и культуре азербайджанцам, были депортированы в 1944 г. указом Сталина со своей исторической родины Грузии в республику Средней Азии. После смерти Сталина в 1956 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР и турки получили право на переезд во все республики СССР, кроме Грузии. Тогда-то они впервые появились в Азербайджане, но как азербайджанцы. Позже, в 70-е гг. они стали прибывать и как этнические турки. К 1989 г. перепись зафиксировала в Азербайджане 17,7 тыс. турок, 96% которых жили в сельских районах. Еще 30-40 тыс. турок жили, будучи записанными как «азербайджанцы». В том же 1989 г. после погромов в Узбекистане в Азербайджан хлынула вторая волна турок, но уже в качестве беженцев. В настоящее время в общей сложности в республике зафиксировано 48 тыс. беженцев турок из Узбекистана, которые расселились в сельских районах, в основном в Сатлинском и Сабирабадском районах. По данным обще-

ства турок «Ватан», в настоящее время в Азербайджане проживает больше 100 тыс. турок, которые подразделяются на две группы: граждан, зафиксированных как «турки» и «азербайджанцы», а также беженцы. Перепись 1999 г. внесла ясность в отношении количества граждан страны, зафиксированных как этнические турки: таковых оказалось 43,4 тыс. чел. или 0,5% населения республики. При этом на этот раз стало больше горожан – 11,8%, хотя большинство (88,2%) по-прежнему живет в сельских районах, в основном Саатлинском (33% турок), Сабирабаском (14% турок) и Хачмазском (11% турок). Кроме того они живут в Бейлаганском, Дивичинском, Шамирском и др. районах страны.

Межэтнические коллизии в современном Азербайджане

До распада СССР межэтнические отношения в Азербайджане не омрачались наличием каких-либо серьезных коллизий. Даже формально титульная нация – азербайджанцы, не ощущали себя таковыми. Ведь на деле в СССР коммунисты проводили в жизнь свою национальную политику, которая сводилась к денационализации нерусских этносов с последующей ассимиляцией с русской. Вкратце это именовалась «расцветом и сближением наций и народов для достижения их полного единства». Для этого в 1958 г. был принят закон, согласно которому изучение национального языка в национальных школах считалось не обязательным, а добровольным и теперь родители решали, в какую школу – русскую или национальную – отдать своих детей. На практике это привело к появлению большого количества т.н. «русскоязычных».

Были приняты и другие меры по сокращению использования национальных языков в республиках. Так, практически все делопроизводство осуществлялось на русском языке, даже если в данной местности русского населения не было. Шел процесс формирования так называемого «советского народа», который на деле означала процесс русификации в республиках СССР. Конечно, от этого в первую очередь страдали немногочисленные народы, которые попросту причислялись к более крупным родственным народам или титульным нациям. В результате в Азербайджане многие малые народы кавказской группы (крызы, рутулы, будухи и др.) были причислены к лезгинам. В свою очередь многие лезгины оказывались «азербайджанцами». Но одновременно с этим шел процесс «интернационализации» титульных наций, т.е. русификации. Поэтому положение азербайджанцев не очень-то различалось от других народов республики. Формально вторые по

численности русские были на деле титульным народом в Азербайджане, как впрочем и в других советских республиках.

Вот почему, когда в апреле 1985 г. Горбачев объявил о начале «перестройки», наиболее острой проблемой оказалась не политическая или экономическая, а именно национальная. В Азербайджане как грибы после дождя стали создаваться многочисленные общественные кружки и организации по истории и культуре нации. Иначе говоря, начался процесс быстрого роста этнического самосознания. В силу многих причин у азербайджанцев этот вопрос тогда был доминирующим. Наиболее часто обсуждавшийся в тот период вопрос: почему, будучи титульным и господствующим народом, азербайджанцы должны писать и говорить по-русски? Почему азербайджанский язык не занимает подобающее ему место в своей же республике? Почему значительное число азербайджанцев, особенно в столице, предпочитает учиться в русских школах и тем самым отрывается от своих корней? Партийная коммунистическая номенклатура в Азербайджане хотя и состояла в подавляющем большинстве из азербайджанцев, однако не играла и не могла играть ведущей роли в этом процессе, поскольку была во многом русскоязычной и очень оторвана от своей нации.

Возникший в феврале 1988 г. в Азербайджане карабахский конфликт поднял этот вопрос на еще большую высоту. По сути азербайджанцам не только был навязан конфликт с другим этносом (армяне), но одновременно они получили мощный толчок для процесса возрождения своего этнического самосознания. Особенно сильно этот процесс шел тогда у т.н. «русскоязычных» азербайджанцев, которые старались вернуться к своим национальным корням. Однако более расширившийся и принимавший все более ожесточенный характер этнический конфликт с армянами и особенно хлынувшие в страну и в первую очередь в столицу сотни тысяч беженцев-азербайджанцев резко изменили ситуацию. Ведь в большинстве своем беженцы были жителями сельских районов и это привело в конце 80 – начале 90-х годов к серьезным противоречиям и дискомфорту с «русскоязычными» азербайджанцами. Многие предпочли в этих условиях эмигрировать в Россию.

Приход к власти в мае 1992 г. национально-демократических сил во главе с Народным Фронтом Азербайджана (НФА) еще более усугубил возникшую ситуацию. Демократы в большинстве по убеждению, но неопытные и не осознававшие всей сложности межнациональных отношений, они за короткое время создали массу проблем, последствия которых до сих пор дают о себе знать. Курс на скорейшее сближе-

ние с Турцией, пантюркистские лозунги («другом тюрка может быть только тюрком» и др.) только отпустили от первого национально-демократического правительства республики многие национальные меньшинства, а также русскоязычных азербайджанцев, в том числе и тех, кто вначале поддерживал азербайджанские национал-демократические силы.

В этой связи особенно негативную роль сыграл принятый 26 декабря 1992 г. Милли меджлисом (парламентом) Азербайджана Закон о языке, согласно которому азербайджанский язык был переименован в «тюркский». Автоматически азербайджанцы стали «тюрками». Формально лидеры национального движения страны были правы: до 1936 г. и язык, и народ так и именовались. Но за прошедшие полвека в жизни народов Азербайджана произошли очень серьезные изменения и появилось поколение, которое уже считало себя «азербайджанцами». Однако главным было не это: закон о языке не делал различия в понимании такого весьма щепетильного и уязвимого аспекта – является ли «азербайджанец» этнически таковыми или под этим термином следует подразумевать всех жителей Азербайджана?⁶² Ведь до этого немалая часть мусульманских народов республики, в том числе таты, талыши, курды и лезгины, особенно живущие в регионах с преобладающим азербайджанским населением считали себя «азербайджанцами» и так и регистрировались в советских переписях. Теперь же возникла принципиально иная ситуация. Закон по сути провел грань между титульной нацией, которая была переименована в «тюрком» и оставшейся одновременно «азербайджанцами», и многими мусульманскими этносами республики. Сами того не понимая, но лидеры национального движения Азербайджана фактически этим законом о языке стимулировали рост этнического самосознания у национальных меньшинств. Или иначе говоря, крайне влчотекующий процесс этнической самоидентификации у национальных меньшинств Азербайджана после принятия закона о языке получил мощный импульс. Этническим меньшинствам словно указали их настоящее место в стране.

Вот почему не давали своего результата остальные меры руководства страны в отношении национальных меньшинств. Так, еще ранее, 16 сентября 1992 г. был издан закон президента страны «О защите прав и свобод, государственной поддержке развития языков и культур национальных меньшинств, малочисленных народов и этнических

групп, проживающих в Азербайджане». Достаточно демократический по своему содержанию и заложенным в нем идеям, этот документ остался в тени закона о языке. Было совершенно очевидно, что закон о языке был принят крайне поспешно и явно не продуман. Не только национальные меньшинства, но и многие азербайджанцы оказались не готовы к принятию этого закона о языке. Фактически национал-демократы раскололи общество на сторонников и противников этого закона. Вот почему, даже такое достаточно важное решение, принятое в том же 1992 г. правительством НФА, как переход в республике с кириллицы на латиницу вызвал неоднозначную реакцию в обществе. Оно также рассматривалось как политический акт по дальнейшей интеграции Азербайджана с Турцией.

Все это происходило на фоне продолжающейся войны с Арменией из-за Нагорного Карабаха, а также резко возросшей конфронтации руководства Азербайджана с Россией и Ираном. Поэтому наряду с эмиграцией русскоязычного населения из страны происходили и иные негативные события: национальные меньшинства стали создавать свои организации для поиска «своей ниши» и сохранения своей этнической культуры и самобытности. Наиболее активны были т.н. «разделенные этносы» – лезгины и талыши. Автохтонные народы, которые волею исторических обстоятельств оказались разделенными на две части между Россией и Азербайджаном (лезгины) и Ираном и Азербайджаном (талыши), теперь оказались в оппозиции к национально-демократическим силам республики. Они первыми среди национальных меньшинств создали в 1992 г. свои этнические партии, которые не скрывали особо своего негативного отношения к правительству НФА. Играло свою роль и то обстоятельство, что движения этих народов находили мощную поддержку в России и Иране. В России была создана откровенно антиазербайджанская сепаратистская организация «Садвал», которая поставила своей целью создание на основе части азербайджанских земель государство Лезгистан.

А талыши находили опору в Иране, хотя и в России они также имели хорошую поддержку. Примечательно, что лидер талышей Алиакрам Гумбатов в 1989-1990 гг. был одним из создателей НФА и активным борцом с властью коммунистов. Именно он первым в Азербайджане в январе 1990 г. ликвидировал советскую власть в Ленкоранском районе и долгое время был борцом за независимость Азербайджана. Более того, тогда он себя совершенно искренне считал азербайджанцем. А теперь он встал во главе талышского движения и летом 1993 г. даже объявил о создании Талыш-Муганской Автономной Рес-

⁶² Гусейнов Р. *Азербайджанская Республика в зеркале полиэтничности: история, современное состояние, прогноз, рекомендации*. // *Центральная Азия и Кавказ*. (Швейцария). № 4 (10), 2000, с. 190-191.

публики (ТММР) в составе Азербайджана, но со своей символикой и вооруженными силами. Себя он объявил президентом этой самопровозглашенного автономного государственного образования.

У находившегося у власти НФА в 1992-1993 гг. регулярно возникали проблемы и с другими национальными меньшинствами. Время от времени возникал «курдский вопрос», который инспирировался армянами. Однако какой-либо серьезной поддержки в Азербайджане эта затея не нашла, поскольку курды-мусульмане были в 1988-1993 гг. изгнаны из своих земель в Армении и Азербайджане и негативно относились к армянам. А попытки армян создать на оккупированных территориях подконтрольную автономную «Республику Курдистан» регулярно проваливались, поскольку жившие в Армении курды-эзиды не очень охотно ввязывались в эту авантюру. Но у определенной части курдов-мусульман в Азербайджане действия протурецки настроенных лидеров НФА не вызвали восторга и приводили к появлению у них сепаратистских настроений.

Приход к власти летом 1993 г. Гейдара Алиева был закономерным следствием провала правления НФА. Опытный политик, Алиев очень быстро подавил выступление Гумбатов и арестовал его, а также многих талышских активистов. Впоследствии Гумбатов был приговорен к смертной казни, замененной на пожизненное заключение. Талышская, а также лезгинская партии были запрещены.

Вместе с тем Алиев в 1994 г. организовал дискуссии в обществе по вопросу о смене языка и в конце концов сделал то, что давно ожидали многие в республике: Закон был отменен, а титульный народ и его язык вновь стали именоваться «азербайджанскими». Закономерным следствием этого процесса стал референдуме 12 ноября 1995 г. по принятию новой Конституции страны, вступившей в силу 27 ноября. В соответствии с этим Основным законом государственным языком вновь стал азербайджанский.

Были и другие меры по стабилизации ситуации в межэтнической сфере: в местах компактного проживания в Азербайджане национальных меньшинств открыты религиозные учреждения всех представленных в республике конфессий; в начальных школах стали изучать родные языки; издаваться учебные программы и пособия и другие книги национальных меньшинств, а также журналы и газеты. Кроме того ныне транслируются радио- и телепередачи, действуют национальные театры и самодеятельные творческие художественные коллективы.

С вхождением Азербайджан в январе 2001 г. в состав Совета Европы усилилось внимание к проблемам национальных меньшинств.

Еще перед вступлением, 16 июня 200 г. Азербайджан принял Рамочную Конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств и дал согласие на принятие после вхождения другого основополагающего документа по национальным меньшинствам - Европейскую Хартию о региональных языках или языках меньшинств.

Все это, а также восстановившаяся политическая стабильность заметно улучшила этноязыковую ситуацию в республике. Однако есть и немало проблем и тревожных обстоятельств. Стабильность очень зыбкая и во многом основана на авторитете Алиева - очень опытного и харизматического политика. Но совершенно нет никакой уверенности, что после него эта стабильность сохраниться и это обстоятельство играет весьма важную роль для национальных меньшинств. К тому же правительство до сих пор не имеет ясной национальной политики и больше стремится уйти от решения проблем или попросту законсервировать возникающие проблемы. Созданные при президентском аппарате и парламенте соответствующие структуры по межнациональным отношениям относятся к своим обязанностям как в советские времена. И все этой на фоне все более ухудшающей социально-экономической ситуации в стране. Но главное, процесс возрождения этнического самосознания у национальных меньшинств по сути еще только начал свой путь. И то обстоятельство, что руководство страны по сути отстранилось от решения стоящих проблем в межэтнической сфере, может иметь в перспективе тяжелые последствия. Нет никакой гарантии, что опять не возникнут проблемы с талышами и лезгинами, у которых этот процесс национального возрождения принял наибольшее развитие и которые имеют свою исконную территорию и связи с соотечественниками в России и Иране. Особенно если учесть тот полицейский произвол, что в настоящее время имеет место в отношении активистов лезгинского и талышского движений в регионах компактного проживания этих народов.

С другой стороны, скорее всего будет продолжаться процесс все большего укрепления позиций азербайджанского языка в обществе и дальнейшего падения значения русского языка. А это приведет только к одному: русскоязычное население, так и не приспособившись к новым реалиям в постсоветский период, будет вынуждено эмигрировать из Азербайджана. В первую очередь это особенно будет касаться русских. Но не только их. Фактически прибывшие в страну в результате переселенческой политики Российской империи народы вернуться в страны своего прежнего пребывания. Исключение составят армяне, но они за пределы Нагорного Карабаха на территории Азербайджана в

ближайшее время, даже в случае положительного решения карабахского конфликта, вряд ли будут выезжать на жительство.

Таким образом, в результате строительства национального государства азербайджанцы станут по-настоящему титульной нацией в стране, а Баку перестанет быть космополитичным городом и превратится в реальную национальную столицу. Проживающие в республике национальные меньшинства будут вынуждены приспособиться к новым реалиям. Вместе с тем, от позиции и действий господствующей в стране титульной нации теперь зависит очень многое. И в этих условиях многое зависит от того, какой путь выберет страна: возвращения к авторитарным методам правления, которое неизбежно приведет к возникновению этнических коллизий, или к строительству демократической республике, где права национальных меньшинств будут гарантированы не только на бумаге. Иного не дано.

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: СОСТОЯНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ

Валерий МОШНЯГА
Республика Молдова, Кишинэу
Молдавский госуниверситет
Факультет международных отношений,
политических и административных наук
заведующий кафедрой политологии
доктор-хабилитат, профессор

Причины конфликта в восточных районах Молдовы

Горбачевская перестройка дала мощный импульс либерализации общественной жизни, породило широко социальную активность людей по преодолению имеющихся недостатков, нарушений и ущемлений личных и коллективных прав людей.

В Молдове, как и в ряде других республик Советского Союза, демократическая эмансипация приняла форму национального возрождения и национально-освободительного движения, началось с требования придать молдавскому (румынскому) языку статус государственного, перевести его на латинскую графику. Отметим, что она нередко сопровождалась обострением межнациональных отношений, ксенофо-

бий, конфликтом между коллективными правами общностей и индивидуальными правами личности, асинхронностью и асимметрией в развитии трансформационного сознания различных этнических групп Молдовы⁶⁴.

В результате этих явлений и процессов в Молдове стали вызревать сепаратистские тенденции, направленные на подрыв территориальной целостности республики. Упрочению этих стремлений содействовали как внешние, так и внутренние факторы. Советское руководство стимулировало и поддерживало сепаратизм в пределах союзных республик, видя в нем противовес национально-освободительному движению. Выдвижение национально-освободительным движением лозунгов политического объединения с Румынией, отказа от молдавской этнонациональной идентичности, натапали население, в том числе и в восточных районах республики, способствовали растущего сплочения населения региона вокруг лидеров сепаратизма, которые активно и умело использовали людские страхи в процессе манипулирования общественным сознанием, консолидации антиконституционного государственного образования в Приднестровье.

⁶⁴ См.: Republica Moldova. Coord. V.Nedelciuc. – Chişinău, 1992; Мошняга В., Илашук Д., Спинея Ф., Завтур А. Конфликт в Молдове: опыт этнополитологического анализа. / Молд.ГУ. – Кишинев, 1992; Михайлов В., Мошняга В., Руснак В., Руснак Г. Русскоязычные в Молдове: состояние и самоучастие. // *MOLDOSCOPIE (Проблемы политического анализа). Часть I.* / Молд.ГУ. – Кишинев, 1992, с.9-13; Республика Молдова в 1989-1991 годах: взгляд со стороны (Дайджест зарубежной печати). / Штимица. – Кишинев, 1992; Kolsto P., Edemsky A., Kalashnikova N. The Dniestr Conflict: between Ikredentism and Separatism. // *Europe-Asia Studies. (Former Soviet Studies). Vol.45, nr6, 1993, p.973-1000.* Михайлов В. Субъективные основы национального движения. / *Изд-во Саратовского ГУ. - Саратов, 1993; Moşneaga V., Rusnac V., Rusnac Gh., Zavtur A. Proce-sele sociale in Republica Moldova in analiza politică anglofonă (anii 1992-1993). Partea I. / USM. – Chişinău, 1995; Предисловие. // Книга памяти защитников Приднестровья. / Книжное издательство. – Тирасполь, 1995; Селиванова И. Приднестровский конфликт и проблемы его урегулирования. // *Этнополитические конфликты в посткоммунистическом мире. Под ред. Дж.Эврал, Э.Паина. - Москва 1996, с.3-25. Шорников П.М. Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса 1988-1996. - Кишинев 1997; King C. Post-Soviet Moldova: a Borderland in Transition. Moldova post-sovietica: un finit de hotar in tranzitie. / *The Center for Romanian Studies. - Iasi, 1997; King C. The Moldovans. Romania, Russia, and the Politics of Culture. - Stanford, CA, 1999; Фономен Приднестровья. / РИО ПГУ. – Тирасполь, 2000;***

Почувствовав свою силу, приднестровский режим стал планомерно выдвигать законные власти Молдовы, заменять их на сепаратистские. В результате к началу 1992 года конфликт вышел в стадию открытого вооруженного противостояния. На попытки конституционных властей Республики Молдова восстановить государственный суверенитет в восточных районах страны сепаратистские лидеры ответили вооруженными провокациями. Началась 6-месячная война на Днестре. 14-я российская армия, дислоцированная в регионе, частью своего личного состава приняла непосредственное участие в боевых действиях на стороне Приднестровья, поставляла вооружение сепаратистам. При помощи российских военных за короткий промежуток времени антиконституционному режиму в Тирасполе удалось создать многопрофильные вооруженные силы, соизмеримые по численности и превосходящие по огневой мощи молодую молдавскую армию⁶⁴.

В результате войны погибло около 800 человек (320 человек из состава конституционных сил Республики Молдовы и 425 человек с приднестровской стороны), более 1200 человек остались инвалидами, покинули свои дома и стали беженцами и внутренними перемещенными лицами более 130 тысяч человек⁶⁵. Разрушения и материальные потери от вооруженного конфликта оцениваются более чем в 400 млн. долларов США⁶⁶. Жертв и разрушений могло быть еще больше. Однако Молдове повезло, если «войной везет», что боевые действия носили

в основном позиционный характер (исключение – Бендеры), перехода населенных пунктов из одной в другую зону влияния практически не было. Отсутствие массовых этнических чисток позволило вернуть после завершения боевых действий практически всех беженцев и внутренних перемещенных лиц в места постоянного проживания. И сегодня проблемы беженцев и внутренних перемещенных лиц как массового социального феномена в Молдове нет⁶⁷. Руководству Молдовы хватило политической зрелости и мужества, чтобы при помощи России, ОБСЕ прекратить войну, согласиться де-факто на существование неподконтрольного конституционным властям Республики Молдова восточного региона страны, перейти к политическим методам разрешения конфликта.

Характеристика сепаратистского режима в восточном регионе страны

Сепаратистский режим в Приднестровье целенаправленно использует эти годы для консолидации своей государственности. Исторически так сложилось, что «промышленное сердце» Молдовы, более трети ее промышленного потенциала (40%) было сконцентрировано в левобережье, в восточных районах Молдовы. Это без г. Бендеры. Совокупный промышленный потенциал (с учетом доли Бендер) оказывается еще больше. При этом в регионе оказалась основная часть предприятий военно-промышленного комплекса, интегрированных в рамках не республиканской, а общесоветской экономики.

Ситуация в промышленности и сельском хозяйстве тяжелая. Основная масса промышленных и сельскохозяйственных предприятий едва сводит концы с концами. Исключение составляет небольшая группа крупных предприятий военно-промышленного комплекса, швейного производства, «КВИНТ», металлургический завод в Рыбнице⁶⁸, которые имеют контракты с зарубежными партнерами в «старом» и «новом» зарубежье и дают основную часть поступлений в государственный бюджет ПМР. Основную долю экспорта составляет экспорт черных металлов (более половины экспорта), швейного производства,

⁶⁴ Pîntea Iu. Aspectul militar în soluționarea conflictului din zona de est a Republicii Moldova. // Aspecte ale conflictului transnistrean. / IPP. – Chișinău, 2001. p. 130;

⁶⁵ См.: Enciclopedia of Conflicts, Disputes Flashpoints in Eastern Europe, Russia and Successor States. – U.K., 1993. p.412; Книга памяти защитников Приднестровья. / Книжное издательство. – Тирасполь, 1995; Conflictul din Transnistria: adevărul așa cum a fost el. Materialele conferinței științifico-practice "Interesele de stat și rolul organelor de interne în asigurarea ordinii constituționale, drepturilor și libertăților omului în raioanele de est ale Republicii Moldova". 12-13 ianuarie 1993. / Logos. – Chișinău, 1996; Zavtur A., Roșca A., Brovco E. Problemele migrației interne în Republica Moldova (1970-1993). // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea IV. / USM. – Chișinău, 1994. p.66-81; Moșneaga V. Conflictul armat în Republica Moldova și problema persoanelor strămutate. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea VII. / USM. – Chișinău, 1995. p.114-160; Мошняга В. Независимая Молдова и миграция. / Perspectives. – Кишинев, 1996 и др.

⁶⁶ Мукомель В. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия. // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Под ред. Олжата М.Б., Тишкова В., Малащенко А. / Комплекс-Прогресс. – Москва, 1997. с.311.

⁶⁷ Мошняга В. Независимая Молдова и миграция. / Perspectives. – Кишинев, 1999. с.92-111, 455-465.

⁶⁸ По нашим подсчетам Металлургический завод в г.Рыбница дает до 85% бюджета Приднестровья.

значительно меньше вино-коньячного производства. По всей видимости, доля вооружений в экспорте значительна⁶⁹.

В восточных районах Республики Молдова сепаратистским режимом был сохранен, воссоздан и расширен военно-промышленный комплекс, существовавший в этом регионе Молдовы еще в советское время. Сегодня он включен не только в военно-промышленный комплекс России, продает оружие посредством российских государственных структур («Росвооружение» и др.), производит вооружения для нужд собственных вооруженных сил, но и самостоятельно продает оружие в горячие точки в СНГ (Абхазия, Чечня и др.)⁷⁰.

Значительная доля доходов поступает от использования ситуации «черной дыры» и неконторлируемости государственной границы со стороны конституционных органов Республики Молдова, теневой экономики, контрабанды нефтепродуктов, бензина, сигарет, алкоголя. При этом в этом криминальном бизнесе задействованы не только приднестровские, но и молдавские, украинские, российские круги.

Руководство Приднестровья акцентирует внимание на отсутствии внешних долгов, самодостаточности развития экономики региона. Это неверно, ибо во многом Приднестровье как экономическая и политическая данность консолидировалась при непосредственной поддержке со стороны политических и экономических кругов России, которые поставляли энергоносители по заниженным (внутрироссийским) ценам, содействовали установлению прямых экономических связей между ПМР и российскими регионами, списывали долги или платили (посредством перезачетов за газ) Приднестровью за российские вооружения в регионе 100 млн. долларов США и т.д.⁷¹. И сегодня руководство

ПМР пытается еще раз перезачаст свои долги за энергоносители путем повторной продажи россиянам права вывоза их же собственных вооружений бывшей 14-й армии.

В регионе сложилась административно-командная система, во главе которой находится И.Смирнов и его «семья», состоящая как из ближайших родственников, так и из ближайших друзей (и их родственники) приднестровского лидера, занимающих ключевые посты в исполнительной власти, силовых структурах, бизнесе и масс-медиа антиконституционной приднестровской молдавской республики. В то же время эта не советская модель административно-командной системы, ибо материально-техническое снабжение предприятий, экономических агентов является проблемой и головной болью самих предприятий, а не республиканской (центральной) исполнительной власти, как это было в СССР. Исполнительная власть не может обеспечить их ни сырьем, ни рынком сбыта.

В системе власти крен сделан в пользу исполнительной власти. Огромную роль играет приднестровский лидер И.Смирнов, властные полномочия которого продолжают расширяться. Более того, Смирнов играет ключевую, центрирующую роль во всей системе власти, сохранении власти «семьи», сложившегося клана. Кроме того, в системе власти и жизни региона велика роль и значение силовых структур. По численности военных на душу населения ПМР в несколько раз превосходит Республику Молдова⁷². Особенно велика и значима в политической системе непризнанной республики неафишируемая роль политической полиции – министерства государственной безопасности (МГБ), которая постоянно отслеживает и препятствует формированию и консолидации политической оппозиции не только антиконституционному режиму в целом, но и личной власти И.Смирнова.

Политические партии и общественно-политические формирования в ПМР достаточно многочисленны. Но в основной своей массе они однородны и управляемы, демонстрируют свою политическую позицию в нужный властям момент. При этом политическая оппозиция, полу-оппозиция или даже претензия на оппозицию не допускается и устраняется различными способами. По признаниям бывшего командующего 14 армией генерала А.Лебеда, ныне губернатора Красноярского края, оппозиция режиму Смирнова могла существовать только под защитой руководства российских войск в Приднестровье. Уход из ре-

⁶⁹ См.: Бурла М.П., Гушан В.А., Казмалы И.М. Экономика Приднестровья на переходном этапе. / Тирар. – Тирасполь, 2000; Prohnițchi V. Securitatea economică a unui stat mic. Note de refer pentru Republica Moldova. // Securitatea și apărarea națională a Republicii Moldova. / IPP. – Chișinău, 2002, p.176-178. При этом не следует забывать, что в процветании этих предприятий Приднестровья есть значительный вклад и Кишинева, недооцененной экономической и таможенной политикой создавшего режим благоприятных условий антиконституционному сепаратистскому режиму в восточных районах страны.

⁷⁰ Pîinea Iu. Aspectul militar în soluționarea conflictului din zona de est a Republicii Moldova. // Aspecte ale conflictului transnistrean. / IPP. – Chișinău, 2001, p.94-138

⁷¹ Мошная В., Руснак Г. Приднестровское урегулирование после Стамбульско-го саммита: состояние и перспективы. // MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică). Partea XIV. / USM. - Chișinău, 2000, c.93-94

⁷² Keji S. Studiu comparat al securității naționale: cazul Transnistriei și Coreii de Nord. Ce fel de obstacole stau în calea negocierilor? // Securitatea și apărarea națională a Republicii Moldova. / IPP. – Chișinău, 2002, p.252

гиона генерала Лебеда сопровождался и бегством из самопровозглашенной республики и оппозиционеров. Из-за политических преследований были вынуждены покинуть регион проф. В.Н.Яковлев, глава бендерской госадминистрации Т.М.Зенович; покаяться председатель горсовета Бендер Ф.А.Добров, являвшийся в свое время отцами-основателями ПМР; было расколото и раздвинуто общественно-политическое движение «Единство Приднестровья». Особенно ярко борьба с оппозицией проявилась во время президентской избирательной кампании 2001 года. В применяемых методах подавления не церемонились.

Средства массовой информации, их деятельность координируется и управляется из единого министерского центра, осуществляющего политическую цензуру. Для сплочения населения вокруг антиконституционного режима в восточных районах страны, его лидера активно используется имидж победителей «молдавских оккупантов», «Смирнов – гарант и защитник Приднестровья», черно-белая милитаризованная пропаганда, доктрина «осажденной крепости», игра на социально-политических страхах людей и манипулирование их сознанием.

В непризнанной республике нет межэтнических конфликтов, обострения межнациональных отношений. Причина не в том, что «сила Приднестровья в дружбе народов». Население региона является русскоязычным, которое во многом или утратило свою этнолингвистическую идентификацию, или согласна с ее вторичной ролью по отношению к русскоязычной идентификации.

В то же время, стремясь быть более демократичным, чем власти Республики Молдова, руководство Приднестровья декларирует 3 государственных языка: молдавский, русский, украинский. Однако, несмотря на государственный статус этих языков, ситуация в государственно-языковой сфере практически не отличается от советского статус-кво, которое было до 1990 года в СССР и в советской Молдавии. Роль молдавского и украинского языков в основном декларативна: вся документация, делопроизводство, общение в государственных структурах осуществляется на русском языке. Роль этих языков в жизни республики сведена к нескольким передачам на местном радио и телевидении, допущения деятельности этнокультурных и национальных обществ, занимающихся пропагандой и сохранением национальных языков и культур. В то же время борьба с румынским языком и школами, осуществляющими обучение на нем, нормальное «демократическое» явление.

Социальной базой приднестровского режима являются, в первую очередь, люди третьего поколения, ностальгирующие по спокойным и

относительно сытым советским временам; представители силовых структур; приднестровская бюрократия; криминальный бизнес, интересы которых приднестровский режим стремится в той или иной степени учесть и в зависимости от конъюнктуры политического момента реализовать. В этом плане показательно, что повышение пенсий пенсионерам, составляющим до трети населения республики, осуществляется в период, предшествующий избирательным кампаниям. Аналогично жупел румынизма и готовящейся агрессии Республики Молдова против Приднестровья начинает интенсивно раскручиваться в медиа региона также в этот период.

Социально-экономическое положение населения в непризнанной республике тяжелое. И отнюдь не лучше, чем в правобережной части страны. Работники основной части промышленных предприятий, колхозов и совхозов практически не получают зарплат. Минимальных выплат не хватает даже для оплаты коммунальных услуг. Предприятия нередко берут на себя оплату коммунальных услуг своих работников, используя механизм безличных перечислений. Это осуществляется в счет заработанной платы, которую предприятия не в силах выплатить людям вовремя и целиком. Экономическая ситуация ухудшается после президентских (2001) выборов, когда были затрачены огромные государственные средства для поддержания имиджа стабильности и прогресса республики под руководством Смирнова в экономической и социальной сферах.

Велик уровень скрытой безработицы. Трудоспособное население региона вынуждено искать счастье в эмиграции из Приднестровья (статистические данные свидетельствуют, что эмиграция в последние годы из региона превосходит эмиграцию периода вооруженного конфликта в восточных районах страны⁷¹) или в трудовой миграции в СНГ или в страны «старого» зарубежья. Как свидетельствуют результаты социологических исследований по проблемам трудовой миграции исследователей доля трудовых мигрантов в общей численности населения в Приднестровье не меньше, чем в правобережной части Республики Молдова.

Во внешней политике Приднестровье подчеркнуто ориентировано на славянский мир, СНГ, Россию, Украину, Беларусь, расширение и укрепление связей с государствами СНГ, присоединение к союзу Россия-Беларусь. В то же время отметим, что руководство ПМР не гнуша-

⁷¹ Мошняга В. Независимая Молдова и миграция. /Perspectiva. – Кишинев, 1999, с.43-69, 370-438.

ется играть на противоречиях между Россией и Украиной, нередко пытаясь показать «когти», поугрожать и пошантажировать Россию, стремящуюся дистанцироваться от одиозных действий приднестровской администрации. Молдова воспринимается как вынужденный и недружелюбный Приднестровью сосед, которого можно и нужно использовать, игнорируя любые взятые обязательства.

За последние 10 лет в регионе был сформирован, консолидировался авторитарный политический режим, который опирается на силовые структуры, манипулирование общественным мнением, не допускающий политической оппозиции как по отношению к существующему режиму, так и по отношению к его лидеру и его «семье». Различные демократические реверансы (конкурентные выборы, многообразие форм собственности) не более чем камуфляж, который сбрасывается, как только возникает даже иллюзия опасности для существующей власти и ее основных персонажей⁷⁴.

Переговорный процесс по разрешению приднестровского конфликта: состояние и основные проблемы

Начало постконфликтному переговорному процессу было положено в 1992 году подписанием 21 июля 1992 года соглашения между президентом Республики Молдова М.Снегуром и президентом Российской Федерации Б.Ельциным «О принципах мирного урегулирования военного конфликта в приднестровском регионе Республики Молдова». За этот период было разработано немало документов, многие из которых были даже подписаны как представителями руководства Республики Молдова и Приднестровья, так и Проводителями стран-гарантов, представителями Миссии и руководства ОБСЕ.

Среди них отметим: Доклад Миссии ОБСЕ в Молдове (13 ноября 1993 года), «Соглашение между правительством Республики Молдова и правительством Российской Федерации о производственной и науч-

но-технической кооперации предприятий оборонных отраслей промышленности» (18 февраля 1994 года), проект закона «Об особом статусе населенных пунктов левобережья Днестра (Приднестровье)» (13 декабря 1995 года), «Протокольное решение по согласованной работе в вопросах стандартизации, метрологии и сертификации Департаментом стандартов, метрологии и технического надзора Республики Молдова и комитетом по стандартизации, сертификации и метрологии Приднестровья» (11 марта 1996 года), «Протокольное решение по разрешению возникших проблем в деятельности таможенных служб Республики Молдова и Приднестровья» (7 июля 1996 года), Меморандум «Об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» (8 мая 1997 года), «Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Украины в связи с подписанием Меморандума об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем» (8 мая 1997 года), «Соглашение между министерством промышленности Украины и министерством промышленности и торговли Республики Молдова о сохранении специализации предприятий и взаимных кооперированных поставках» (13 февраля 1998 года), освобождение И.Илашку, подписание соглашений по признанию документов о полученном образовании и т.д.⁷⁵

Однако в ходе переговорного процесса выявился целый комплекс проблем.

Во-первых, участники переговорного процесса стремились не столько найти компромисс и взаимоприемлемое решение, сколько добиться своих целей, которые зачастую не имели ничего общего с целями урегулирования приднестровского конфликта⁷⁶.

Республика Молдова преследовала цель добиться разрешения приднестровского конфликта и восстановить территориальную целостность страны путем как разработки и предоставления особого статуса восточному региону Республики Молдова, так и путем постепенной экономической интеграции антиконституционного режима в консти-

⁷⁴ См.: Бюшер К. Политический режим самопровозглашенной «Приднестровской Молдавской Республики». // *Statul național și societatea polietică: Moldova în anii '90. / Perspectiva*. – Chișinău, 1997, p.24-32; Nantoi O. Cu privire la situația în raioanele de est ale Republicii Moldova (1992-2000). // *Aspecte ale conflictului transnistrean. / IPP*. – Chișinău, 2001, p.9-19; Moșneaga V. Conflictul transnistrean în Republica Moldova: cauze, starea actuală și căi de soluționare. // *Democratizarea societății din perspectiva gender. / USM*. – Chișinău, 2002, p.8-19; Keiji S. Studiu comparat al securității naționale: cazul Transnistriei și Coreii de Nord. Ce fel de obstacole stau sau în calea negocierilor? // *Securitatea și apărarea națională a Republicii Moldova. / IPP*. – Chișinău, 2002, p.249-258

⁷⁵ См.: Приднестровское урегулирование. Основные документы. / FES. – Kues, 2000; Chirtoacă N. Analiza juridică a documentelor semnate în cadrul procesului de negocieri privind problema soluționării conflictului transnistrean. // *Aspecte ale conflictului transnistrean. / IPP*. – Chișinău, 2001, p.19-66.

⁷⁶ Царану А. Интеграционные процессы и проблема региональных конфликтов. // *Moldova, România, Ucraina: integrarea în structurile europene. / Perspectiva*. – Chișinău, 2000, p.159-169.

тушонные структуры молдавского государства⁷⁷. Для этого были сделаны широкие уступки в конкретных областях, представляющих непосредственный жизненный интерес как для Приднестровья в целом, так и для его отдельных граждан, населения региона. В то же время выявилось, что в вопросе об особом статусе региона в составе страны молдавская сторона не учитывает сложившихся реалий в формировании и консолидации государственных структур в восточных районах страны, нередко исходит из советских представлений об автономизации.

Приднестровская сторона преследовала цель использовать переговорный процесс для консолидации собственной государственности, ее международного признания; получения реальных выгод в конкретных областях. Для этого выдвигались и выдвигаются конфедеративные проекты устройства общего государства⁷⁸, реализация которых должна явиться промежуточным непродолжительным этапом в получении полной независимости и международного признания. Позиция нынешнего руководства Приднестровья – это позиция политических радикалов, не намеренных и не настроенных на взаимные политические компромиссы по вопросу об особом статусе Приднестровья в составе единой Республики Молдова.

Россия и Украина как государства-посредники переговорного процесса преследовали цель не только повысить безопасность и снять угрозу вооруженного конфликта на своих границах (Украина) и обезопасить (защитить) свое: – русское (рускоязычное) или украинское на-

селе от войны и гуманитарной катастрофы (Россия и Украина), но и реализовать свои геостратегические (Россия) или трансграничные (Украина) интересы⁷⁹. Для этого свое присутствие или влияние в регионе оговаривается привязкой к выработке и реализации особого статуса приднестровского региона в составе Республики Молдова, сохраняющего свою территориальную целостность.

Правда, единства в понимании реальных форм особого правового статуса у государств-посредников не было. Нередко, эти представления, позиции государств-посредников эволюционировали под воздействием различных социально-политических факторов как внутри-, так и внешнеполитического характера. Более того, и само понятие территориальной целостности стало ставиться под сомнение, выдвинутым размытого понятия «общее государство» или реальной политической практики, которая, исходя из корыстных интересов в приднестровском регионе определенных политических и экономических кругов стран-посредников в переговорном процессе, потворствует противникам урегулирования приднестровского конфликта как внутри собственных стран, так и в Кишиневе и Тирасполе.

ОБСЕ в этом конфликте преследовало цель снять угрозу вооруженного конфликта в этом регионе посткоммунистической единой Европы, снизить опасность войны и гуманитарной катастрофы в Европе, вывезти или ликвидировать складированные в регионе воинские

⁷⁷ См.: Нантой О. Приднестровский конфликт и перспективы существования молдавского государства. // Республика Молдова в европейском контексте и в аспекте политики безопасности. / Republik Moldau im europäischen und sicherheits-politischen Kontext. / Заповіт. – Киев, 2001. с.104-109; Если в 1993 году доля Республики Молдова во внешнеэкономической деятельности Приднестровья составляла 6%, то в 1999 году она возросла до 32-34%. (См. Гучу И. Экономика переходного периода. – Кишинев, 1999, с.420). По нашим подсчетам сегодня она составляет не менее 40%.

⁷⁸ Лицкай В. Статус и гарантии. // От этнополитического конфликта к межнациональному согласию в Молдове. / Молд.ГУ. – Кишинев, 1998, с.18-26; Лицкай В. Перспективы урегулирования конфликта с точки зрения Приднестровья. // Республика Молдова в европейском контексте и в аспекте политики безопасности. / Republik Moldau im europäischen und sicherheits-politischen Kontext. / Заповіт. – Киев, 2001, с.104-109; Феномен Приднестровья. / РИО ПГУ – Тирасполь, 2000; Сафонов А. Украинский фактор во внешнеполитической стратегии приднестровского руководства. // Moldova, România, Ucraina: integrarea în structurile europene. / Perspectiva. – Chişinău, 2000, p.143-149;

⁷⁹ См.: Kolsto P., Edemsky A., Kalashnikova N. The Dnuwest Conflict: between Irredentism and Separatism. // Europe-Asia Studies. (Former Soviet Studies). Vol.45, nr6, 1993, p.973-1000; Хауслеуэтер М. Республика Молдова и Российской Федерации. // Statul național și societatea politică: Moldova în anii '90. / Perspectiva. – Chişinău, 1997, p.64-76; Толстов С. Перспективы урегулирования приднестровского конфликта: роли и интересы Украины и России. // Politică externă a Republicii Moldova: aspecte ale securității și colaborării regionale. / Perspectiva. – Chişinău, 1998, p.325-329; Дергачев А. Национальные интересы Украины и развитие субрегионального сотрудничества. // Moldova, România, Ucraina: bună vecinătate și colaborare regională. / Perspectiva. – Chişinău, 1998, p.62-69; Nazaria S. Interesele geostrategice ale Rusiei în Balcani și importanța Moldovei în realizarea lor. // Moldova, România, Ucraina: bună vecinătate și colaborare regională. / Perspectiva. – Chişinău, 1998, p.168-173; Перепельца Г. Военно-политические аспекты интеграции Украины и стран ГУУАМ в европейские структуры. // Moldova, România, Ucraina: integrarea în structurile europene. / Perspectiva. – Chişinău, 2000, p.67-86; Гольдин Г.Г., Матвиц В.Н. ОБСЕ и Приднестровье. / Дипломатическая Академия МИД России. – Москва, 2000, с.24.

формирования и вооружение иностранных государств, гарантировать защиту национальным меньшинствам в независимой Молдове⁸⁰.

Отметим, что при разбросе целей участников и посредников переговорного процесса по урегулированию приднестровского конфликта в Республике Молдова все-таки есть немало точек соприкосновения. Это позволило добиться определенных положительных результатов, особенно в конкретных областях. Кроме того, все заинтересованные стороны пришли к выводу, что опасности развязывания вооруженного конфликта в этом регионе Европы практически не существует, альтернативы политическому диалогу сегодня нет. Население как в лево-, так и в правобережной части Молдовы в подавляющей массе утратило черно-белое («через прицел автомата Калашникова») восприятие людей с другого берега Днестра.

Во-вторых, в отличие от Тирасполя, демонстрирующего завидную последовательность и настойчивость в достижении на переговорах поставленной цели, у Кишинева нет четко разработанной, государственной концепции разрешения приднестровского конфликта. После подготовки проекта закона «Об особом статусе левобережных районов Днестра (Приднестровье)» (декабрь 1995 года)⁸¹ парламент фактически отошел от системного подхода к анализу приднестровской проблемы. Внимание к этой проблеме носило эпизодический, достаточно

поверхностный характер, в основном сводилось к вопросу вывода российских войск из региона или освобождению из приднестровской тюрьмы членов группы И.Илашку⁸². Определенный интерес наблюдался также в 1997 году, когда была создана комиссия по наблюдению за соблюдением подписанного в мае 1997 года Меморандума о нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем.

Заинтересованность молдавских парламентариев проблемой урегулирования приднестровского конфликта наблюдается в основном накануне выборов, когда многие политики, стремясь привлечь к себе внимание. Начинают вспоминать и парламентские дипломаты, необходимости вести диалог с их визави из Тирасполя.

Отсутствие последовательности выражается и в том, что молдавские политики, став властью, не могут освободиться от политико-партийных симпатий и антипатий к опыту и практике урегулирования конфликта, накопленного предшественниками в высших эшелонах власти. Кроме того, сменяющиеся во власти молдавские политики чаще имеют достаточно романтичное и наивное представление о путях, формах и сложностях разрешения этой проблемы, ведения переговоров. Это ведет к тому, что нередко делались и делаются непродуманные заявления, предшественники воспринимаются как умышленно саботировавшие решения. Столкнувшись с непримиримостью позиций Тирасполя, они опускают руки, не знают, что делать, теряют всякий интерес к этой проблеме⁸³. Подобное отношение порождает сомнение даже у представителей международных организаций в желании молдавских властей действительно разрешить приднестровский конфликт и восстановить территориальную целостность страны. Не менее легковесными представляются и ожидания, что кто-то за нас, для нас и к нашей выгоде решит приднестровскую проблему и преподнесет это решение нам «на блюдечке с голубой каемочкой».

Отсутствие специальных государственных институтов, призванных помочь высшему руководству страны принять правильное, адекватное, продуманное и перспективное решение, обеспеченных соответствующим высоким уровнем государственных, властных полномо-

⁸⁰ См.: Джонсон Д. Международное посредничество в конфликте в Республике Молдова. // *Statul național și societatea politică: Moldova în anii '90*. / *Perspectiva*. – Chișinău, 1997, p.83-89; Доклад №13 Миссии ОБСЕ в Молдове (13 ноября 1993 года). // *От этнополитического конфликта к межнациональному согласию в Молдове*. / Молд.Г.У. – Кишинев, 1998, с.56-75; Тробет С. Долговременные акции ОБСЕ. // *Statul național și societatea politică: Moldova în anii '90*. / *Perspectiva*. – Chișinău, 1997, p.190-216; *Mosneaga v., Gulbure A. Some Aspects of the Trans-Dniestr Problem. // European Conflicts and International Institutions: Cooperating with Ukraine*. Erhhart H.-G., Thaleron O. (Eds.) / *Nomos Verlagsgesellschaft*. – Baden-Baden, 1998, p.135-145; Solomon C. Rolul OSCE în menținerea stabilității în Republica Moldova. // *Moldova, România, Ucraina: integrarea în structurile europene*. / *Perspectiva*. – Chișinău, 2000, p.149-159; Мошняга В., Руснак Г. Приднестровское урегулирование после Стамбульского саммита. // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Partea XIV. / *USM*. – Chișinău, 2000, p.79-100; *Возможности утилизации обычных боеприпасов и вооружений на примере Украины и Молдовы. Материалы международной конференции (Ялта, 15-16 ноября 2001)*. / *Заповіт*. – Киев, 2002;

⁸¹ См.: проект закона «Об особом статусе левобережных районов Днестра (Приднестровье)». // *От этнополитического конфликта к межнациональному согласию в Молдове*. / Молд.Г.У. – Кишинев, 1998, с.75-87;

⁸² См.: Мошняга В., Руснак Г. Приднестровское урегулирование после Стамбульского саммита. // *MOLDOSCOPIE (Probleme de analiză politică)*. Partea XIV. / *USM*. – Chișinău, 2000, с.84-85; Царану А. Приднестровский конфликт в Республике Молдова: противостояние идентичностей. // *Moldova între est și vest: identitatea națională și orientarea europeană*. / *CAPTES*. – Chișinău, 2001, p.255-273.

⁸³ там же

чий, необходимыми интеллектуальными, финансовыми, материальными ресурсами⁸⁴, лишь усугубляет проблему. Поэтому не удивительно, что в ходе переговорного процесса было допущено немало ошибок, приведших к появлению многих правовых капканов, из которых мы не можем успешно выйти и сегодня.

В-третьих, Тирасполь ведет себя на переговорах достаточно вольно, постоянно нарушает «правила игры». Выходя «за флажки», он проверяет, что можно, а что нельзя. Если он не видит и не ощущает санкций за нарушения, то стремится получить из подписанных соглашений только выгоды, права и проигнорировать обязанности. Отнюдь не рекомендует Кишиневу поступать таким же образом⁸⁵, отметим, что молдавской стороне часто не хватало в прошлом политической воли, чтобы прервать переговорный процесс, осмыслить ситуацию, избежать скоропалительных решений. Нередко складывалось впечатление, что Кишинев, осознавая невыгодность для него предлагаемых Тирасполем или даже посредниками решений, продолжал переговоры, только чтобы не быть обвиненным в замораживании переговорного процесса. То есть переговоры шли ради переговоров⁸⁶.

Представляется, что новое руководство Молдовы, успев, вслед за предшественниками также наступить пару раз «на грабли», тем не менее, проявило политическую волю (проблема печатей, таможенных постов, особого правового статуса восточного региона), постаравшись разорвать порочный круг безрезультатного развития переговорного процесса и не допустить односторонних уступок. Необходимо полное и равнообразное задействовать все имеющиеся (не только используемые ныне) возможности для политического решения приднестровского конфликта.

⁸⁴ Государственная комиссия, призванная заниматься проблемами по урегулированию приднестровского конфликта, при всем желании ее немногочисленных сотрудников не может справиться с этой задачей в силу отмеченных выше причин. Создание такого государственного института является, учитывая важность разрешения данной проблемы для судеб страны, настоятельной необходимостью.

⁸⁵ Это предполагает разработку механизма гарантий целостного соблюдения положений подписанных документов.

⁸⁶ Царану А. Приднестровский конфликт в Республике Молдова: противостояние идентичностей. // *Moldova între est și vest: identitatea națională și orientarea europeană*. / CAPTES. - Chișinău, 2001. p. 268.

P.S. Руководство Республики Молдова находится в поиске новых подходов. В подтверждение этого отметим, что в середине июля 2002 года оно устало Президентом В.Ворониным выступило с обращением в пользу плана федерализации страны⁸⁷, предложенного Миссией ОБСЕ в Молдове и поддержанного странами-гарантами⁸⁸. Насколько успешным во внутри- и внешнеполитическом плане окажется этот шаг, может ли он окончательно урегулированию приднестровского конфликта покажет время.

ВЕНГРИЯ: ПРАВА НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Ирина МОЛОДИКОВА
Венгрия, Будапешт
Центрально-Европейский Университет
доктор

Защита прав человека и национальных меньшинств – это одно из ключевых условий членства в Евросоюзе. Основы этого положения были заложены в Маастрихтском договоре Евросоюза, Копенгагенской встрече (1993), Пакте Евросоюза о стабильности в Европе и в так называемой европейской общей международной политике и безопасности. В дополнение к этому Совет Европы уполномочен специальным мандатом проверять соответствие страны – кандидата европейским международным стандартам. Основные три критерия для вступления это: стабильность политических институтов, обеспечивающих демократию, соблюдение законности и прав человека и уважение и защита меньшинств⁸⁹.

Совет Европы полагает, что все вступающие страны должны руководствоваться прежде всего Европейской Конвенцией по защите прав человека и Рамочной конвенцией по защите прав национальных

⁸⁷ Воронин В. Обращение к народу Молдовы. // «Независимая Молдова», 2002, 17 июля.

⁸⁸ Этот план был озвучен на встрече в Киеве 2 июля 2002 года и опубликован в республиканской прессе. (см. «Независимая Молдова», 2002, 9 июля)

⁸⁹ European Council. // *Conclusions of the Presidency*. - Copenhagen, 21-22 June 1993, DOC SN 180/93, 13.

меньшинств и привести в соответствие с ними свое законодательство. Венгрия стоит в пятке первых кандидатов на вступление в Евросоюз, данный обзор посвящен вопросам развития системы прав и свобод национальных меньшинств, проживающих на ее территории и их защиты.⁹⁰

Большинство стран мира (за исключением может быть Японии) имеют неоднородный национальный состав. Доля титульного населения может сильно колебаться (например, в Казахстане она по данным переписи 1999 года составила 48%, в Латвии - 35%). Венгрия в этом отношении не уникальна. Около 10% населения принадлежит к различным группам национальных меньшинств. Однако Венгрия уникальна и во многом идет впереди многих Западноевропейских стран по системе законодательства, разработанной для участия и обеспечения меньшинств в местном самоуправлении. Также это относится и к возможностям создания системы самоуправляемых сообществ национальных меньшинств (ССНМ).

К сожалению, в русском языке нет адекватного аналога слову комьюнити, употребляемому в западной литературе для описания таких сообществ. В советской системе жесткого централизованного управления развитие самоуправления представить себе было невозможно без руководящей роли партии. В Венгрии за время существования социалистического строя существовали те же законы и национальные меньшинства сильно ассимилированы. Начиная с момента демократизации Венгрия приняла и разработала ряд законов, направленных на развитие индивидуальных и коллективных прав и культурной автономии для меньшинств. Страна подписала и ввела в действие все существующие международные документы по охране и развитию прав национальных меньшинств. Многие стандарты в Венгрии даже более прогрессивны и могут служить примером для других стран, имеющих национальные меньшинства.

Венгерский парламент утвердил систему самоуправления национальных меньшинств. Она действует на национальном и местном уровнях. Меньшинствам дано право выбирать собственную национальную принадлежность, использовать язык своей национальности, создавать организации (включая самоуправление), поддерживать связи с материнским государством и иметь своих представителей в парламенте.

⁹⁰ *Intensification of East-West Relation in the Process of EU Enlargement. The Case of Austria / Hungary. The Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW), Austrian Institute of Economic Research (WIFO). International Center for Migration Policy Development (ICMPD). - Vienna, 1999.*

Однако, имеются значительные трудности в реализации этих прекрасных возможностей, обеспеченных законодательством страны. Прежде всего проблема состоит в рассредоточенности меньшинств по территории, отсутствии координации в работе местных и центральных органов, призванных обеспечивать соблюдение законодательства. Кроме того, ощущается недостаток средств у созданных ССНМ. Часто отсутствует координация между ССНМ и местными властями. Как те так и другие не имеют нужного опыта и соответствующей квалификации для работы друг с другом и с населением. Все еще ощущается недостаток в количестве и качестве школ для национальных меньшинств. Также существует проблема доступа меньшинств к средствам массовой информации.

Разные меньшинства имеют в целом различные этноэкономические особенности. Большинство меньшинств с социально-экономической точки зрения хорошо интегрированы, в то время как, например, рома - нет. Они как раз и страдают больше всего от предрассудков и дискриминации разных форм, в то время как именно эта группа является самой многочисленной и насчитывает около 600.000 человек. Свидетельством достаточно хорошей интеграции меньшинств является показатель уровня образования каждой группы меньшинств по отношению к среднему по стране. В целом для всей группы национальных меньшинств характерен тот же уровень образования, что и для всего населения Венгрии. Тем не менее, для немцев и сербов доля людей с высшим образованием выше общевенгерского, для словаков доля с высшим образованием в два раза ниже, а для рома этот показатель практически очень низкий. Поэтому рома являются наиболее маргинализованной группой и это проблема беспочвенно не только для страны в целом, но предмет дискуссии всего Европейского Союза.

Одно из условий вступления Венгрии в Европейский союз это - обеспечение и защита прав национальных меньшинств, и в частности рома. Однако по данным международной организации по миграции (МОМ) за 1999 год 1000 рома из Венгрии получили статус беженцев в западных странах (в основном в Канаде)⁹¹.

История развития и формирования венгерского государства являл собой пример постоянно меняющихся границ на протяжении столетий. Это привело к тому, что на территории государства проживают этнические группы, имеющие свои собственные государства, являющиеся соседями Венгрии. Последнее движение границ было в 1920

⁹¹ *Migration Strategy of Roma living in Hungary / IOM. - Budapest, 2000*

году по договору Трианона, как части Версальского договора, когда две-третьи Венгрии отошло к сопредельным государствам: Словакии, Словении, Югославии, Румынии, Украине и Австрии. Судьба венгерского национального меньшинства в сопредельных государствах постоянный предмет заботы Венгрии, нашедший отражение как в Конституции, так и в многочисленных законодательных актах.

Сама Венгрия также проводила программы по ассимиляции и гомогенизации населения. Так в годы второй мировой войны около 6.000.000 венгерских евреев и рома было депортировано и убито. После войны была принята программа по насильственному переселению (выселению) словаков и немцев с территории Венгрии. В социалистическое время венгеризация национальных меньшинств продолжалась.

На начало процесса демократизации (перепись 1990 года) только 133936 человек принадлежащих к национальным меньшинствам указали язык своей национальности как основной. Причем количественно все группы потеряли население, за исключением рома и немцев⁹⁷.

Венгерское законодательство и международные нормы защиты национальных меньшинств

Венгрия подписала все международные законы и нормы защиты меньшинств. Одним из основных является *Европейская хартия о языках национальных меньшинств*. Венгрия подписала в 1992 году, но оно вступило в силу только в 1999 году. В Хартии указаны все языки меньшинств поименованные в Законе о национальных меньшинствах. Однако при ратификации хартии Венгрия не включила язык рома в языки, которые нужно сохранять, аргументируя это тем, что они не имеют территориально компактных ареалов расселения. Венгрия выбрала хорватский, немецкий, румынский, сербский, словацкий и словенский языки (поскольку это язык и соседних государств в которых также проживает венгерское меньшинство). Таким образом языковая ассимиляция рома продолжается.

Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств - Венгрия ратифицировала Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств но без определения, что такое меньшинство. Двусторонние соглашения. *Двусторонние договоры о защите конкретных*

меньшинств широко распространены в Европе. Начиная с 1991 года Венгрия подписала его со всеми соседними странами и Германией⁹⁸.

Как уже отмечалось Закон о правах национальных и этнических меньшинств наиболее важный и устанавливает не только то, что национальные меньшинства имеют те же права, что и другие граждане, но декларирует положение, Парламент ответственен за создание и функционирование ССНМ и выборы комиссара парламентария по делам национальных меньшинств. Данный закон признает право на свободному выбору национальности; право на язык; право на образование организаций; право на поддержание связей с государством происхождения; право на самоуправление; право на представителя интересов национальных меньшинств в парламенте.

Национальные законодательные основы защиты национальных меньшинств в Венгрии.

Прежде всего следует остановиться на критериях, положенных в основу определения национальных меньшинств. Поскольку каждая страна присматривает свои критерии, на основании которых этническая группа подпадает под критерии и соответственно идет получение тех или иных предусмотренных законодательством льгот. *По принятому в 1993 году Закону о правах национальных и этнических меньшинств (в Венгрии нет различий в разделении на те и другие) (No.LXXVII, par1. c.2):*

«...все национальности, граждане Венгрии, проживающие на территории Венгрии, по крайней мере сто лет, и являющиеся меньшинством по численности, отличающиеся по языку, культуре и традициям, а также по пониманию своей специфики, видимой по сохранению своих традиций, защите исторически созданного сообщества и представлении их интересов относятся к национальным меньшинствам».

Согласно этому закону национальным меньшинствами названы 13 этнических групп: армяне, болгары, хорваты, немцы, греки, поляки, румыны, русины, сербы, словаки, словенцы, украинцы и рома. Этот список не является окончательным и может быть дополнен, если соблюдено первое положение и заинтересованная этническая группа создаст инициативное письмо, соберет не меньше 1000 голосов в защиту этой инициативы и подаст прошение спикеру парламента.

⁹⁷ Diversity in Action. Local public management of Multi-ethnic communities in Central and Eastern Europe. Ed. By A.-M. Biro and P.Kovacs, LIGIOSI. - Budapest, 2000

⁹⁸ Toth J. Diaspora in Legal Regulations: 1989-1999. // New Diasporas in Hungary, Russia and Ukraine: Legal Regulations and Current Politics. Ed. By I. Kiss and C. McGovern. - Budapest, 2000.

Права меньшинств закреплены также в Конституции Венгрии, и в четырех основных законах: четвертом Законе Уголовного Кодекса, принятом в 1978 году; Законе о общественных образованиях 1993 года и в первом Законе о радио и телевидении 1996⁹⁴.

Основные права национальных меньшинств в Венгрии

Предисловие к Закону о меньшинствах говорит, что этот закон призван охранять права меньшинств как индивидов, так и сообществ, т.е. как этнической группы в целом. По венгерскому законодательству сообщество меньшинства может иметь право на:

Существование национального меньшинства как группы;

Право на защиту и развитие своего языка и культуры;

Право на участие в политической жизни через своих представителей;

Право на формирование местного самоуправления;

Право существовать без дискриминации;

Право к доступу электронных СМИ;

Право на выбор этнической принадлежности;

Право защиты от дискриминации;

Право на образование, культуру и поддержание традиций;

Органы, призванные гарантировать права национальных меньшинств

Многие права национальных меньшинств в Венгрии связаны с законом о самоуправлении национальных меньшинств, но возможности самоуправления должны быть гарантированы и реализованы через государственные структуры власти. Такими структурами является прежде всего:

Парламентский комитет по правам человека, меньшинств и вероисповедания – занимается вопросами, касающимися подготовкой законодательных актов;

Комиссар по защите национальных и этнических меньшинств. Должность заложена в Конституции. Он призван проверять исполнение законов и проверять случаи их нарушения. Это парламентская должность, он имеет свое подразделение, которое проверяет случаи нарушения прав

Департамент по делам национальных и этнических меньшинств - Призван помогать в разрешении проблем национальных меньшинств.

⁹⁴ Там же

Он входит в состав центральной администрации, но находится под покровительством министерства правосудия.

Органы Центральной администрации (включают министерство образования и министерство внутренних дел), которые ответственны за развитие культурных автономий. Первое ответственно за развитие автономий а второе за контроль исполнения законодательства

Местные органы администрации - играют ключевую роль в распределении ресурсов и обеспечении равного доступа к источникам финансирования. Они должны работать в тесном сотрудничестве с ССНМ. По закону о местном управлении в него могут входить кандидаты от этих сообществ. Всего в 1998 году 1055 выборных мест в местных администрациях было за депутатами от национальных меньшинств.

Защита прав идет по двум направлениям – защита прав и искоренение дискриминации. Особенно это предусмотрено в области занятости, где применяются штрафные санкции, хотя и очень незначительные (около 160 долл. США с работодателя)⁹⁵.

Вопросы территориальной автономии

Венгрия всегда называется как положительный пример системы защиты прав национальных меньшинств в международном сообществе. Закон 1993 о Законе о правах национальных и этнических меньшинств дает национальным меньшинствам право создания их собственного органа местного управления. Это прежде всего связано с проблемой венгерского меньшинства в соседних странах. Для получения определенных гарантий для него Венгрия идет на культурную автономию своих национальных меньшинств. Венгерское законодательство разрешает культурную автономию двумя путями: через разрешение национальным меньшинствам формировать свое самоуправление или посредством введения своих представителей в местной администрации через местные выборы или независимо организованные выборы.

Закон о правах национальных и этнических меньшинств от 1993 года позволяет также провозгласить самоуправление для национальных меньшинств после проведения местных выборов в данном месте,

⁹⁵ Diversity in Action. Local public management of Multi-ethnic communities in Central and Eastern Europe. Ed. By A.-M. Biro and P.Kovacs, LGI/OISL. – Budapest, 2000

если более чем половина избранных представителей будут из числа данного меньшинства⁹⁶.

Система самоуправления национальных меньшинств

Первый прецедент появления самоуправления национальных меньшинств был создан совсем недавно в 1994-1995 годах, поскольку как отмечалось выше меньшинства проживают в основном рассеяно по территории. Кроме того, в отличие от других государств в Венгрии не нужно подтверждения принадлежности к определенной этнической группе, достаточно просто свободного волеизъявления индивида принадлежать к национальным меньшинствам. Поэтому при голосовании за кандидата в самоуправление национальных меньшинств граждане, идентифицирующие себя с этим национальным меньшинством и проживающие на данной территории голосуют согласно идее свободного выбора этнической принадлежности. В Венгрии насчитывается 3200 населенных пунктов. ССНМ были основаны в 1994 году - 679 при проведении местных выборов, 138 - в 1995 году. Всего в 1998 году уже насчитывалось 1375 таких ССНМ, созданных через выборы в местные органы⁹⁷.

ССНМ имеют свои ключевые функции: они могут утверждать свое внутреннее организационное регулирование, создавать свои собственные институты, особенно в области образования и СМИ. ССНМ должны работать рука об руку с местными властями и те должны оказывать им всяческое содействие. Например, в местах создания таких ССНМ вопросы образования в местных школах, местные СМИ, развитие местных традиций, и культура, использование определенного языка в общественных местах – все это должно согласовываться местной администрацией с ССНМ данной территории.

Все это звучит очень красиво, однако когда ССНМ и местная администрация должны согласовать статьи бюджета на определенные запросы ССНМ, способы получения ими средств и их расхода начинаются трудности. Этот вопрос в законе не прописан, поэтому очень трудно его согласовывать.

⁹⁶ *Toth J. Diaspora in Legal Regulations: 1989-1999. // New Diasporas in Hungary, Russia and Ukraine: Legal Regulations and Current Politics. Ed. By I. Kiss and C. McGovern. – Budapest, 2000.*

⁹⁷ *Diversity in Action. Local public management of Multi-ethnic communities in Central and Eastern Europe. Ed. By A.-M. Biro and P. Kovacs, LGUOSI. – Budapest, 2000*

Роль местной администрации

До 1990 система управления была идентичной советской. После принятия нового закона о местных выборах была основана система самоуправления согласно Европейской Хартии местного самоуправления Совета Европы. Конституция и данный закон признают право на самоуправление в поселении любого ранга. Их насчитывается 3149. Каждое имеет своих выбранных представителей и выбранный совет⁹⁸.

Существуют два уровня местного управления: локальный (муниципальный) и региональный. За муниципальными органами ответственность по обеспечению: питьевой водой, электроэнергией, детские сады, базовое образование, базовое обеспечение органами здравоохранения и социального обслуживания, поддержание местных дорог и кладбищ, и защита прав национальных меньшинств. Эти же функции принадлежат и ССНМ. Местные и национальные выборы проводятся на тех же основаниях, и доступ любого индивида к избирательной системе как местной так и ССНМ доступен каждому индивиду.

Можно сказать, что ССНМ имеют такой сильный инструмент как вето для вопросов, связанных с использованием на местном уровне какого языка, развития базового образования и местных СМИ. Однако опять часто это остается на бумаге из-за непереработанности вопросов бюджетной поддержки и перераспределения денежных средств между ССНМ и местными властями.

Не удивительно, что согласно данным офиса парламентского комиссара по национальным меньшинствам все наиболее громкие дела по ущемлению прав национальных меньшинств связаны с муниципальным управлением. Поскольку часто местные муниципалитеты воспринимают ССНМ как обузу и дают им деньги как из одолжения.

Хотя по закону официальные представители ССНМ имеют право участвовать в собраниях советов местных администраций и их просьбы и запросы в местной администрации должны быть рассмотрены в установленном порядке. Однако опять все упирается в вопросы возможности сотрудничества этих двух иногда конкурирующих, иногда противостоящих организаций, вместо их кооперации. Особенно данное утверждение справедливо для работы рома самоуправлений с местными властями.

Образование на языке национальных меньшинств.

⁹⁸ там же

Может быть выбрано родителями. Существует три вида образования в школах национальных меньшинств:

- язык национальных меньшинств дается как иностранный,
- двуязычные школы с преподаванием нескольких предметов на языке национальных меньшинств,
- школы, где все предметы идут на языке национальных меньшинств,

Поскольку такие ССНМ в среднем насчитывают менее 5000 человек, им трудно обеспечить наличие квалифицированных педагогов. В ССНМ школы с малым количеством учеников национальных меньшинств часто сталкиваются с финансовыми проблемами.

Особенно это касается образованием рома, так как нет нужного количества преподавателей с нужным уровнем знания языка. Поэтому кроме финансовой проблемы содержания самих школ добавляется проблема тренинга учителей.

Всего же насчитывается по стране 298 детских садов, 370 школ (без учета рома школ). 56% детских садов на немецком языке, 23% на словацком, 11% на хорватском. Эти же пропорции приблизительно характерны и для школ. 60% школ имеют менее 200 учеников, 25% даже менее 100⁹⁹.

СМИ и права национальных меньшинств. Закон о СМИ и Закон о национальных меньшинствах и Конституция устанавливают основы для вещания на языке национальностей, однако оно часть остается без финансовой поддержки и необходимых технических средств.

Заключение

Краткий обзор существующего положения в сфере обеспечения прав и свобод национальных меньшинств в Венгрии показывает как с одной стороны многого добились страна в развитии законодательства в этой области, а с другой стороны видны все трудности в реализации этих прав. До сих пор не прошел закон о парламентском представительстве национальных меньшинств. Оно предписано конституцией но процедура применения его на практике еще окончательно не сформирована. Дебаты идут с 1990 года, но окончательных итогов еще нет. Несмотря на то, что конституционный суд постановил урегулировать вопрос представительства национальных меньшинств в Парламенте тот всячески откладывает решение этого вопроса. Постоянные трудности существуют и в финансовом обеспечении ССНМ и в разделении

⁹⁹ там же

средств между ними и местными властями. Кроме того в отношении рома повсеместно встречаются случаи дискриминации со стороны властей и полиции, не говоря уже о простом населении. Однако, за десять лет несомненен прогресс в развитии прав и свобод национальных меньшинств.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ИНТЕГРАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЭСТОНИИ.

Георг СООТЛА

Эстония, Таллинн

Таллиннский университет

факультет социальных наук,

отделение государственного управления,

заведующий кафедрой

доктор, профессор

1. Исторический и политический фон решения вопроса о русскоязычном населении в Эстонии

На уровне отдельного индивида исторические обстоятельства как макрофакторы возникновения проблемы не являются достаточно легитимными аргументами для объяснения сделанных выборов. На уровне системы в целом, так и для ученых, эти аргументы должны хотя бы частично объяснить сделанные выборы.

Эстонцы получили независимость в 1918 году столь же неожиданно, как и в 1991 году. Идея самостоятельного государства стала укрепляться по мере разрушения центра империи после революции 1917 года. Решающим толчком консолидации нации и государства стала Освободительная война против России, которая нападала на Эстонию после поражения Германии в I мировой войне. В результате победы Эстонии и мирного договора, подписанного в Тарту в 1921 году, Россия признала вечное право эстонского народа на самостоятельное государство. Эстония же была одним из первых государств, которые признали Советскую Россию. Более того, молодая Эстонская армия сокрушила армию Балтийских немцев под Ригой, которые были третьими претендентами на правление в Эстонии и которые уже успели овладеть Латвией.

До этого Эстония была с начала XIII века оккупирована разными державами, одно время даже пятью. Но проблемы национальной идентичности не возникало, потому что это было игра элит и господствующая элита жила в изоляции от местного населения. Роль Русских была и того меньше вплоть до независимости, хотя попытки руссификации как контрмеры против германизации принимались. Поэтому не выработалось также никакой модели интеграции: мобильность в господствующую элиту совершалась с ассимиляцией или в немецкую, или в другую нацию. И претендентов было немало. (Нелишне было бы сказать что офицерство Эстонской армии составили младшие офицеры царской армии, которые в большинстве были женаты на русских девушках.) Так в подосознании эстонцев сотрудничество с чужими властями рассматривалось именно как дистанцирование от нации. Но это никак не означало возникновения позиции враждебности к другим национальным меньшинствам. Эстония была одной из первых стран в Европе, которая приняла закон и ввела национальную культурную автономию в Эстонию. До войны в (нынешних границах) Эстонии жило всего 8% инородцев, среди которых были и русские, в основном староверы, которые жили на побережье Чудского озера, шведы, евреи. Но правовые, в основном экономические, ограничения пали на людей немецкого происхождения, в которых видели угрозу Эстонской (экономической) независимости. Таким образом, никаких причин национальной розни не было до новой оккупации Эстонии в 1940 году. Были меры против групп, которые угрожали реально Эстонской независимости.

Советская оккупация была совершенно другого рода, чем предыдущие. Это насильственное овладение территорией сопровождалось массовыми выселками, эмиграцией и разрушением привычных форм жизни. (На одного советского солдата прошло 4,5 жителей Эстонии. Проблемой была не только чужая власть. СССР не доверяло даже местным коммунистам. В первом «кукольном» правительстве 1940 года не было ни одного коммуниста. В 1951 году их репрессировали и заменили этническими эстонцами, которые родились в России и плохо говорили по-эстонски. Самой главной проблемой была массовая миграция представителей других наций из территории СССР. Они стали не только жить рядом с эстонской общиной, но внедрять элементы жизни, которые обычными людьми никак не принимались. Заложены навязывание русского языка (исключением был режим Берии), хотя таких глупостей, как в других национальных республиках (а ял использование кириллицы при письме романской языковой группы) не делали. Конверсия повседневных коммуникаций в другую знаковую систему означало, как

показал опыт последних веков, улетучивание национального идентитета. Таким образом, в ОЧЕНЬ корпоративную и индивидуалистическую среду начали внедрять чужие коллективные формы «открытой» жизни и чужие знаковые системы. Мы являлись свидетелями не конфликта наций, но конфликта культур, который сопровождался политическим насилием. Вот это было главное. Но анализ природы напряжений является предметом другого исследования.

Важно и то, в какой форме осуществлялась миграция. С 1945 года до середины '60-х годов доминировала политико-идеологическая колонизация Эстонии семьями военных и руководящих работников (около 134.000)¹⁰⁰. Начало было поставлено также экономической миграцией, которая доминировала до конца '70-х годов (105.000). В конце '70-х годов XX века доминировала уже миграция, связанная с возникновением и объединением семей. Это показывало, что связи с внешней средой стали столь интенсивными и нерегулируемыми, что это стало угрожать внутренней интеграции данного общества. Так что боязнь эстонцев в конце '80-х годов, что нация находится в стадии, где существует угроза развала (т.е. очевидным стало исчезновение социальной инфраструктуры нации), были совсем обоснованы. Другой вопрос, исчезла ли эта угроза, прежде всего из-за мощной волны вестернизации в связи с интеграцией в Европейский Союз.

Таким образом, исходя из дефиниции В.Кимлицка¹⁰¹, только маленькую часть меньшинства русских в Эстонии можно назвать национальными меньшинствами. Они, формируя в Эстонии относительно обособленную группу, укоренялись в обществе по меньшей мере в течении трех-четырех поколений, имеют свой идентитет и слабые родственные связи со страной, где живут представители основной нации. Большинство из русскоязычных людей являются колонистами и иммигрантами, которые переселились в Эстонию в результате прямой или косвенной политики государства, которое завоевало страну насильственно. К середине '80-х годов доля незстонского населения составляет уже около 40%, притом они проживали компактно и формировали большинство в некоторых городах, в том числе и в столице Таллинне.

¹⁰⁰ Tammaru T. *Venelased Eestis: ränne ja kohanemine*. - Tallinn, 1999, pp.17-18

¹⁰¹ Kimlicka W. *Multicultural Citizenship. A Liberal Theory of Minority Rights*. / Clarendon press, 1995

2. Формы интеграции и политические выборы в Эстонии

2.1. Формы интеграции

Слово интеграция является достаточно модным и часто употребляется в совершенно неопределенном и ложном смысле. Поэтому сначала не будем вовсе это слово употреблять. Представим, исходя из теории адаптации Джона Берри, что находимся на континуме приближения и отдаления национальных групп от друг друга.

2.1.1. Самой сильной формой приближения является *ассимиляция*, которая обозначает фактическое растворение инокультурных в массе основного населения. Ассимиляция происходит в результате потери представителями другой нации своего идентитета и приобретения идентитета другой нации. Это возможно при неинтенсивной индивидуальной иммиграции и при условии, что другие различия не препятствуют этому (цвет кожи, религия, компактное проживание). При этом, язык не является каузальным независимым переменным ассимиляции, что мы наблюдали, например в Казахстане.

2.1.2. *Интеграция* имеет по крайней мере две стратегии или формы. Возможно их и больше, но остановимся на этих двух. Одна из них – *возникновение двойного идентитета на уровне индивида*. Сохраняя свой основной национальный идентитет, человек другой нации сможет без особых усилий не выделяться при включении в общественную жизнь общества, которая формировалась на основе ценностей и норм другой нации. В какой мере эта «общественная жизнь» в мультикультурных обществах должна учитывать специфику – прежде всего норм поведения и эмоциональные фреймы других культур, - это особый вопрос для исследования. Но очевидно то, что такая форма приближения может заканчиваться и ассимиляцией. США является хорошим примером этой интеграции, хотя и не препятствует открыто и другой форме. Очевидно СССР пытался тоже показать приверженность этой модели и фраза «форма национальная и содержание социалистическое» не была так далека от истины коль скоро институты общества были созданы, основываясь на нормы вестернизированного русского человека.

Но эта форма может развиваться также в сторону *маргинализации*. Это – создание семейных или групповых островков между доминирующей нацией и своей национальной группой.

Другой формой интеграции можно назвать *интеграцию, основанную на национальной общине*. Эта форма предполагает формирование общины, как особого механизма внутренней интеграции, в которой община регулирует сама те отношения, которые отличаются от доминирующих норм и отношений, но которые дают данной общине свою спе-

цифику. Интеграция с обществом в целом достигается на уровне общественной элиты, поэтому община может быть достаточно обособленной. Это является как бы делегацией проблем интеграции к общинам. Хорошим примером являются пакистанские и индийские общины в Британии, которые имеют даже свои банки. Это означает допущение институционализации национальной специфики. Поэтому эта форма может развиваться в *сепарацию*.

2.1.3. *Сепарация* означает создание замкнутых общин, которые пытаются ограничивать контакты с основной, доминирующей группой. Сепарация подготавливает психологический следующий этап – *конфронтацию*, стремление навязывать свои понимания и линию поведения. Конфронтация возникает прежде всего тогда, когда обе стороны считают поведение друг друга как ведущее к ущемлению их интересов. В их диалоге доминируют упреки насчет прошлого, указание на виновных, стремление к территориальному разъединению. Национальные группы пытаются завоевывать публичные институты – прежде всего школы, клубы и т.д. для укрепления своих позиций. Крайние формы конфронтации – физическое вытеснение одной группы вплоть до геноцида.

В научном плане нет смысла пытаться дефинировать, где какие формы приближения – отдаления применены. Эти формы определенно динамичные идеальные типы, которые позволяют понимать направленные движения и прогнозировать результаты и последствия той или иной ориентации.

2.3. Модели интеграции

В научной литературе различают также разные этнополитические модели или модели национальной политики, которые позволяют яснее понять природу разных шагов, принятых в разных государствах¹⁰².

(а) *модель временных иммигрантов*, при которой публичная политика не способствует никаким формам приближения между коренной нацией и людьми других национальностей, которые приехали, как правило или иллегально или полуполюгально. Когда государство не желает продолжения интенсивной иммиграции, оно создает довольно жесткие требования для приобретения гражданства и постоянного места жительства. Цель – если не прямо вытеснить иммигрантов, то сделать воз-

¹⁰² Klymicka W. Integratsiooni maastik – ükskõiksusest koosmeeleni: Eesti Integratsioonipoliitika võrdlevas perspektiivis. Tallinn, 2000 ([http // www. jii. ee / hr / integratsioon/klymicka_est.html](http://www.jii.ee/hr/integratsioon/klymicka_est.html))

возможность и привлекательность иммиграции как можно меньшей. Такая практика все больше применяется в Европейских странах с интенсивной иммиграцией (Германия, Дания).

(в) модель *этнической демократии* признает неизбежность иммиграции, но акцентирует ее в той мере, в какой иммиграция не начинает вызывать необходимость изменения правил игры, установленных коренной нацией. Этническая демократия считает национальные различия сферой частных проблем, исключая право коренной нации формировать общественные институты по своему усмотрению. При этом все основные права человека соблюдаются; гарантируются и все гражданские права по мере того, как человек способен конкурировать наравне с представителями коренной нации. Т.е. нет национальных ограничений, но индивид должен показать свою способность интегрироваться в общество и следовать установленным правилам игры и обычаям.

(с) модель *мультикультурной иммиграции* предполагает принятие иммигрантов естественным процессом и видит основанием их интеграции и лояльности развитие их национального идентитета, при условии что это не противоречит государственному идентитету. Имеются разные формы этой модели. Государство не только поддерживает или просто толерирует развитие национальных культур, но пытается адаптировать социально-политические структуры, исходя из национальных особенностей, чтобы лучше управлять мультикультурностью.

(д) *территориальная автономия* применяется в странах, где имеются большие и в культурном и историческом смысле различные национальные меньшинства, которые формируют целостные и компактные общины. Это в действительности более редкий сценарий, чем обычно полагается, потому что это чревато в условиях кризиса попытками отделения. Во избежание этого применяются формы федерации (Бельгия) или же более слабые формы автономии (Испания).

2.3. Политические выборы и факторы их обуславливающие.

2.3.1. Первый этап (1987—1990 гг.) политики межэтнических отношений можно назвать защитным со стороны эстонцев. Создают политические препятствия против продолжения иммиграции и защиты и восстановления роли эстонского языка. На этом этапе можно наблюдать признаки конфронтации, но она была чисто политическая и инсценировалась русскоязычной элитой, прежде всего директоров военных и союзных предприятий, которые опирались на поддержку противников перестройки. Это облегчало в какой-то мере и противостояние им, поскольку большинство населения Эстонии поддерживает демократиза-

цию. Что было интересно в Эстонии, это то, что военные командиры остались в условиях конфронтации нейтральными (также и во время путча в 1991 году), что уменьшало угрозу открытого конфликта. На этом этапе «справедливость» была на стороне эстонской нации и такую политику межнациональных отношений рассматривали со стороны как восстановление исторической справедливости.

2.3.2. На втором этапе начали реализовывать *политику реиммиграции*. Создались рычаги и стимулы, чтобы начался быстрый поток переселения русскоязычного населения обратно в Россию. Для этого создавались положительные (иммиграционный фонд) и отрицательные стимулы. Хотя официальная риторика этого широко не рекламировала. Здесь играли свою роль и боязнь, и рациональные расчеты. Открыты такие идеи выражали некоторые политики правого националистического крыла партийного спектра. Но видимо, большинство политиков той поры, которые могли и признать формулу приближения, не видели простого иного выхода для предотвращения большого конфликта и дезинтеграции общества. Стратегия была довольно однозначной если не простоватой: поставить русскоязычных иммигрантов перед выбором или принять Эстонское гражданство через сложную процедуру натурализации и подтвердить этим свою лояльность; или принять русское гражданство, после чего барьеры реиммиграции стали гораздо менее слабыми. Первая версия закона об иностранцах сделала третью альтернативу – вовсе гражданство не принять -- особенно трудным. При таком сценарии и при условии признания Тартуского мирного договора, по которому Россия обязывалась при требовании Эстонии отзываться своих граждан и их принимать, логично было предположить, что удастся завести механизм реиммиграции. Этот сценарий поддержали также некоторые объективные процессы, например то, что первыми потерпели экономический крах союзные и военные заводы и безработица была прежде всего по русскоязычному населению. Хотя спад в городах был большой, спад в деревне, где живут в основном эстонцы, был еще более жестоким. Таким образом, стало очевидным, что ясной экономической демаркации между национальными группами все-таки не возникает. Русские имеют по сей день несколько худшие позиции в конкурентной борьбе на рынке труда, но это обусловлено также другими причинами, чем отсутствие гражданства или незнание языка.

Рычагами этой политики была также политика гражданства, точнее политика, которая сделала довольно трудным для среднего русскоязычного человека его получить. Однако, не было никаких формально-юридических аргументов против такой политики гражданства *per se*, в ре-

зультате которой большинство русскоязычных людей не получили автоматически эстонского гражданства и должны были проходить процедуру натурализации. В международной практике Западные страны никогда не признавали Эстонию территорией СССР потому что считали, что СССР оккупировал Эстонию. Эстония исходила из *Ius sanguinis* принципа, согласно которому только дети граждан могут автоматически быть гражданами государства. Поэтому после разрушения Эстонского государства в 1940 году его жители и потомки остались гражданами Эстонии в формально-юридическом смысле. Поэтому все люди которые родились до 1940 года или их дети сохранили после восстановления государства в 1991 году эстонское гражданство, если только они от этого не отказались. (В число этих людей входит также люди русской национальности, например Патриарх Всея Руси Алексий Второй.) Все остальные люди должны были приобретать это по заявлению и по прохождению определенных процедур натурализации. Кроме того, колонисты и иммигранты не имеют по правилам международного права приобретать в период оккупации гражданство оккупированной страны. В принципе страна оккупированная может их выселять. (Эта практика была распространена после Второй Мировой войны довольно широко для граждан стран фашистской коалиции, не говоря уже о Чешской политике против немцев). С формально-юридической стороны закон об иностранцах и гражданстве не содержал (по сравнению с такими законами других государств) никаких особых положений. Проблема была в том, что эти правила стали применять к индивидам, которые уже жили долгое время на территории Эстонии.

Жесткие требования к экзаменам по гражданству (знание юрисдики конституции) были непосильны даже эстонцам. Государство не было сначала готово обеспечить быстрое обучение языку (отсутствие методики, преподавателей), хотя Департамент Языка был создан уже в 1990 году, т.е. в условиях СССР. Обучение языку было частным делом и многие просто не были в состоянии платить за курсы. Финансирование стало задачей прежде всего иностранных фондов. Даже в 1998 году, когда государственная политика по обучению языку стала намного эффективнее, роль государства была скромная. Для мер, способствующих интеграции, правительство выделяло всего 6 миллионов крон (400 тыс. ЕВРО), тогда как только две зарубежные программы финансировали интеграцию за 1,35 млн. долларов (2,5 годовая программа) и 1,4 млн. ЕВРО (2,5 млн. ЕВРО), т.е. около 1 млн. ЕВРО в год.

Немаловажно подчеркнуть, что закон об иностранцах был принят уже в 1993 году и имел целью регулировать статус тех, кто еще не ре-

шил в пользу какого-то гражданства. В тот момент в Эстонии проживало 321.000 людей без гражданства, которые составили 22% населения. В первой своей версии этот закон был явно направлен на максимальное вынуждение иммигрантов такой выбор сделать. Президент Эстонии отправил этот закон на экспертизу в ОБСЕ, который опротестовал восемь положений этого закона. После этого президент этот закон не подписал и парламент принял закон с изменениями, но не все замечания Ван дер Стула были учтены. Закон о Гражданстве был принят только в 1995 году. До этого действовал закон 1938 года в который внесли некоторые изменения, в том числе ограничивающие. Например, старый закон позволял дать гражданство без знания языка, если человек жил в Эстонии более 10 лет. Закон 1995 года этого не предусматривал.

К механизмам характеризующим эту парадигму политики нужно отнести также решение прекратить финансирование из государственного бюджета иноязычного школьного образования после прохождения основной школы (9 классов) в 2000 году,

Эту политику нужно интерпретировать также в контексте ожидания большой волны реиммиграции в связи с выводом русских войск. Но и этого не произошло, несмотря на то, что Запад предоставил России обширную программу жилья для выезжающих из прибалтийских стран. Эти войска (авиация, ПВО, подлодки и т.п.) были в основном кадровые войска и значительная часть старших офицеров уже была в отставке и имели свой бизнес в Эстонии.

В национальной политике данного периода имеется несомненно также и политический аспект. Прежде всего хотели с помощью различных мер в области государственного языка, государственной службы, гражданства и т.д. исключить возможность влияния иммигрантов на институциональные выборы, сделанные при восстановлении Эстонской республики, вплоть до возможности блокировать отделение от СССР или инициировать расчленение государства. Была и т.н. скрытая agenda. Политики правого крыла, которые находились у власти в период формирования основных законов, регулирующие национальные отношения, имели в виду и возможность ограничить возникновение сильной политики левого крыла, которая могла бы препятствовать их победе на выборах.

Т.е. такая политика не имела определенных положительных результатов с точки зрения интеграции. Но справедливости ради нужно сказать что такая программа была нереальной и нереализуемой с самого начала также и с точки зрения ре-миграции. Поэтому ее можно с опре-

деленной точки рассматривать как риторику в условиях, когда реальные решения проблемы были неизвестны.

Данная политика терпела неудачу также и потому, что социально-экономическое положение Эстонии было куда лучше, чем в приграничной России. Уже удачное введение стабильной кроны летом 1992 г. создало новый идентитет русскоязычного населения по сравнению с их собратьями в России, которые пользовались все инфлирующим рублем. Т.е. введение кроны и отмена визового режима для граждан Эстонии в страны Европы могло способствовать в первую половину '90-х годов изменению идентитета русскоязычного населения в гораздо большей степени чем овладение эстонским языком.

2.3.3. Рубежом постепенного отказа от политики ре-миграции можно считать отказ Эстонского правительства в 1994-95 годах от проекта договора о границе, от упоминания Тартуского мира и от претензий на территории довоенной Эстонии, которые находились в Российской Федерации¹⁰³. Национальная политика принимала **ассимиляционную стратегию**. Т.е. признали неизбежность осуществления двух национальных групп при условии, что русскоязычная группа принимает правила игры, установленные коренным народом. Это не сопровождалось существенными изменениями в нормативном базисе, сколько в изменении акцента в интерпретации и применении этих законов. В некоторых моментах законы стали даже жестче, например, требование знания языка для некоторых профессий. Но общее движение было все-таки в ином направлении.

Прежде всего, принятие Эстонского гражданства стали трактовать как нормальный, если не желанный результат. Эстонская элита стала понимать, что с такой политикой как прежде можно строить Российское государство внутри Эстонии. Активизировалась также Россия, которая стала связывать развитие отношений с вопросом условий получения гражданства. (Т.н. нулевой вариант гражданства выдвигался редко.) Через ее давление на ОБСЕ стали расслабляться некоторые положения законов. Примечательно также, что эффективным *watchdog* являлся президент Эстонии, который опротестовал самые радикальные решения с помощью юридических аргументов. Президент создал уже в 1993 году круглый стол национальных меньшинств, который работает и по сей день. Изменили закон о местных выборах. Когда неграждане не смогли

¹⁰³ Данный договор до сих пор не подписан из-за нежелания Русской стороны это сделать. В таких условиях еще нельзя заключить – как это написано в Тартуском мире – что Россия окончательно и навечно признала независимую Эстонию.

голосовать на местных выборах 1993 года, то в 1996 году право участвовать на выборах приобрели все постоянные жители муниципалитетов. Хотя право быть избранным распространяется только на граждан Республики Эстонии. Но пока эти были позиционные маневры.

В центре политики стало обучение эстонскому языку¹⁰⁴. Государство стало целенаправленно разрабатывать стратегию культурно-языковой интеграции и организовывать ее реализацию. Например, существенно расширялась подготовка и переподготовка преподавателей государственного языка. В этом стали участвовать также разные неправительственные организации. Эти преподаватели, также как поселенцы в Северо-Восточную Эстонию, получили разные преимущества. Исследование проблем интеграции стало очень модным. Кажется, общее настроение конфронтации стало уступать дорогу настроению соучастия, особенно среди молодежи. Если в начале '90-х годов обучение русскому языку стало сильно сокращаться и доминировало негативное отношение к этому обучению, то во вторую половину '90-х годов стало появляться желание обучиться русскому языку. Постепенно стало также появляться русскоязычное обучение в университетах на первых курсах с перспективой включиться на старших курсах в эстонские группы. В 1999 г. правительство принимает решение, что выпускники русских школ могут учиться за счет государства один дополнительный год эстонскому языку и культуре.

Однако, в целом коренного поворота в реальной интеграции не произошло, потому что эта стратегия также была слишком односторонней. Знание эстонского языка смогло бы быть предпосылкой решения проблем интеграции, но не его механизмом. Эта модель можно оценивать как этническую демократию, где русскоязычные люди сами не могли влиять на процессы, которые формировали их судьбу.

В 1997 году провели обширное исследование об интеграции, выявили восемь препятствий интеграции, которую ученые считали в результате исследования поверхностной. Главными препятствиями являлись: отсутствие четкого статуса у многих бывших иммигрантов; неуверенность, что детям русскоязычных родителей Эстонское государство создаст безопасную жизнь; (Этот фактор ослаблялся после определенных изменений в законе о гражданстве, но что более важно, перспективной вступления Эстонии в ЕС); региональная обособленность; незнание языка; отчуждение органов власти, мнение, которое среди эс-

¹⁰⁴ Об этом: Krimpe J. Rahvusvahemuste Hariduskorralduse mudelid ja nende rakendamise mitmekultuurilises Eestis. - Tallinn, TPU 2000 (BA. Thesis)

тонцев также очень часто; изолированность общин; неспособность влиять на развитие Эстонии и недоверие эстонцев к русским.

2.3.4. Тем не менее, в конце '90-х годов постепенно начинается осознание и переход к модели мультикультурности. Прежде всего возникло понимание того, что просто знание эстонского языка не решает проблем интеграции, потому что русские, украинцы и другие национальные группы имеют свою культурную специфику и эту специфику надо учитывать, если стремиться к настоящей интеграции общества. Доминирующей, лучше сказать официальной в Эстонии моделью мультикультурности является модель дуального или двойного идентитета, хотя многие знаки свидетельствуют, что интеграция опирается также на внутреннюю интеграцию национальных общин.

Закон культурной автономии был принят уже в 1993 г., но имел целью прежде всего противостоять идеям территориальной автономии, которую развивали на Северо-Востоке во время летнего кризиса 1993 года, возникшего из-за принятия закона об иностранцах. В течение 1990-х годов культурные автономии многих национальных групп значительно активизировались.

Для русских развитие идентитета и внутренней интеграции происходит удачно также другими средствами, в том числе социальными институтами как школа, театр, церковь и т.п. Модель интеграции русскоязычного населения через институты национальной общины не состоялась прежде всего потому, что ее предлагали в неправильное время, тогда, когда доминировали настроения конфронтации и ре-иммиграции и территориальной автономии. Автором этой концепции в Эстонии являлся Д. Михайлов.¹⁰⁵ Я не могу авторитетно обсуждать тему сильных и слабых сторон этих моделей. Мы видим, что реализуются частично обе модели. Например, в политике значительная часть русскоязычных голосует не за русские, но за ненациональные партии. Многие родители предпочитают модель ассимиляции и отдают своих детей в эстонские детсады.

Непосредственным событием, свидетельствующим о движении к этой модели было создание в 1997 г. комиссии, которая подготовила основы интеграционной политики Эстонского правительства. (До того мы видим комиссии на уровне министерства образования, которые занимались прежде всего культурно-языковыми проблемами.) В начале 1998 г. правительство этот документ принимает и он приобретает статус закона

¹⁰⁵ Mihhailov D. Eestivenelaste subkultuurist. Kas mülit või utopia? / Rahvusvähemused Eestis. - Mustvee, 1995

после принятия его в парламенте. В 1999 году правительство принимает план действий, который предусматривал уже разработку государственной комплексной программы. Костяк этой концепции был отказ от идей односторонней интеграции или ассимиляции и утверждение принципа взаимной интеграции на основе укрепления культурного идентитета национальных групп. Программа «Интеграция в Эстонском обществе в 2000-2007 годы» была принята правительством 14-го марта 2000 года. (Обратите внимание на формулировку.) В программе определяют: «Для эстонцев как целевой группы программы интеграция означает преодоление установок отторжения (непринятия) по отношению к национальным меньшинствам и признание мультикультурной модели общества, а также выражается в снижении чувства опасности перед исчезновением национального идентитета и эстонского культурного пространства»¹⁰⁶. Да и сама идея культурной ассимиляции полумиллионной группы одно-миллионной группой кажется сейчас просто сумасшедшей идеей и величайшей опасностью для хребта эстонской культуры.

Другим существенным изменением политики было изменение принципов получения гражданства и либерализация других законов (воссоединение семей, право на русскоязычное внутреннее делопроизводство, отмена требований знания языка для депутатов всех уровней и т.д.). Главное изменение было сделано в конце 1998 г., согласно которому люди, родившиеся в Эстонии после 26 февраля 1992 г., получают гражданство по существу по принципу *Ius Sanguinis* по заявлению родителей¹⁰⁷. Официальная риторика этих и других изменений оправдывала эти изменения тем, что это они мол препятствуют вступлению в Европейский союз или тем, что это является условием закрытия миссии ОБСЕ. На самом деле это могло и быть. Но главной причиной этой риторики было боязнь политиков казаться людьми, которые «едят свои слова», поскольку при установлении этих ограничений они говорили прямо обратное.

А все-таки за этим была совершенно другая парадигма интеграционной политики. Правительство фокусировало свои усилия на интеграционные процессы молодых людей через школу и другие образовательные учреждения¹⁰⁸. Например, теперь государственные экзамены в рус-

¹⁰⁶ Riiklik Programm "Integratsioon Eesti Üksikonnas 2000-2007" (<http://www.riik.ee/saks/ikomisjon/programm.htm>)

¹⁰⁷ См.: Ignatov G. Eesti rahvuspolitiika 1990- aastatel. - Tallinn, 2001 (BA thesis)

¹⁰⁸ Эту идею предлагали - в том числе и автор данной статьи - уже в начале 1990-х, но доминирующая парадигма национальной политики не позволяла даже начать дискуссии об этом варианте стратегии.

скоязычных школах приравняются к экзамену гражданства. Имеет смысл также отметить, что именно русскоязычное население может быть спасательным кругом для политической элиты при голосовании по вступлению в Европейский Союз, тогда как значительная часть эстонцев голосуют против.

Постепенное развитие национальной политики от стадий конфронтации (вытеснения) а реальной интеграции в обществе стало отражаться также в структуре статуса русскоязычного населения в Эстонии. Она стала пропорциональной и оставляла простор для выбора окончательного статуса.

Таблица 1. Статус русскоязычного населения к концу 1990-х¹⁰⁹

статус	число людей	% из русскоязычных	% из населения Эстонии
Гражданин Эстонии	149.000	30	10
Иностранцы без гражданства	191.000	38	13
Граждане других государств (т.е. России)	130.000	26	9
Иллегально проживающие	28.000	6	2
Итого	498.000	100	34

3. Аспекты интеграции в современной Эстонской национальной политике (Программа «Интеграция в Эстонском обществе 2000-2007»)

3.1. Культурно-коммуникативный аспект. В этом измерении ставится целью создание единого информационного поля и воспроизводство эстоноязычной среды в условиях мультикультурности и взаимной толерантности. В области образования стремятся к созданию новой современной учебной методики¹¹⁰, которая учитывала бы национальные особенности, но в то же время позволяла бы одинаковым образом для всех групп продолжать учебу. В то же время государство поддерживает подготовку специалистов для школ, где преподавание происходит в национальных языках. В области языка утверждается эстонский язык как

¹⁰⁹ Таблица, составленная Г.Игнатовым на основании данных Департамента Статистики и Департамента Гражданства и иммиграции. См: Ignatov G. Eesti rahvuspoliitika 1990-aastatel. – Tallinn, 2001, s.47

¹¹⁰ Несмотря на интензивную логику интеграционной политики, еще в конце 1990-х в некоторых школах использовали старые учебники советского времени, в том числе и на уроках истории!

язык межнационального общения. Стратегия стремится к формированию взглядов, согласно которым не-эстонцы являются существенным фактором укрепления и развития эстонского общества.

3.2. Политико-правовой целью стратегии является увеличение граждан Эстонии и усиление государственного идентитета незстонцев. С этой целью повышают эффективность процесса натурализации через увеличение способностей незстонцев эти требования выполнить. Стратегия стремится к развитию схожей политической культуры и политического представительства интересов. Лояльность к государству укрепляется по мере того, как незстонцы чувствуют себя более полноценными членами общества.

3.3. Социально-экономическими целями стратегии является положение, когда национальная принадлежность не является главным фактором конкурентоспособности на рынке труда и карьеры. Стратегия предусматривает специфическую региональную политику и усиление мобильности людей внутри государства.

Заключение

Итак, мы свидетельствуем довольно динамичное развитие политики по национальному вопросу в Эстонии. Мы видели, что это развитие было обусловлено как внутренними факторами, так и внешними. Притом риторика со стороны России мало влияла на этот процесс. Скорее углубилось убеждение, что Российскойскую политику не интересует вовсе судьба русскоязычного населения, поскольку многие ограничения, например двойной таможенный налог бьет прежде всего по русскому бизнесу в этих государствах. И что информационный вакуум между государствами был угoden прежде всего организаторам иллегального транзита и отмыванию денег в этих странах.

Эта риторика, скорее является удобной дубиной, чтобы помешать этим странам интегрироваться в Европу и вместе с тем и России. В свете этого политика Путина кажется куда разумнее (или результативнее в море т.н. патриотов разного масштаба), чем его предшественников.

Очень хорошо видна динамика этих факторов. В начале существовавший экзистенциальный страх и чувство обиды за судьбу коренного народа развивался в сторону конфронтации, которая больше всего проявлялась на уровне официальной политики, нежели на уровне гражданского общества. Но этой стратегией были более веские основания, чем просто возмездие. В первых период 1990-х была реальная бозьня просоветской / прорусской альтернативы развития, которая существенно ослабла после вывода Русских войск с территории Эстонии по согла-

шению достигнутому в 1994 г. в Москве. (Это было также обусловлено давлением со стороны США.). Но правдой было также и то, что это было политика выживания левого крыла партийного спектра. Во второй половине произошли большие изменения внутри общества (усиление толерантности), а также усилилось влияние внешних факторов, прежде всего Европейского Союза. *Страх перед* Россией заменялся *перспективой* включения в Европейское сообщество как главный внешний фактор формирования политики интеграции.

Надо понимать, что представленные формы интеграции и модели национальной политики не противостоят друг другу, но наоборот, формируют логическую цепь развития национальных отношений в период transition. При оценке разных траекторий развития в других странах нужно это обязательно учитывать. Иначе не избежать сохранения конфронтационной установки и воспроизводства новых обид и врагов.

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА.

Анатолий ЦАРАНУ
Республика Молдова, Кишинэу
Университет гуманитарных знаний
Центр политологии и политической истории
доктор, директор

Приднестровский конфликт возник как результат одного из самых драматических событий прошлого века – развала СССР. Первым серьезным проявлением конфликта стали “лингвистические забастовки” в Молдове в 1989 году. Однако развернувшееся в Молдове в конце 80-х годов яростное противостояние в обществе лишь на поверхности носило характер “лингвистической войны”. В действительности речь шла о двух тенденциях развития процесса демократизации в республике. С одной стороны, политика горбачевской перестройки стремительно перерастала из фазы консервативной реформы, которая имела цель вдохнуть новую жизнь в увядшую советскую социалистическую систему, в фазу демократической революции, направленной на слом потерявшего историческую перспективу социалистического общественного строя. С другой стороны, одновременно с нарастанием демократической революции, на ее течение накладывались события связанные со скачкооб-

разным ростом национально-освободительного движения в Молдове, которое очень быстро превратилось в национально-освободительную революцию, дополнившую задачу смены общественного строя задачей слома советской модели межнациональных отношений. В сущности, речь шла об эффекте сдвоенной революции, разветвление компонентов которой не было синхронизировано ни по времени, ни по интенсивности проявления, ни по составу участников. Это последнее обстоятельство резко осложнило восприятие различными социальными и этническими компонентами молдавского общества задач и целей революции, служили основанием для столкновения их противоречивых интересов.

В конце 80-х годов в Молдове национально-освободительному движению, все более сознательно стремившемуся к политической независимости республики, противостояло просоветски настроенная часть общества, выступавшая за сохранение республики в составе СССР. И это противостояние с самого начала облачилась в национальные одежды. Если в России основная борьба за демократизацию проходила между демократами и ретроgrадами, то в советских национальных республиках к этому добавилось и деление общества по этническому принципу. Последующие события показали, что главное противоречие СССР, которое взорвало изнутри империю, крылось в зоне межнациональных отношений. Держать в узде единого государства более сотни различных по своей истории и этнокультурным особенностям народов и народностей было в состоянии лишь тоталитарное государство с гигантским репрессивным аппаратом. Стоило этому репрессивному аппарату ослабнуть, как СССР развалился подобно раскохшейся бочке, в которую неожиданно налили воду.

Сложность процесса демократизации в национальных советских республиках состояла в том, что интересы проживавших в них большинства этнических русских, как, собственно, и обрусевших “националов”, заключались в сохранении СССР, в рамках которого они представляли главную, а значит привилегированную нацию. Поэтому в массе своей этнические русские в национальных республиках оказались в оппозиции к радикальной тенденции процесса демократизации, которая объективно локализовалась в русле национально-освободительной революции. Дезинтеграция Советского Союза повлекло за собой многочисленные потрясения политического и социально-экономического характера, среди которых отдельное место занимают региональные конфликты, сопровождавшие процесс образования новых независимых государств в постсоциалистическом пространстве. При этом следует вы-

делить одну важную особенность этого процесса. Смена общественного строя в многонациональных государствах бывшего социалистического лагеря, как правило, сопровождалась их распадом и образованием на их обломках новых независимых чаще всего национальных государств. Не вдаваясь здесь в подробный анализ этого явления, отметим лишь то обстоятельство, что в наиболее цивилизованной форме "развод" народов произошел в Чехословакии. В Югославию он приобрел форму кровавой гражданской войны. Случай Советского Союза стал как бы "срединным" вариантом, вобравшим в себя черты обоих противоположных сценариев распада многонациональных государств. В связи с этим следует подчеркнуть, что по оценкам экспертов распад советского государства генерировал появление на всей его территории около 170 конфликтогенных зон, из которых в 30 случаях конфликты протекали в активной форме, а в 10 – дело дошло до вооруженных столкновений¹¹¹.

Конфликт в восточных районах Республики Молдова, чаще всего именуемый приднестровским конфликтом, типологически относится к категории тех, которые в своем развитии прошли через фазу вооруженного противостояния. Основные события вооруженного столкновения сторон в Приднестровском конфликте относятся к первой половине 1992 года. Этот период обычно занимает особое место в публикациях по теме Приднестровского конфликта. При этом оценка произошедшего, в зависимости от места появления публикации, разнится как диаметрально противоположные. Тираспольские авторы, стоящие на позициях сепаратистского режима, как правило, характеризуют события 1992 года, как агрессию Республики Молдова против ПМР¹¹². Эти выводы опровергаются многочисленными свидетельствами авторов, которые оценивают события 1992 года в Молдове как войну за сохранение геополитических позиций России в этой зоне Европы¹¹³.

¹¹¹ Лысенко В.Н. Региональные конфликты в странах СНГ: опыт урегулирования. // Полис, 1996, № 2, с. 147

¹¹² например: Бабилунга Н.В., Боменко Б.Г. Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты. / РИО ПГУ. - Тирасполь, 1998; Феномен Приднестровья. / РИО ПГУ. - Тирасполь, 2000.

¹¹³ Budeanu G. Transnistria în flăcări (Reportajele unui corpondent de război). / Universitas. - Chişinău, 1993; Bărsan V. Masacrul inocenţilor. Războiul din Moldova 1 martie – 29 iulie 1992. / Editura Fundaţiei culturale române. - Bucureşti, 1993; Gribincea M. Trupele ruse în Republica Moldova. Factor stabilizator sau sursă de pericol? / Civitas. - Chişinău, 1998; Tot et. Politică rusă a bazelor militare. Moldova şi Georgia. / Civitas. - Chişinău, 1999; Cojocaru G. Separatismul în slujba Imperiului. / Civitas. - Chişinău, 2000.

В настоящей статье на основе синтеза имеющихся публикаций а также за счет анализа новых документальных свидетельств будет предпринята попытка выявить причины возникновения вооруженного противостояния на Днестре в начале 90-х годов. Также будет предпринята попытка обосновать роль и место этнополитического фактора в переработке конфликта в вооруженную фазу.

Приднестровский конфликт открыто проявил себя во время бурных событий лета 1989 года, когда в Молдове, тогда еще советской республике, вспыхнуло политическое противостояние в связи с приданием молдавскому (румынскому) языку статуса государственного и его перевода на латинскую графику. В сущности, речь шла о столкновении двух тенденций развития политики перестройки в республике – радикальной и консервативной. Радикальная тенденция была представлена мощным народным течением, организованным в Демократическое движение в поддержку Перестройки и Клуб им. А.Матеевича – неформальные общественные организации, возникшие весной и в начале лета 1988 года. Эта часть молдавского общества быстро радикализировалась и выступала за глубокую демократизацию всех сторон жизни республики, полный демонтаж советской тоталитарной политической системы, стремительно приобретая при этом черты национально-освободительного движения. В основном эта тенденция опиралась на представителей молдаван, которые подверглись в годы советского режима процессу глубокой денационализации посредством насильственной русификации.

По мере усиления акторов национально-освободительной борьбы от радикального крыла перестроечного процесса в Молдове начала отходить немолдавская часть общества, которая не находила в требованиях национальной эмансипации молдаван своих предметных интересов. Это приводило к усилению консервативной тенденции в политике перестройки в Молдове, которая в основном была представлена частью немолдавского населения и с самого начала ориентировалась на национальные меньшинства в республике. Она имела в качестве выразителей своих политических интересов Интердвижение Молдовы «Унитате – Единство», возникшее в январе 1989 года (с декабря 1991 г. – Движение за равноправие «Унитате – Единство»). Интердвижение Молдовы выступало за сохранение в основных своих параметрах советской модели межнациональных отношений, в рамках которого по большей части игнорировались этнокультурные особенности титульных наций в республиках, а в духовно-культурной жизни преобладали русский язык, история российского государства и т.д. Сохранение этой модели межнациональных отношений было возможно лишь при сохранении советс-

кого союзного государства и поэтому Интердвижение выступало за безусловное вхождение Молдовы в состав Советского Союза. Главная политическая база Интердвижения Молдовы находилась в Приднестровье, а среди ее руководителей основное место занимали представители директорского корпуса приднестровских промышленных предприятий союзного подчинения. Так, среди шести сопредседателей Интердвижения трое были директорами заводов из Приднестровья – А.И.Большаков, А.К.Белитченко, Г.Ф.Пологов¹¹⁴.

Первым серьезным столкновением радикальной и консервативной тенденций в политике перестройки в Молдове стали так называемые лингвистические забастовки 1989 года. Прелюдией к этим забастовкам стала телепрограмма ЦК КПСС, направленная 6 августа 1989 года в адрес ЦК КП Молдавии, в которой в частности говорилось: "Нельзя оставлять безнаказанными действия экстремистов, зачинщиков конфликтов на межнациональной почве... В каждой республике есть обеспокоенные люди. Надо опираться на них, делать активными помощниками партийных комитетов"¹¹⁵. Если партийные чиновники из ЦК КПСС использовали эзоповский язык в своих рекомендациях, то ветераны-коммунисты из Кишинева очень конкретно идентифицировали так называемых "обеспокоенных" людей. В своем обращении к членам Бюро ЦК КПМ члены одной из кишиневских территориальных партийных организации недвусмысленно писали: "...позиция Интердвижения абсолютно идентична основным целям и принципам Устава и программы Компартии"¹¹⁶.

Реакция "обеспокоенных" людей не заставила себя долго ждать. Уже 14 августа XI сессия Тираспольского горсовета принимает решение потребовать отмены сессии Верховного Совета Молдавской ССР, намеченной на 29 августа 1989 года, в рамках которой предстояло рассмотреть и утвердить законопроекты «О статусе государственного языка на территории МССР» и «О функционировании языков на территории МССР»¹¹⁷. Этому решению предшествовало создание в Тирасполе 11 августа того же года Объединенного Совета трудовых коллективов (ОСТК). Последнему предстояло стать мобилизующим оружием в руках "красных директоров", почувствовавших в ширившемся национально-освободительном движении в Молдове угрозу своему привилегированному положению. По призыву ОСТК 16 августа была проведена

¹¹⁴ *Феномен Приднестровья*, с.192.

¹¹⁵ АСПОРМ, ф.51, оп.74, д.79, л.155.

¹¹⁶ *Ibidem*, д.110, л.17.

¹¹⁷ *Ibidem*, д.79, л.219.

предупредительная двухчасовая забастовка с требованием отложить сессию ВС МССР. А 21 августа началась серия забастовок, спровоцированные тираспольскими директорами. Примечательно, что первым забастовал тираспольский завод "Точлитмаш", руководимый одним из лидеров Интердвижения А.И.Большаковым¹¹⁸.

Попытки Интердвижения свести политику перестройки в Молдове к косметическим изменениям политического режима и существовавшего положения в межнациональных отношениях столкнулась с массовым сопротивлением большинства населения республики. Ответом на начавшиеся забастовки, направленные против национальной экспансии молдаван стал невиданный по своим масштабам митинг названный Великим национальным собранием, который прошел в Кишиневе 27 августа 1989 года. Никогда город Кишинев в своей многовековой истории не знал событий такого масштаба. Примерно 300 тысяч человек со всех концов республики собрались на главной площади столицы Молдовы, чтобы выразить свою решительную поддержку политике широкой демократизации общества, целям национального возрождения, поддержать проекты законов о придании молдавскому (румынскому) языку государственного статуса и его перевода на латинскую графику.

На фоне этого массового волеизъявления народа, инспирированные лидерами Интердвижения забастовки, теряли из своего значения. При этом в действиях Интердвижения в Молдове в сравнении со многими другими республиками СССР ничего оригинального не было. Немецкая газета "Frankfurter Allgemeine Zeitung" писала о событиях тех дней в Молдове: "В Молдавии сложилась ситуация, аналогичная эстонской. На более 100 предприятиях бастуют преимущественно русские, протестующие против представленного в Верховный Совет республики законопроекта, который предусматривает возведение молдавского языка, являющегося вариантом румынского, в ранг государственного. Русские объединились в союз "Интердвижение", идентичный с теми "интерфронтами", которые действуют главным образом в Прибалтике, равно как и в других советских республиках, где проживают национальные меньшинства..."¹¹⁹.

Это замечание иностранного наблюдателя, который не был непосредственно вовлечен во внутривнутриполитическую борьбу в республике, разоблачает надуманные утверждения апологетов приднестровского сепаратизма об уникальности так называемого "приднестровского фено-

¹¹⁸ *Феномен Приднестровья*, с.193.

¹¹⁹ *Республика Молдова в 1989-1991 годах: взгляд со стороны (Дайджест зарубежной печати)*. / Штинци. - Кишинев, 1992, с.32-33.

мена»¹²⁰. Вместе с этим в Молдове консервативное крыло перестроечного движения, как и во многих других советских республиках, не поддерживала конкуренции с радикальной тенденцией. Верховный Совет Молдавской ССР вынужденный считаться с мнением большинства народа проголосовал законы о придании молдавскому (румынскому) языку статуса государственного и о возвращении ему латинской графики.

Одновременно, отвечая требованиям русскоязычного населения республики, Верховный Совет республики предоставил русскому языку статус языка межнационального общения. Однако лидеры Интердвижения, инициировавшие «лингвистические» забастовки, не довольствовались этим резонным компромиссом и настаивали на продолжении забастовок. Этим своим шагом они еще раз подтвердили, что истинной целью забастовок была не защита интересов широких масс русскоязычных в республике, которые получили посредством предоставления русскому языку статуса средства межнационального общения, необходимые гарантии своих прав. В реальности забастовки были направлены на сохранение привилегированного положения «белых воротничков», которые не желали обременять себя изучением хотя бы на элементарном уровне государственного языка.

Ситуация усугублялась особой психологией массы русских в национальных республиках, большинство из которых переехали в эти места сравнительно недавно и благодаря советской национальной политике никогда не испытывали необходимости интегрироваться в местную языковую и культурную среду. «От работников российской национальности, выезжающих на постоянную работу в Союзные республики и регионы, - признает в своих воспоминаниях бывший коммунистический лидер Молдовы И.И.Бодюл, - не требовалось знание местного языка, культуры, истории данного края. Местные жители вынуждены были приспосабливаться к русским кадрам... Этому содействовало и официальная политика по национальному вопросу, которая была направлена на формирование единой общности народов СССР. Вольно или невольно происходила деградация наций»¹²¹.

Советская национальная политика воспитала особую категорию этнических русских, проживавших за пределами собственно России, которые с пренебрежением относились к коренному населению национальных республик, третировали их с позиций главной имперской нации. Это выражалось, в первую очередь, в почти повальном незнании

русским языка титульной нации в республиках, что в свою очередь приводило к резкому сужению сферы его применения и последующей его деградации. В Молдове ситуация усугублялась насаждением как на официальном так и на бытовом уровне алогичной по своему содержанию теории двух разных языков - молдавского и румынского. При этом очень часто по проблеме соотношения молдавского и румынского языка, особенно на первоначальном этапе политики перестройки в Молдове, высказывались этнические русские, которые за десятилетия проживания в республике так и не удосужились выучить язык молдаван хотя бы на элементарном уровне. Последнее обстоятельство особенно раздражало национальную интеллигенцию, которая не желала мириться с засильем русского языка, вытеснявшего румынский язык из основных сфер общения. На эту характерную особенность поведения этнических русских в национальных республиках обращал внимание непредвзятый наблюдатель из цитировавшейся уже нами немецкой газеты. «Если бы существовал простор для широкого употребления разных языков, все равно было бы отдано предпочтение русскому языку... Причина кроется не в московском киче русским языком, а во врожденном языковом шовинизме русских. Преимущество своего языка для них является само собой разумеющимся»¹²².

Конечно, речь не идет о генетической предрасположенности русских к шовинизму вообще, и к языковому шовинизму в частности. Языковой шовинизм части русских, в особенности той их части, которая в силу особенностей советской национальной политики оказалась за пределами собственно России, в национальных союзных республиках, является категорией исторической и, несомненно, возникло как результат имперской политики государства. Как и во всех империях, в которых господствует один язык, в Российской империи русскому языку отводилась роль коагулянта внутреннего единства государства, составленного из более сотни национальностей. На этом принципе зиждился и тоталитарное государство созданное по имперскому образцу Сталиным - СССР. Любая же империя является по определению унитарным государством: достаточно вспомнить в этой связи знаменитый принцип немецких национал-социалистов: ein Reich, ein Volk, eine Sprache, ein Fuhrer (одна империя, один народ, один язык, один вождь). Как отмечает известный русский лингвист из Петербурга, профессор Р.Пиотровский: «Тоталитарное государство не нуждается в культурном, национальном и лингвистическом разнообразии. Оно нуждается в единой культуре и

¹²⁰ Бабилунга Н.Б., Бомешко Б.Г. Приднестровский конфликт., с.25.

¹²¹ Бодюл И.И. Воспоминания. Книга первая. / Типар. - Тирасполь, 1999, с.400.

¹²² Бабилунга Н.Б., Бомешко Б.Г. Приднестровский конфликт., с.49-50.

одновременно в базовой нации с одним языком... Роль базового народа в сталинской империи была отведена русским. Повезло и русскому языку, который стал официальным языком в этом тоталитарном государстве. В том, что касается других народов с собственной культурой и языком, они потеряли для Сталина и его последователей любой имперский интерес"¹²³.

Развернувшееся в Молдове в конце 80-х годов яростное противостояние в обществе лишь на поверхности носило характер "лингвистической войны". В действительности речь шла о двух путях развития процесса демократизации в республике. Национально-освободительному движению Молдовы все более сознательно стремившемуся к полному демонтажу тоталитарной советской политической системы и, как логическое следствие - политической независимости республики, противостояло просоветски настроенная часть общества, выступавшая за умеренную политическую реформу и сохранение Молдовы в составе СССР. А, учитывая, что большинство русских в национальных республиках, в силу сформировавшейся за десятилетия имперской политики особой психологии, которая стимулировала их самоидентификацию как главной, а значит привилегированной нации в СССР, привела к тому, что в массе своей русские в национальных республиках оказались в оппозиции к радикальной тенденции процесса демократизации.

На протяжении десятилетий советская национальная политика в Молдове, продолжая традиции царской имперской политики, строилась на противопоставлении молдаван румынам. Вполне естественно, что политика молдовенизма в ее наиболее примитивной форме, стала идеологическим прикрытием сторонников сохранения Молдовы в составе СССР. "Ориентация на СССР оставалась составной частью идеологии молдовенизма и в период кризиса Союза", - открыто признают авторы новонеспеченной тираспольской историографии в книге под претенциозным названием "Феномен Приднестровья"¹²⁴. Однако, идеология молдовенизма не имеет самостоятельного значения для вдохновителей приднестровского сепаратизма и является не более чем ширмой, за которой скрывается истинное содержание их взглядов, состоящее в панславянском национализме. Об этом с циничной откровенностью пишут авторы

¹²³ Piotrovscii R. *Moldova în perioada postbelică. Probleme lingvistice. // Conflictul din Transnistria: adevărul așa cum a fost el. Materialele Conferinței științifico-practice "Interesele de stat și rolul organelor de interne în asigurarea ordinii constituționale, drepturilor și libertăților omului în raioanele de est ale Republicii Moldova". / Logos. - Chișinău, 1993. p.114.*

¹²⁴ *Феномен Приднестровья, с.198.*

вышеозначенного труда: "В начале последнего десятилетия XX в. в Приднестровье, исторически немолдавской территории (выделено авт.), вновь создается республика, в название которой вновь входит слово "Молдавская". И буквально через несколько предложений следует вывод: "Сегодня Приднестровская Молдавская Республика ставит новые цели: быть политическим гарантом сохранения "молдавской идентичности" (выделено авт.), выражать и сохранять традиционный тип Приднестровья "восточный", славянско-руссийский вектор в условиях его ослабления и даже утраты на правом берегу Днестра"¹²⁵.

Таким образом, молдавскую идентичность тираспольские идеологи предпологают сохранять на территории исторически молдаванам якобы не принадлежащей. Подобный нонсенс не более чем неуклюжая попытка хоть как-то завуалировать панславянский экспансионизм приднестровских сепаратистов. При этом они даже не замечают, что проповедуют расистскую модель своеобразной резервации для молдаван в Приднестровье, смысл которой состоит в обосновании лживого тезиса тираспольской пропаганды о возникновении сепаратизма в Приднестровье как необходимой защиты молдовенизма. В реальности в приднестровском конфликте столкнулись национально-освободительное движение Молдовы, стремящееся к политической независимости страны, с панславянским национализмом, имевший целью первоначально сохранить распадавшийся СССР, а впоследствии сохранить Молдову в зоне восточного геополитического влияния.

Протекавший в СССР с середины 80-х годов процесс демократизации объективно вел (независимо от субъективных пожеланий инициаторов политики перестройки) к распаду тоталитарного государства. Поэтому сохранение СССР было возможно лишь посредством отказа от политики перестройки с ее демократизацией и гласностью. В сущности, реформирование тоталитарного государства на принципах "обновленного Союза" было утопией, которое грозило похоронить политические карьеры адептов этого варианта развития политики перестройки. Последующие события показали всю реалистичность этого прогноза. Однако под покровом борьбы за обновленный Союз произошло быстрое и окончательное размежевание сил радикальной и консервативной тенденций в развитии процесса демократизации в еще советском обществе. Радикальная тенденция перестройки в национальных республиках переросла в национально-освободительную революцию, в то время как консервативная тенденция переродилась в политический полнос контр-

¹²⁵ *Ibidem*

революции. Лобовое столкновение между этими двумя тенденциями общественного развития становилась неминуемой.

“Лингвистические” забастовки в Молдове продолжались до второй половины сентября 1989 г., когда стало ясно, что они не смогут достичь своих целей. Консервативные силы не сумели остановить рост революционной волны в республике. Поэтому они были вынуждены отступить с целью перегруппировки сил. Главная их задача в Молдове теперь сводилась к недопущению образования широкого демократического фронта из представителей всех национальностей. Для этого им было необходимо расширить и закрепить наметившийся раскол общества по национальному признаку. С этой целью они использовали самые провокационные приемы. Так, к примеру, в начале декабря 1989 года с подачи директора Молдавского металлургического завода А.К.Белитченко (заявление прозвучало на общезаводском партийном собрании) стали распространяться слухи о том, что в г. Резине, при аттестации работников аппарата райисполкома, освободили с работы представителей русскоязычного населения. Подхватив этот слух, бюллетень “Трудовой Тирасполь” в корреспонденции “На повестку дня - референдум” писал: “Русскоязычные граждане подвергаются гонениям. Как было сказано на недавнем пленуме Интердвижения “Единство”, особо ретиво принялись проверять соблюдение языковых законов в Резине, где предложено уйти с работы одному из заместителей председателя райисполкома, шести работникам райпотребсоюза, работнику ЗАГС”¹²⁶.

Последующая проверка напечатанных официозом тираспольских забастовщиков фактов показало их полную вымышленность. В информационной справке, составленной Резинским райкомом партии, по поводу этого случая отмечалось: “Таким образом волны провокации охватили всю республику. В ответ уже раздаются: “В ответ националистам надо принимать контрмеры...” То и дело раздаются звонки из Кишинева, Тирасполя, Бендер с одним и тем же вопросом: “Действительно ли так поступили у вас?” Мы объясняем, что из сотрудников Резинского райисполкома не были аттестованы четыре человека (три молдаванина и одна украинка), потому что не соответствовали занимаемым должностям. В райпотребсоюзе аттестация кадров завершилась лишь под новый год. В этот период не был уволен ни один работник”¹²⁷. И это один лишь из многих примеров провокационных слухов и измышлений, ставшие повседневностью в деятельности Интердвижения и имевшие

цель максимально обострить межнациональные отношения в Молдове. Особенно преуспело Интердвижение в межэтническом расколе молдавского общества в Приднестровье.

Осенью 1990 года “красные директора” в Приднестровье не на шутку были встревожены поражением забастовок и перспективой потери своих кастовых привилегий. Поэтому имевшиеся в их распоряжении огромные финансовые и организационные возможности были брошены на разжигание межнациональной розни – единственное, что могло помешать росту революционных настроений масс. С этой целью они использовали различные приемы в особенности раздувание пугала национализма и вскоре ставшее их излюбленным коньком – румынофобии. Стремление молдаван к национальной эмансипации они преподнесли как человеконенавистнический национализм, а молдаван рисовали как потерявших голову националистов. Как бы ретроспективно воспроизводя удручающую атмосферу идеологических провокаций тех дней, представители так называемой приднестровской историографии пишут буквально следующее: “Представители многочисленных националистических кружков, слившихся в Народный Фронт в конце 80-х гг., беспрестанно маршировали по улицам Кишинева и других населенных пунктов, устраивали погромы, избивали ни в чем не повинных людей, поджигали редакции русских газет. Их лозунги времен фашистского диктатора Антонеску (“Русских за Днестр, евреев в Днестр!”, “Утопим русских в жидовской крови!”) были дополнены новейшим творчеством – “Русский Иван, собирай чемодан!”, “Чемодан – вокзал – Магадан!” и т.д.”¹²⁸.

В процитированном выше маленьком пассаже спрессована большая ложь. Начнем с того, что в этот период в Молдове действительно ощущалось серьезная политическая и частично межэтническая напряженность, однако, никаких погромов в действительности никогда не было. Все разговоры о якобы имевших место в Молдове погромах являются такой же провокационной ложью тираспольских пиарщиков, как и приведенный выше пример о якобы преследовании русскоязычных в городе Резина. Что касается поджога редакции русскоязычной газеты “Молодежь Молдавии”, то это был единичный случай и к тому же так и не удалось найти действительных поджигателей. Что касается антисемитских лозунгов, приписываемых молдавскому национально-освободительному движению, то это является или откровенной ложью, или, что скорее соответствует действительности, эти лозунги были

¹²⁶ АСПОРМ. ф.51, он.74, д.52, л.51.

¹²⁷ Ibidem., л.51-52.

¹²⁸ Бабилунга Н.Б., Бомешко Б.Г. Приднестровский конфликт., с.20.

сфабрикованы в идеологических лабораториях интерфронтальной пропаганды и по Гапоновски подло были подрезаны митингующим массам. Автор этих строк в описываемые годы был непосредственным свидетелем большинства многочисленных митингов, как Демократического движения, так и Интердвижения в Кишиневе. Не могу припомнить, чтобы на этих митингах когда-либо появлялись антисемитские лозунги. Но зато хорошо помню, как на одном из митингов Демократического движения весной 1989 года в Зеленом театре Кишинева его организаторы настойчиво потребовали от одного из участников, чтобы он убрал транспарант с надписью "Чемодан, вокзал, Россия".

Кстати, тираспольские историки почему-то большинство своих работ в защиту сепаратизма издают без научного аппарата. Так что проверить источниковедческую базу их утверждений не представляется возможным. Что касается наших утверждений, то они основываются главным образом не на личных воспоминаниях, а на строгих архивных изысканиях. Так мы самым тщательным образом изучили десятки дел, содержащиеся в описи 72 и 74 фонда 51 архива социально-политических организаций Республики Молдова, в которых содержатся докладные записки министра внутренних дел МССР, других ответственных лиц в ЦК КП Молдавии о содержании митингов, имевших место в республике в конце 80-х – начале 90-х годов. Ни в одном из просмотренных нами отчетов о митингах, мы не нашли упоминаний об антисемитских лозунгах. Так, к примеру, в своей докладной записке в ЦК КПМ об одном из самых бурных митингов Народного Фронта от 7 ноября 1989 года тогдашний министр внутренних дел республики, генерал-майор милиции В.Воронин счел необходимым упомянуть о следующих лозунгах митингующих: "Перестройка – реальность, конец последней империи, именуемой Советский Союз", "Армия за Днестр! Молдавии никто не угрожает", "Партия цинизма, позор и безумие нашей эпохи!"¹²⁹. Ни о каких антисемитских проявлениях, как видно из этой докладной записки, и речи не было. А, учитывая более чем негативное отношение функционеров ЦК КПМ к Народному Фронту Молдовы, то не вызывает сомнения, что любое проявление антисемитизма на митингах демократов, немедленно было бы зафиксировано в их докладных записках. Однако подобные свидетельства в архивных документах отсутствуют. В связи с этим становится очевидным, что антисемитизм был очень необходим идеологам Интердвижения для того, чтобы представить Демократическое движение Молдовы конца 80-х годов в ксенофобских то-

нах. А за неизменным реальным проявлением антисемитизма, приходилось его придумывать и голосово приписывать своим оппонентам.

Неудача "лингвистических" забастовок поколебала веру многих русскоязычных граждан в правоту призывов лидеров Интердвижения. Наиболее дальновидные представители национальных меньшинств в Молдове начали проявлять желание интегрироваться в национально-культурную жизнь республики. Именно в конце 1989 года в Молдове растет число не молдаван, желающих изучать румынский язык. По информации поступившей в ЦК КПМ к концу 1989 года в республике функционировало около 2-х тысяч групп для взрослого населения для изучения молдавского (румынского) языка, которыми были охвачены около 30 тысяч человек¹³⁰. Эта тенденция была характерна как для правобережных, так и левобережных районов. Однако в Приднестровье ситуация быстро стала иной. Уже 13 сентября того же года внеочередная XIII сессия Тираспольского Совета народных депутатов принимает беспрецедентное решение о приостановлении действия ряда статей Закона МССР "О статусе государственного языка Молдавской ССР" и "О функционировании языков на территории Молдавской ССР" на территории Тираспольского городского Совета. Одновременно было принято решение "обратиться от имени сессии городского Совета ко всем трудящимся городов и районов Тирасполь, Бендеры, Рыбница, Слободзея, Каменка, Бельцы, Григоровполь, Дубоссары с предложением по созданию автономии в составе МССР. До 10 октября 1989 года во всех трудовых коллективах города, по месту жительства обсудить вопрос о создании автономии, для чего провести референдум (тайное голосование). По результатам голосования до 20 октября провести сессию городского Совета для выполнения решения"¹³¹. Аналогичные решения принимают Бендерский и Рыбницкий городские Советы¹³².

Приостановление действия законов принятых Верховным Советом МССР решениями нижестоящих советов, каковыми являлись городские Советы Тирасполя, Бендер и Рыбницы представляло собой открытое покушение на конституционные устои советского строя. И хотя лидеры Интердвижения в Молдове испустили тоны бумаги в стремлении обновить свою приверженность целостности Советского Союза, факты говорят о том, что они первыми своими антиконституционными действиями вышли за пределы существовавшего тогда советского правового поля, таким образом, способствуя разрушению Советского Союза.

¹³⁰ *Ibidem*, д.109, л.28.

¹³¹ *Ibidem*, д.79, л.206-207

¹³² *Ibidem*, л.212, 217.

¹²⁹ АСНОРМ. ф.51, он.74, д.79, л.273.

Антиконституционные действия приднестровских лидеров, направленные против процесса национального возрождения в Молдове, обычно проходили безнаказанно для их инициаторов. В то же время участники демократических митингов в Кишиневе, других населенных пунктах Молдовы подвергались преследованиям со стороны советских властей. В отчетах поступивших в ЦК КПМ было зафиксировано, что только "в первой половине 1989 года были проведены несанкционированные митинги и шествия 22 и 29 января, 26 февраля, 8 и 12 марта, 23 апреля, 1 мая, где наряду с требованиями быстрее решения проблем языка, применения латинской письменности допускались оскорбительные выпады в адрес партийных и государственных органов, призывы к забастовкам, бойкотированию выборов народных депутатов СССР... За нарушение установленного порядка организации и проведения собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций в органы внутренних дел доставлено 230 человек, их них 204 человека в Кишиневе, 22 человека в Бельцах, 4 человека в Калараше"¹³³.

В то же время в просмотренных нами документах мы не нашли ни одного упоминания о задержании участников митингов Интердвижения в городах Приднестровья. Советская карательная машина работала только в одном направлении - против радикальной тенденции перестройки. Это обстоятельство вызывало возмущение и протест десятков тысяч людей и приводило к еще большей радикализации демократического движения. На этом фоне произошли события 7 и 10 ноября в Кишиневе, когда возмущенные массы не позволили провести военный парад и подвергли осаде здание Министерства внутренних дел с требованием освободить арестованных участников демократических митингов. Реакция властей на эти действия демократических сил была быстрой. В Кишинев были введены войска.

Союзное руководство явно не справлялось с ситуацией не только в Молдове. В Москве просто не ожидали, что первые шаги по демократизации внутриполитической жизни в СССР вызовут такую реакцию в сфере межнациональных отношений. В союзных республиках самой мощной составляющей борьбы за демократию и гласность стала движение за национальное возрождение. Национализм в союзных советских республиках стал ахиллесовой пятой советского строя. Этнические русские и обрусевшие "националы" сплона испытывали на себе, как представители главной имперской нации в Советском Союзе, все неприятные последствия роста национального самознания местного населения,

¹³³ *Ibidem*, on. 72, d. 20, л. 47.

которое в ряде случаев приобрела форму воинственного национализма. Как всегда бывает в эпоху революционных потрясений, на первоначальном этапе революции всегда забегают вперед, чтобы лишь со временем вернуться к среднему нормальному состоянию. И, как правило, у каждой революции есть своя Вандея.

Поначалу коммунистическое руководство попыталось остановить рост национальных движений в республиках грубой вооруженной силой. Большой общественно-политический резонанс вызвали события в Тбилиси в апреле 1989 года, где в результате пресечения войсками несанкционированной демонстрации погибло 18 человек. В январе 1990 года при вводе войск в Баку было убито более 100 человек. В январе 1991 года произошли столкновения с войсками в Вильносе и Риге, сопровождавшиеся человеческими жертвами. Эти события резко обострили противоречия между центром и республиками, усилили стремление к суверенизации. В Молдове события в ноябре 1989 года и позже в октябре 1990 года развивались по сценарию вмешательства войск во внутриполитическую жизнь республики. Однако молдавское демократическое движение не дало в этих случаях втянуть себя провокациями в ловушку и трезвыми действиями предотвратило лобовой столкновение с центральной властью. К сожалению, вооруженного столкновения с внутренней контрреволюцией не удалось избежать позже, в 1992 году.

Наступивший 1990 год стал решающим в превращении Приднестровья в молдавскую контрреволюционную Вандею. В феврале-марте этого года в Молдове прошли первые демократические парламентские выборы. Главными соперниками на выборах выступили представители Демократического движения, которые к этому времени организационно конституировались в Народный Фронт, которым противостояли представители Интердвижения "Унитате-Единство". Республиканская коммунистическая партия к этому времени уже настолько потеряла свой авторитет, что выступала на выборах не как активная политическая сила, а, скорее, как статист. Достаточно сказать, что если в 1989 году из КПМ вышло 2 тысячи человек, то в 1990 году партийную организацию республики покинуло более 25 тысяч ее членов¹³⁴.

Вопреки активно насаждаемому сепаратистской пропагандой мнению парламентские выборы 1990 года отнюдь не были выиграны Народным Фронтом. Из 380 мест в Верховном Совете МССР народными депутатами по списку поддержанным НФМ стали всего 94 человека¹³⁵.

¹³⁴ *Ibidem*, d. 37, л. 143.

¹³⁵ *Ibidem*, on. 74, d. 92, л. 68.

Однако именно этот Верховный Совет, которому предстояло стать первым парламентом независимой Молдовы, принял революционные решения 1990 года, подготовившие почву для провозглашения политической независимости страны. За эти решения голосовали отнюдь не только депутаты Народного Фронта Молдовы, а большинство депутатов Парламента, за исключением депутатов от Интердвижения, ядро которых составляли представители Приднестровья.

Начавшаяся в апреле первая сессия вновь избранного Верховного Совета МССР не оставила сторонникам Интердвижения надежд овладеть ситуацией парламентскими методами. Об этом недвусмысленно признается в своей книге сам лидер приднестровских сепаратистов И.Смирнов: "В парламенте же все попытки депутатов-"интердвиженцев", создавших группу "Советская Молдавия", в которую и мы вошли, были заведомо обречены на провал"¹³⁶. Поэтому лидеры сепаратизма, преследуя свои меркантильные цели, ступили на накатанную уже дорожку антиконституционных действий. Еще в декабре-январе 1989-90 годов в ряде городов Приднестровья прошли незаконные референдумы в вопросе предоставления этим населенным пунктам территориальной автономии. Все эти акты были объявлены вне закона соответствующими решениями Президиума Верховного Совета МССР¹³⁷.

Однако этими стерильными действиями реакция официальных властей на нарушение Конституции МССР и ограничилась. Почувствовав себя в безопасности, городские Советы приднестровских городов (пальма первенства и на этот раз принадлежала Тирасполю) в апреле-мае 1990 года объявляют недействующими на своей территории Закон МССР о государственном флаге республики¹³⁸. А для того чтобы придать видимость законности своим действиям, лидеры крепнущего приднестровского сепаратизма созывают 2 июня 1990 года в селе Парканы антиконституционный съезд депутатов всех уровней Приднестровья и города Бендер, на котором объявляют о непризнании на своей территории законных актов Верховного Совета МССР¹³⁹. При этом тираспольские лидеры оправдывали свои сепаратистские действия демагогически-м ссылками на различные законы СССР¹⁴⁰.

¹³⁶ Смирнов И.Н. *Жить на нашей земле. / Советский писатель. - Москва, 2001. с.40.*

¹³⁷ Nedelciuc V. *Republica Moldova. / Universitas. - Chişinău, 1992, p.62-26*

¹³⁸ *Ibidem.*, p.63-64.

¹³⁹ *Ibidem.*, p.64.

¹⁴⁰ *Cojocaru G. Separatismul...*, p.39.

Антиконституционные действия тираспольских лидеров не нашли адекватного ответа со стороны властей Молдовы. В эти и последующие месяцы будет продолжена порочная практика объявления Верховным Советом МССР незаконности принимаемых сепаратистами решений без того, чтобы эти заявления сопровождался практическими шагами по восстановлению законности и конституционного порядка в Приднестровье. Справедливости ради надо отметить, что возможности республиканских властей в этом смысле были достаточно ограничены вследствие влияния центрального советского правительства, которое поощряло сепаратизм или в лучшем случае оставалось безучастным наблюдателем его усиления в Молдове. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в ускорении процесса принятия парламентом Молдовы декларации о суверенитете 23 июня 1990 года, в которой объявлялась приоритетность Конституции и законов МССР на ее территории¹⁴¹. Таким образом можно констатировать, что приднестровские сепаратисты своими действиями, вопреки своим же заявлениям, расшатывали внутреннее единство СССР, выталкивали Молдову за рамки правового поля Советского Союза.

Крупным успехом Интердвижения в Молдове было привлечение на свою сторону многочисленных представителей национальных меньшинств в республике и в особенности гагаузов. Последние в условиях советского строя подверглись особенно сильной денационализации и русификации. Поэтому гагаузы объективно были более всего заинтересованы в демонтаже советской модели межнациональных отношений. Однако молдавское национально-освободительное движение не сумело выработать цельную и продуманную программу взаимодействия с национальными меньшинствами и привлечь их на свою сторону. В результате национальные меньшинства стали жертвами демагогической пропаганды Интердвижения и приднестровского сепаратизма. Как следствие в начале 90-х годов гагаузы, чье стремление к национальному возрождению было вполне оправдано, не раз становились послушным орудием в провокационных планах тираспольских лидеров.

Так, полностью вписалось в логику действий тираспольских сепаратистов по территориальному расчленению Молдовы, провозглашение гагаузами 19 августа 1990 года независимой Гагаузской Республики в составе СССР¹⁴². Испытан на гагаузах действенность механизма анти-

¹⁴¹ *Declarația cu privire la suveranitatea Republicii Sovietice Socialiste Moldova. // Republica Moldova: istoria politică (1989 - 2000). Documente și materiale. Volumul I. / USM. - Chişinău, 2000, p.18.*

¹⁴² *Cojocaru G. Separatismul...*, p.45.

конституционного действия 2 сентября того же года тираспольские сепаратисты провозглашают Приднестровскую Республику¹⁴³. Таким образом, этими двумя антиконституционными актами процесс территориального расчленения республики вышел на новый уровень. С августа-сентября 1990 года начинается второй этап эскалации внутренней политической напряженности в Молдове, которая имела своим результатом вооруженный конфликт на Днестре.

После провозглашения сепаратистской республики тираспольские лидеры взяли курс на ее укрепление и полный отрыв от Молдовы. Еще в июле 1989 года в Тирасполе было принято решение о создании за счет средств промышленных предприятий, директора которых позднее возглавили антиконституционный мятеж в левобережных районах Молдовы, военизированных подразделений РОСМ (рабочие отряды содействия милиции). Они стали первыми военизированными формированиями, на основе которых выросли будущие незаконные вооруженные силы сепаратистов. Осенью 1990 года сепаратисты приступили к вооружению своих военизированных формирований стрелковым оружием. Стало очевидно, что в Тирасполе было принято решение о переводе развивающегося конфликта в правобережных районах Молдовы в фазу вооруженного противостояния. Сепаратистские лидеры нуждались в пролитии крови, для того чтобы закрепить территориальное расчленение республики. Последующие события полностью подтвердили правомерность этого суждения.

Осень 1990 года стала периодом консолидации сепаратистских анклавов в Молдове. Молдавское правительство явно не справлялась с угрозой потери территориальной целостности республики. Это стало особенно очевидно после выездного заседания Правительства Друка от 17 сентября, которое состоялось в левобережных Дубоссарах. Заседание Правительства практически было сорвано толпой в несколько сот человек, которые под влиянием сепаратистской пропаганды ворвались в здание, где заседали министры и вынудили их покинуть город. Это стало знаковым событием в нарастающем приднестровском конфликте. Правительство республики, высший авторитет исполнительной власти оказался не способным осуществлять свои прямые функции на части управляемой им территории. Налицо был явный кризис власти.

¹⁴³ *Постановление Второго Чрезвычайного съезда народных депутатов всех уровней Приднестровского региона (2 сентября 1990 года). // Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики. Сборник официальных документов. / РИО ППКУ. - Тирасполь, 1993, с.82-84.*

Очередной виток напряженности произошел в октябре, когда по призыву Народного Фронта тысячи добровольцев направились в южные районы с целью не допустить незаконные выборы в самопровозглашенной Гагаузской республике. Это был стихийный патриотический порыв тысяч людей, которые пытались таким образом остановить расползание сепаратизма в Молдове. Вместе с тем следует признать, что эта искренняя манифестация патриотизма не была поддержана надлежащими организационными мероприятиями властей, вследствие чего она могла вылиться в массовое кровопролитие. И хотя худшего удалось избежать, однако в зону были введены войска МВД СССР, под фактическим прикрытием которых в Гагаузии были проведены незаконные выборы.

Во время этих событий впервые открыто проявилась тесная координация действий лидеров сепаратизма в Гагаузии и Приднестровье. Большой отряд так называемых приднестровских добровольцев прибыл в Комрат, где с оружием в руках готов был дать бой силам молдавской полиции. В Чимишии был задержан Рыляков, один из ближайших сподвижников И.Смирнова, который был послан со специальной миссией из Тирасполя в Комрат, для координации совместных действий сепаратистов против конституционных властей Молдовы¹⁴⁴. При этом гагаузские лидеры действовали также в тесной связке с командованием десантной дивизии, расположенной в Болграде. Состоявшейся 30 октября съезд депутатов всех уровней Гагаузии в своей декларации выражал благодарность за оказанную помощь против кишиневских властей "рабочим ПМССР, солдатам болгарского гарнизона и войскам МВД СССР"¹⁴⁵.

Успех сепаратистов в Гагаузии, а также их безнаказанность вдохновил лидеров самопровозглашенной республики в Приднестровье на дальнейшую эскалацию антизаконных действий. Триумфальное возвращение отряда рыбацких сепаратистов из Гагаузии привело к блокированию ими 2 ноября моста через реку Днестр в районе Дубоссар. Одновременно в самих Дубоссарах сепаратисты захватывают здания районного исполнительного комитета, прокуратуры и суда, блокируют здание полиции. В сущности, они совершили государственный переворот на местном уровне. Сепаратисты не могли не понимать, что законные власти Молдовы обязаны были предпринять все от них зависящее, в том числе силовые акции для восстановления конституционного поряд-

¹⁴⁴ *Cojocaru G. Separatismul... p.70-71.*

¹⁴⁵ *Ibidem, p.72.*

ка в зоне государственного мятежа. И тот факт, что сепаратистские лидеры сознательно шли на силовое выдавливание конституционных органов власти из зоны Приднестровья, безусловно выдавали их интенции по разжиганию вооруженного конфликта.

Посланные на помощь конституционным органам власти в Дубосарах полицейские силы подверглись атаке со стороны сепаратистов с использованием бутылок с зажигательной смесью, камней, арматурных прутьев и т.д. После многочисленных ранений полицейских, последние впервые после более чем годичного наступления сепаратистов на конституционные органы власти, применяют огнестрельное оружие против нападающих. В результате три человека из нападавших были убиты¹⁴⁶. Таким образом, начинают приобретать осязаемые очертания планы тираспольских лидеров направленные на провоцирование кровопролития с тем, чтобы углубить конфликт, сделать его урегулирование невозможным. Смирнову и его команде нужна была кровь, чтобы повзвать всех участников сепаратистской провокации круговой порукой, надежно блокировать политическое решение конфликта.

Уже на первоначальном этапе приднестровского конфликта в Кишиневе существовали подозрения в стимулировании сепаратистских тенденций в республике из союзного Центра. Эти подозрения приобрели характер документальных свидетельств после московского путча ГКЧП 19 августа 1991 года. Заключение в следственный изолятор главварей ГКЧП позволило провести их допрос, в том числе и по событиям в Молдове. В Москву для этих целей был командирован из Кишинева следователь по особо важным делам Генеральной Прокуратуры Молдовы П.Лутенко, который ознакомился со следственными делами ряда членов ГКЧП и в первую очередь председателя Верховного Совета СССР А.Лукиянова. Материалы следствия неопровержимо доказывают прямое участие А.Лукиянова, ряда ответственных лиц КГБ СССР, Министерства обороны СССР, МВД СССР, депутатов ВС СССР из депутатской группы "Союз" в разжигании сепаратизма в Молдове¹⁴⁷. Об этом недвусмысленно признается в своей книге и сам лидер тираспольских сепаратистов И. Смирнов, который упоминая о своих частных поездках в тот период в Москву признается: «Пришлось встречаться тогда

с Лукьяновым, Нишановым, с "силовиками" Крючковым, Язовым, Шаталовым, Громовым"¹⁴⁸.

В конце декабря 1990 года сепаратистские лидеры организуют в Приднестровье так называемые выборы в Верховный Совет ПМССР. В рамках развернувшейся предвыборной кампании основным пропагандистским приемом тираспольских лидеров становится раздувание угрозы объединения Молдовы с Румынией. В этих условиях Парламент Молдовы вынужден был принять декларацию, в которой опровергал подобные инсинуации в адрес молдавского руководства и подчеркивал, что эти слухи придуманы и преднамеренно распространяются "силами враждебными процессам демократизации"¹⁴⁹.

Однако следует признать, что пропагандистская машина сепаратистов функционировала достаточно эффективно, в том числе и среди молдаван Приднестровья. Объясняется это многими факторами, как, например, долгосрочной советской традицией промывания мозгов населения Молдовы и в особенности Приднестровья и, которая всегда строилась на румынофобских принципах. В то же время тираспольский сепаратистский режим установил в Приднестровье жесткую цензуру, которая в купе с авторитарным политическим режимом обеспечивала всегда необходимый сепаратистскому руководству электоральный результат. Эти обстоятельства не ускользнули от внимания западных корреспондентов, которые наблюдали воочию за приднестровскими выборами. Так, корреспондент влиятельной парижской Le Monde замечал в своем сообщении из Приднестровья: "Выборы, организованные 25 ноября 1990 г., ... показали, что власти на местах, которые представляют себя в качестве защитников "меньшинств и прав человека", имеют весьма неясное представление о демократии: выдвижение только одного кандидата (чаще всего члена КПСС) или видимость выдвижения нескольких кандидатур, отсутствие порой кабины для голосования (зачастую более 90%) вызывают сомнение в искренности выборов... Значительная часть молдавского меньшинства Приднестровской республики, составляющего 40% ее населения, отказалась от участия в выборах, хотя по сводкам из Тирасполя численность участников голосования была триумфальной"¹⁵⁰.

Год спустя, этот же корреспондент парижской газеты вновь беспристрастно фиксирует ситуацию на выборах уже так называемого президента Приднестровья 1 декабря 1991 года. "Один молдаванин, прожи-

¹⁴⁶ Nedelciuc V. Republica Moldova., p.67.

¹⁴⁷ Как Лукьянов создавал "Приднестровскую Республику". Интервью с Павлом Лутенко, следователем по особо важным делам Генеральной Прокуратуры Республики Молдова. // «Независимая Молдова», 1992, 26 мая; Cojocaru G. Separatismul..., p.5-6.

¹⁴⁸ Смирнов И.Н. Указ. соч., с.48.

¹⁴⁹ Republica Moldova: istoria politică (1989-2000), p.361.

¹⁵⁰ Республика Молдова в 1989-1991 годах: Взгляд со стороны., с.102.

вающий в Приднестровье, считает, что “в выборах участвовало только большевистское отребье”. Другое объяснение, прозвучавшее в Кишиневе: “молдаване, участвовавшие в выборах, вынуждены были это сделать под дулом автоматов”. Продолжая делиться со своими читателями впечатлениями о выборах в Приднестровье корреспондент Le Monde писал: “В одной из расположенных недалеко от Тирасполя деревень, сельчанка Мария Маракуца не выходит из дому, чтобы “не встретиться с приехавшими из Тирасполя агитаторами, которые заставляют голосовать”. Молдаванин – председатель сельсовета отказался от организации выборов, но избирательные урны были доставлены из Тирасполя на автобусах, “под охраной” вооруженной милиции. Зато пожилая крестьянка-молдаванка говорит в оправдание своего участия в выборах: “Я родилась с русскими, с русскими я и останусь”¹⁵¹.

Несмотря на то, что часть жителей Приднестровья подпали под влияние сепаратистской пропаганды, однако, даже с учетом этого фактора важно подчеркнуть другое. Никогда на протяжении всего периода существования самопровозглашенной Приднестровской республики ее жители, участвовавшие в многочисленных выборах и референдумах организованных сепаратистскими властями, не имели реальной возможности выразить свою волю в условиях безусловного соблюдения демократических прав и свобод избирателя. Поэтому ссылка тираспольских лидеров на волю избирателей является совершенно бесосновательной и может вести в заблуждение лишь людей, не знакомых с приднестровской политической действительностью, начиная с конца 80-х годов.

На протяжении 1991 года происходил непрерывный процесс силового вытеснения конституционных органов власти из Приднестровья. В январе-марте этого года так называемый Верховный Совет самопровозглашенной ПМССР принимает ряд решений, направленных на демонтаж единой денежно-банковской и налоговой системы Молдовы¹⁵². Также в этот период в Тирасполе, Дубоссарах и Рыбнице создаются военизированные отряды якобы для нужд гражданской обороны численностью в несколько сот человек, которые подчиняются ОСТК. Все они вооружаются стрелковым оружием из арсеналов дислоцированной в Приднестровье 14 армии¹⁵³.

Особенно провокационный характер имели решения Верховного Совета ПМССР от 6 мая 1991 года о переходе правоохранительных органов Приднестровья под юрисдикцию самопровозглашенной респуб-

лики¹⁵⁴. Процесс переподчинения правоохранительных органов сепаратистским властям чаще всего происходил посредством захвата зданий судов, прокуратуры, отделений полиции и органов безопасности распространяемыми толпами гражданских лиц, среди которых было много женщин, но за спинами, которых всегда скрывались вооруженные боевики. Их расчет был прост. Необходимо было спровоцировать действия полиции против женщин, чтобы затем получить предлог обвинить конституционные власти Молдовы в жестоком обращении с гражданскими лицами. Вот как описывает процедуру этого рода провокаций небезызвестная Галина Андреева, возглавившая так называемый женский забастовочный комитет Приднестровья. В своей книге, описывая события сентября 1991 года, она отмечает: “Забастовку совместно с Объединенным советом трудовых коллективов вскоре активно включили в идеологическую и организаторскую работу по укреплению приднестровской государственности. Причем действовали сразу по целому ряду важнейших направлений. Одним задом на двух стульях пытался усидеть тираспольский прокурор Паскарь. С 17 сентября у прокуратуры был выставлен женский пикет. Мобильные женские отряды стали появляться у судов, МГБ, милиции, воинских частей – с требованиями о переходе под юрисдикцию Приднестровья”¹⁵⁵.

Сама того не желая, Г.Андреева фактически признает, что массовое движение жителей Приднестровья против законных органов власти Молдовы имитировали “мобильные женские отряды”, которые выполняли задание сепаратистских лидеров. Однако конституционные власти так и не смогли найти эффективных мер противодействия сепаратистским провокациям. В то же время они не могли безучастно наблюдать, как вооруженные сепаратисты, прикрываясь женщинами, нагло расправлялись с правоохранительными органами на левом берегу Днестра. В результате множилось случаи столкновений полиции с сепаратистами, которые рано или поздно должны были перерасти в крупное вооруженное столкновение. Таким образом, провокационные решения и практические действия сепаратистских властей Приднестровья по силовому переподчинению себе правоохранительных органов власти стали непосредственными причинами развязывания вооруженного конфликта.

Катализатором резкого усиления приднестровского конфликта стали события 19 августа 1991 года в Москве, получившие название путча

¹⁵¹ *Ibidem*, с.156.

¹⁵² Nedelciuc V. *Republica Moldova*, p.69.

¹⁵³ *Ibidem*.

¹⁵⁴ *Ibidem*, p.70.

¹⁵⁵ Андреева Г.С. *Женщины Приднестровья. / Упротографиздат. - Тирасполь, 2000, с.27.*

ГКЧП. Реакция демократических властей Молдовы на эти события состояли в категорическом их неприятии. Десятки тысяч людей по всей республике поднимались на защиту демократии. По призыву руководства республики в Кишиневе 20 августа состоялся массовый митинг протеста против действий ГКЧП, в котором участвовало несколько сот тысяч человек¹⁵⁶. Совершенно иной была реакция лидеров Приднестровья. Уже во второй половине дня 19 августа на собрании руководителей тираспольских предприятий в соответствии с указом путчистов был учрежден чрезвычайный комитет из 10 человек во главе с заместителем председателя городского Совета Рыляковым¹⁵⁷. Председатель ОСТК Приднестровья Емельянов направил в адрес председателя ГКЧП телеграмму с выражением поддержки действий путчистов¹⁵⁸. В тот же день председатель так называемого Верховного Совета ПМССР Г.Маракуца от имени сепаратистского законодательного органа подписывает декларацию о поддержке ГКЧП¹⁵⁹. Примеру приднестровских сепаратистов последовали и лидеры самопровозглашенной Гагаузской республики¹⁶⁰.

Однако путч ГКЧП потерпел полное поражение, и это означало конец СССР. Одна за другой советские республики начали провозглашать свою политическую независимость. В этих условиях сепаратистские лидеры Приднестровья, которые открыто поддержали ГКЧП и послали в Москву своих боевиков для поддержки путча, оказались в критической ситуации. Они стояли перед необходимостью радикально изменить стратегию своего поведения. Имперский центр, на который они ориентировались, опасно зашатался. Необходимо было найти новое идеологическое обоснование своих сепаратистских действий, найти новых союзников. И нужно отметить, что тираспольские лидеры сумели очень быстро перестроиться, выстроить новую идеологию поведения нацеленную на использовании российских геостратегических интересов в Юго-Западной Европе.

Однако, учитывая свою дискредитацию в глазах нового российского руководства в связи с поддержкой ГКЧП, сепаратистские лидеры Приднестровья поначалу искали поддержку в наиболее шовинистической настроенной части российского общества, которое переживало чувство глубокого унижения в связи с падением империи. Одновременно

тираспольские лидеры пытались заручиться поддержкой Киева. Сепаратисты правильно рассчитали, что добиться поставленной цели можно было лишь спровоцировав в Молдове межэтническую напряженность. Но, учитывая традиционную для Молдовы этническую терпимость молдаван, осуществить свои планы Тирасполь мог лишь посредством разжигания вооруженного конфликта. Лидерам сепаратизма для собственного спасения нужна была война. Необходимо было пролить кровь, чтобы добиться поддержки извне, и одновременно добиться этнополитического раскола внутри страны.

Курс на войну был взят тираспольскими лидерами окончательно в условиях, когда начались судебные преследования в связи с поддержкой ими ГКЧП. И.Н.Смирнов откровенно написал об этом в своей книге, когда описывает собственные мытарства в период вынужденного укрытия от ареста. «Пришлось в течение нескольких ночей скрываться на территории штаба четырнадцатой армии, куда нас пригласил командующий Г.И.Яковлев», - признается сепаратистский лидер. И добавляет, - «Ощущение было, прямо скажу, не из приятных. Вот в этот острый момент мы и поняли, что пора кончать затянувшуюся вольнку с переходом на нашу сторону милиции и других правоохранительных органов, осознали и то, что пора свои структуры – территориальные спасательные отряды (ТСО) переводить в новое качество – создавать республиканскую гвардию»¹⁶¹. Этим своим признанием И.Смирнов еще раз подтверждает то, что сепаратистская республика в Приднестровье создавалась по инициативе «красных директоров» и их клиентелы, и предназначалась для обеспечения личных интересов узкой прослойки приднестровской советской партийно-хозяйственной номенклатуры.

Приднестровские сепаратисты особенно старательно обосновывают свой интернационализм, который, согласно их же пропаганде, получил наиболее законченное воплощение в СССР. Однако в действительности Советский Союз интересовал сепаратистских лидеров исключительно как государство, в котором они находили защиту своим сословным привилегиям. Как только СССР перестал отвечать этим требованиям, они без сожаления его предали. Так, 25 августа 1991 года на территории завода им. Кирова состоялась сессия так называемого Верховного Совета ПМССР, на которой была провозглашена независимость сепаратистской республики в Приднестровье¹⁶². Республика Молдова в это время де-юре продолжала оставаться в составе советского союзного

¹⁵⁶ Cojocaru G. O cronică a evenimentelor din August '91. // Caiete de istorie, Chișinău, an.1, nr.1, noiembrie 2002, p.17.

¹⁵⁷ "Sfatul Țării", 1991, 20 august.

¹⁵⁸ "Трудовой Тирасполь", 1991, 21-28 августа.

¹⁵⁹ "Moldova Suverană", 1991, 27 noiembrie.

¹⁶⁰ "Sfatul Țării", 1991, 20 august.

¹⁶¹ Смирнов В.И. Указ. соч., с.69.

¹⁶² Ibidem

государства, в то время как сепаратистское Приднестровье поспешило приложить плечо к юридическому развалу СССР. Этот неоспоримый факт сепаратистские лидеры и их пропаганда никогда особенно не афишируют.

Провозглашение 27 августа 1991 года независимости Республики Молдова ознаменовало собой начало этапа перерастания приднестровского конфликта в фазу вооруженного противостояния. 6 сентября 1991 года Верховный Совет так называемой ПМР принимает решение о переходе всех конституционных органов власти в Приднестровье под юрисдикцию самопровозглашенной республики. Одновременно принимается постановление о создании «республиканской гвардии»¹⁶³. Этими решениями своего Верховного Совета сепаратистские лидеры практически взяли курс на развязывание вооруженного конфликта, который начался акциями силового захвата конституционных органов власти в Приднестровье вооруженными боевиками, организованными в республиканскую гвардию.

В литературе, посвященной теме исследования, начало вооруженного конфликта на Днестре обычно идентифицируется с началом марта 1992 года. С нашей точки зрения этот рубеж знаменует лишь начало крупномасштабных боевых действий в рамках приднестровского конфликта. Первые же вооруженные столкновения сторон в конфликте начинаются осенью 1991 года, в процессе силового захвата сепаратистами конституционных органов власти в Приднестровье, в первую очередь, правоохранительных органов. Свидетельством начавшихся уже вооруженных столкновений между сторонами в конфликте может служить подписанный 1 октября 1991 года представителями руководства Республики Молдова, представителями Верховного Совета Российской Федерации и представителями сепаратистских властей Приднестровья согласительный протокол, в котором впервые говорится о необходимости мирного урегулирования конфликта¹⁶⁴.

Однако уже на второй день после подписания протокола он грубым образом нарушается в Тирасполе, где сепаратисты силой переподчиняют себе городской отдел полиции. Затем на протяжении всего периода конца 1991 года следует длинная цепочка вооруженных столкновений между полицией и сепаратистской республиканской гвардией. Открывается список первых жертв вооруженного конфликта 13 декабря 1991 года, когда вооруженные боевики сепаратистов неожиданно от-

крыли огонь на поражение против полицейских сил, посланных на помощь осажденному в Дубоссарах районному отделу полиции. В результате 4 полицейских были убиты и 9 ранено, боевики потеряли 3 человека убитыми и 8 человек ранеными. Было ранено и одно гражданское лицо¹⁶⁵. Этими событиями в Дубоссарах фактически начинается вооруженный конфликт на Днестре, который в течение нескольких месяцев быстро перерос в крупномасштабные боевые действия на трех главных направлениях – Кочиерском, Кошницком и Бендерском.

Таким образом, Республика Молдова, начиная с осени 1991 года оказалась втянутой во внутренний вооруженный конфликт, имевший в качестве главной причины этнополитический конфликт между революционным по своему содержанию национально-освободительным движением в Республике Молдова и контрреволюционными силами, выражавшими интересы наиболее консервативной части бывшего советского партийно-хозяйственного номенклатурного сословия, передовой отряд которого позиционировался в Приднестровье. Вооруженный конфликт был развязан сепаратистскими силами, идеологическим прикрытием которых стала идеология молдовенизма, тянувшая корнями в советскую коммунистическую идеологию и в новых условиях поставленная на службу приднестровскому сепаратизму. Приднестровский вооруженный конфликт стал кульминацией в развитии демократической по своему содержанию и национально-освободительной по своему характеру революции, венчавшее собой обретение Республикой Молдова государственной независимости. Одержавшая победу в правобережной Молдове молдавское национально-освободительное движение не достигло своих целей в Приднестровье и, в этом смысле, осталось незавершенной революцией.

¹⁶³ Nedelciuc V. *Republica Moldova*, p.71.

¹⁶⁴ *Ibidem*, p.72.

¹⁶⁵ *Ibidem*, p.73.

Для заметок

Для заметок